

Т.А. Громова

**Историческая хроника нотариата
Симбирской губернии —
Ульяновской области**

Москва
2010

УДК 347.961(470.42-89)(091)
ББК 67.410г
Г87

Серия «Золотые страницы российского нотариата»

Редакционная коллегия:

В.А. Браташова (председатель), кандидат юридических наук В.Н. Анев,
кандидат юридических наук В.Д. Мишин, А.А. Ерёменко, Е.В. Маслова,
В.Д. Потемкина, В.Д. Чернявский

Г87 Громова Т.А.

Историческая хроника нотариата Симбирской губернии — Ульяновской области. — М.: Фонд развития правовой культуры, 2010. — 288 с. — («Золотые страницы российского нотариата»)

ISBN 978-5-903272-25-9

В книге использованы документальные и изобразительные материалы
Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова
(УКМ)

Государственного историко-мемориального заповедника «Родина
В.И. Ленина» (ГИМЗ «Родина В.И. Ленина»)

Государственного архива Ульяновской области (ГАУО)

Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина (УОНБ)

Нотариального архива Ульяновской области

Архива отдела юстиции Ульяновской области

Публикации и иллюстрации из журналов «Мономах»

и «Деловое обозрение»

Автор благодарит за помощь, оказанную при подготовке книги,
Нотариальную палату Ульяновской области в лице президента Венери
Ахатовны Браташовой.

Особая благодарность Светлане Борисовне Шпанько и Евгению Ев-
геньевичу Фокееву, а также ульяновскому краеведу Алексею Сергеевичу
Сытину за научную консультацию.

УДК 347.961(470.42-89)(091)
ББК 67.410г

ISBN 978-5-903272-25-9

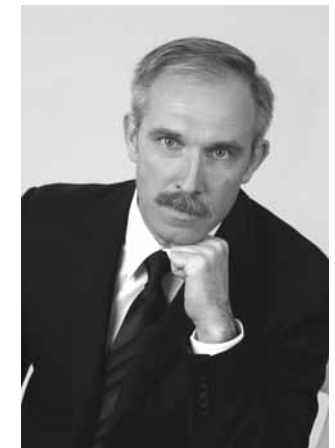
© Громова Т.А., 2010

© Федеральная нотариальная палата, 2010

© Фонд развития правовой культуры, 2010

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках очередную книгу серии «Золотые страницы Российского нотариата». Она была задумана в конце прошлого века, на заре становления возрожденного небюджетного российского нотариата организацией, объединившей всех частнопрактикующих нотариусов нашей страны — Федеральной нотариальной палатой. Возглавлявший ее в то время Анатолий Иванович Тихенко хорошо понимал всю важность изучения и познания собственной истории, в глубинах которой можно найти ответы на современные вопросы и почерпнуть идеи для дальнейшего развития. Именно он, как президент палаты, стал вдохновителем данного проекта, его «движущей силой». Трагический уход из жизни А.И. Тихенко в 2001 году не позволил ему воплотить задуманное, но знамя «Золотых страниц» не упало, его подняли и понесли вперед такие же неравнодушные и увлеченные члены российского нотариального сообщества. И данная книга — еще одно тому подтверждение.

Книга «Исторические хроники нотариата Симбирской губернии — Ульяновской области» — первое серьезное историческое исследование в данной области. Скромное место, которое ранее занимал нотариат в нашей стране, определяло такое же отношение к нему со стороны историков. Многое изменилось в последние десятилетия: развитие рыночных отношений и укрепление института частной собственности привели к возрождению независимого нотариата, подняли его на новый уровень востребованности. Изменилось и собственное отношение нотариусов к своей профессии, появился интерес к истории ее возникновения. Как будто навёрстывая упущенное, нотариальные сообщества в разных регионах России всё чаще стали обращаться к своим историческим корням, к поиску истоков правовой природы нотариата.

Представленная книга появилась на свет по инициативе и при непосредственном участии Нотариальной палаты Ульяновской области. Эта организация, объединяющая всех нотариусов нашего региона, в 2009 году отметила свое 15-летие. В преддверии этого события было задумано провести серьезные исторические изыскания в области зарождения, развития и становления симбирского-ульяновского нотариата. Эта кропотливая работа была проведена сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея Татьяной Алексеевной Громовой. Ее влюбленность в родной край и его историю, глубина познаний в своей области, неиссякаемая энергия и умение работать с историческими материалами позволили создать «живое» и интересное произведение. Оно прочитывается на одном дыхании, потому что написано о людях, личности и дела которых являются тем стрелом, на который нанизываются происходящие события. Помимо этого, в книге использованы и приведены много подлинных архивных документов, некоторые из них являются уникальными. Все это делает произведение серьезным научным исследованием.

При прочтении книги понимаешь, что она посвящена не просто истории возникновения и становления отдельного правового института. Оказывается, история нотариата гармонично вливается в общий контекст исторических событий, через которые прошла наша страна в целом и каждый её регион в отдельности на протяжении всего времени существования Российского государства. Тем более, что отдельные представители этой профессии, такие как П.И. Муромский, В.А. Цимбалин, Е.И. Троицкий, В.П. Диевский, оставили заметный след не только как нотариусы. Они играли важные роли в государственной и общественной жизни Симбирской губернии, занимались благотворительностью, их заслуги отмечены государственными наградами и памятью народной.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что нотариат прошел сложный многовековой путь служения обществу, гарантируя его стабильность и соблюдение законности. И в наше время, будучи неотъемлемой частью правовой системы, нотариусы стоят на страже прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Их ежедневный кропотливый труд зачастую незаметен, ведь главная цель работы нотариуса — помочь людям избежать спора, конфликта. И в этой связи приятно отметить, что вековые традиции «правового миротворчества» достойно продолжают нотариусы Ульяновской области. Хочется пожелать им дальнейших успехов в их нелегком труде, а представленная книга будет хорошим подарком не только членам нотариального сообщества, но и всем, кто любит свой родной край и интересуется его историей.

С.И. Морозов,
губернатор Ульяновской области

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к изучению истории нотариальной службы своего региона, я не могла себе представить, что работа окажется настолько увлекательной, насколько и сложной.

Обращение к историческим документам, возраст которых иногда переваливает за 300 и более лет — сродни занимательному путешествию по руинам веков, где каждый поворот — неожиданное открытие, каждая новая находка — удивление, граничащее с восторгом. Первое, что сразу бросилось в глаза после беглого знакомства с темой, это то, что история нотариата неотделима от исторических вех, которыми отмечена история нашей страны.

Сложность же работы заключалась, прежде всего, в желании, не теряя главную нить повествования, последовательно проследить историю становления и развития одного лишь из юридических институтов, вписать её в контекст общей истории России и своего региона, сделать материал доступным и интересным для широкого читателя.

К сожалению, политические и социальные катастрофы, на которые так щедра отечественная история, и даже бытовые случайности, следствием которых является утрата значительного количества исторических документов, не способствуют восстановлению хронологической летописи нотариальной службы как в стране, так и в отдельно взятом регионе. И это относится не только к ранним периодам истории, но и сравнительно поздним. Только в результате Октябрьского переворота и Великой Отечественной войны многие, особенно западные и центральные региональные архивы потеряли значительную часть хранившейся в них документации — основного источника для изучения истории с самых ранних периодов её становления до сегодняшнего дня.

На их фоне Ульяновская область представлена в более выгодном свете. Часть утраченных (по разным причинам) документов, касающихся ранней истории края, благодаря стараниям Симбирской губернской учёной архивной комиссии (СГУАК), открывшейся в 1896 году, была восстановлена по сохранившимся подлинникам или дубликатам, обнаруженным в частных коллекциях симбирян или в центральных архивах страны. Члены СГУАК приложили все усилия, чтобы опубликовать древние акты, обеспечив им, таким образом,

дальнейшее существование. Труды СГУАК, прежде всего: «Книга строельная г. Симбирска» (под ред. П.Л. Мартынова), «Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году» (под ред. П.Л. Мартынова), А.Н. Зерцалов «Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв.» (под ред. В.Э. Красовского), А.Н. Зерцалов «Материалы Симбирска и его уезда», В.Н. Поливанов и В.Э. Красовский «Материалы исторические и юридические приказа Казанского Дворца», В.Н. Поливанов «Архив Симбирского окружного суда» в двух книгах и ряд других, позволили почти детально восстановить деятельность симбирских площадных подьячих — первых исполнителей нотариальных функций в средневековой России, а также их последователей, крепостных писцов.

Богатый материал по истории нотариата (жалованные грамоты, меновые грамоты, купчие крепости и др.) содержат фонды Ульяновского областного краеведческого музея (УКМ).

В Государственном архиве Ульяновской области сохранились любопытные документы, касающиеся нотариальной службы с начала проведения в России судебной реформы 1864 года и до падения монархии.

Документация по нотариату советского периода получена в архивах Нотариальной палаты Ульяновской области и Ульяновском архиве юстиции.

Знакомство со всеми вышеперечисленными источниками информации, проливающимими свет на историю нотариальной службы Симбирской губернии — Ульяновской области, позволило выделить в её развитии несколько важных этапов, рассмотренных в отдельности и в общем историческом контексте.

Каждый раздел книги ставит целью рассказать не только об особенностях совершения нотариальных действий в тот или иной исторический отрезок времени, но и показать, в каких условиях приходилось работать нотариусам в разные периоды истории, с какими трудностями сталкиваться в процессе своей деятельности. Особенностью книги является наличие довольно полных списков тех, кто в разное время был занят нотариальной деятельностью в крае, и более подробное знакомство с судьбами отдельных нотариусов, заметнее других проявивших себя на данном поприще.

О том, достигнуты ли в какой-либо мере поставленные мною задачи, предстоит судить читателям этой книги.

Т.А. Громова

БУНТАШНЫЙ ВЕК

1648 год

Восшествие на престол царя Алексея Михайловича Романова пришлось на сложное для страны время. На границах Московского государства было не спокойно. Под Азовом русские земли беспоко-

или крымские татары, в Малороссии бесчинствовала польская шляхта, на Волге приграничные территории то и дело грабили ногайцы, калмыки и шайки разбойников. Да и внутри государства проблем было хоть отбавляй: частые неурожайи и падежи скота приводили население к голоду, дурное правосудие и тяжёлое налоговое бремя подталкивало народ к волнениям и бунтам, плодило количество беглых холопов и разбойников. А царь был слишком молод и неопытен в делах. В 1648 году Алексею Михайловичу исполнилось девятнадцать лет.

Этот год оказался для Московского государства богатым на события. В январе состоялось венчание царя с боярышней Марией Ильиничной Милославской. Свадьба, помимо радости, принесла и много бедствий для престола. Новые царские родственники, получив при дворе высокие долж-

ности, почувствовали власть и «выказали большую жадность, только и думали о наживе, творили всякие неправды и насилия, надеясь, что им всё сойдёт с рук»¹. Их бесчинства озлобили народ, и 16 мая в Мо-

Алексей Михайлович

¹ Родная старина. Составитель — В.Д. Сиповский (репринт. изд. 1904). — М., 1993. — С. 227.

скве вспыхнул бунт. Разъярённая толпа учинила кровавый погром в домах ближайших к Алексею Михайловичу бояр — Плещеева, Траханиотова, Морозова.

Не успели подавить один мятеж, как вспыхнул другой — в Сольвычегодске, где тоже не обошлось без кровопролития. Эти события показали, что в народе зреет недовольство существующими порядками, слабостью державной власти. Страна всё ещё жила устаревшими законами Судебников Иоанна III и Иоанна IV и давно нуждалась в пересмотре законодательства.

Для воплощения этой задачи 16 июня 1648 года в Москве был созван Земский собор. На нём Алексей Михайлович с представителями церкви, боярами и другими думными людьми постановил: *«собрать в одно целое все статьи из апостольских правил, законов греческих царей, которые подходили к государевым и земским делам, а также указы прежних русских государей и боярские приговоры. А на какие случаи не было ни указов государей, ни боярских приговоров, то изложить общим советом, чтобы Московскому государству всяких чинов людям, от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах равны»*².

Подготовка нового собрания постановлений — Соборного Уложения — была поручена боярам-князьям Одоевскому, Прозоровскому, окольному князю Волконскому да дьякам Леонтьеву и Грибоедову. Через два месяца свиток длиной в 434 аршина (более 300 м. — Прим. авт.), скреплённый 315 подписями участников собора, уже был читан царю, после чего переписан и отдан в печать. В 1649 году Соборное Уложение, состоявшее из 25 глав и 967 статей, вышло в количестве двух тысяч экземпляров и тут же было разослано по всему государству.

Оно определяло права и обязанности основных классов русского общества: служилого, посадского и крестьянского сословий; включало в себя уголовные законы об оскорблении церкви и царской власти, новые правила судопроизводства, изменения в законах о крестьянах и холопах и многое другое.

Соборное Уложение сохраняло поместную систему для служилого сословия. По словам историка В.В. Ерёмкина: *«Для Московского государства XVII века поместная система являлась важным контрольным и хозяйственным институтом: не имея достаточного числа чиновников на местах, при составлении учётно-административных документов, сборе налогов, мобилизации в армию, иногда в полицейских целях, правительство опиралось на землевладельцев»*³.

За службу дворяне наделялись соответственно чину денежным окладом и верстались поместной землёй. Впрочем, денежные оклады выдавались рядовым дворянам, не служившим при царском дворе, только на военные походы, в остальное время они жили за счёт вотчин и поместий. Тем, кто отправлялся на службу в приграничные районы, выделяли в придачу к установленному поместному окладу

дополнительный земельный оклад в «диком поле». Вместе с тем в новое законодательство были внесены существенные дополнения. Поместья выбывших со службы дворян разрешалось передавать их детям, братьям, внукам, записавшимся вместо них на службу, а не отбирать в казну, как было прежде. При желании можно было обменивать поместье на вотчину. Вотчинники и помещики получили право сыскивать и возвращать своих беглых крестьян «без урочных лет», установленных Судебником Иоанна IV.

Уложение коснулось и нотариального законодательства. Прежде всего, как пишет М.Ф. Злотников, оно *«упорядочило совершение частныхправовых актов, насколько это было возможно при тогдашних условиях, сосредоточив его, за некоторым исключением, в руках площади»*⁴.

Под «площадью» понималось сословие площадных подьячих, которых принято считать предтечей российского нотариата. Это была особая категория грамотных людей, не состоявших на государственной службе, но под надзором правительства занимавшихся на городских площадях особым видом промысла, который в те времена назывался «кормление пером». В начале XVI века площадные подьячие появились в Москве, на Ивановской площади, затем и в других городах. Они работали обычно рядом с приказной или земской избой и за договорную плату, называемую «магарыч» или «писчее», оформляли для просителей челобитные, судебные бумаги и прочие юридические акты.

Площадная деятельность требовала грамотности, знаний законодательства и кропотливости. Акт вначале писался подьячим начерно, потом переписывался набело, подписывался свидетелями (послухами), скреплялся в длинные свитки — столбцы. В одиночку работать было трудно, поэтому, как и люди других профессий в те годы, площадные подьячие объединялись в артели.

Во главе артели стоял староста, который являлся посредником между «площадью» и властью. Старосты обязаны были смотреть за всей площадной братией, *«чтобы кто воровски не написал никаких подставных заочных крепостей, чтобы вместо записей торговым людям книг наличных с поруками не писали, чтобы в том пошлина не пропадала»*⁵. У старост имелись книги, в которые они записывали все акты подьячих, следили за своевременной уплатой ими пошлин в казну. Попасть в артель было нелегко. Брели туда чаще всего знакомых, родственников или тех, у кого были заслуживающие доверие поручители.

Расцвет площадного письма в Московском государстве начался с 1635 года, после указа Михаила Фёдоровича, по которому все договоры по имуществу, займам и ссудам должны были совершаться письменно площадными подьячими.

Уложение внесло значительное дополнение в их деятельность. Оно *«по ценности излагаемой сделки различило крепости двух родов:*

⁴ Злотников М.Ф. Подьячие Ивановской площади (репринт. изд.). — М., 2005. — С. 61.

⁵ Фемелиди А.М. Русский нотариат (репринт. изд.). — М., 2005. — С. 136.

² Там же. — С. 231.

³ Ерёмкин В.В. Муниципальная история России. — М., 2003. — С. 279.

“в больших делах” — на сумму свыше 10 рублей и “не в больших делах” — на меньшую сумму».

Совершение первых, а к ним относились данные, закладные, заёмные кабалы, вотчинные и дворовые купчие и иные крепости, служилые кабалы и отписи на возврат беглых крестьян и бобылей, почти полностью было предоставлено площадным подьячим, которые их писали и выступали при них свидетелями. *«Такая мера, — пишет М.Ф. Злотников, — была вызвана необходимостью. Так, когда в 1699 году письмо крепостей было передано приказным подьячим, и были введены свидетели, “люди добрые и знатные”, вместо послухов, площадных подьячих, то оказалось, что “свидетели в подписке у крепостей являются такие, которых и отыскать невозможно...”»*⁶. Уложение закрепило написание крепостей на недвижимое имущество за подьячими Ивановской площади столицы.

Что касается сговорных свадебных, духовных завещаний, заёмных памятей на деньги и хлеб, они могли совершаться в домашней обстановке при участии других лиц. Таким образом, Уложение отличило по значимости площадной акт и домашний, оказав первому больше доверия.

Новое законодательство не только наделило площадных подьячих большими полномочиями, но и предусмотрело наказание в виде отсечения руки за письмо «нарядных» крепостей, «воровство за очи», а послухам, присутствующим при этом, грозили торговая казнь и тюремное заключение.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

В череде важных событий 1648 года почти незамеченным историками оказалось строительство на Волге, на восточном рубеже Московского государства, нового города-крепости под названием Симбирск. Ему спустя четверть века предстояло сыграть особую роль в истории страны — удержать под своими стенами повстанцев Степана Разина и тем самым положить конец «бессмысленному и беспощадному» народному бунту.

Новый город явился конечным пунктом Карсуно-Симбирской засечной черты, ставшей, в свою очередь, продолжением Белгородской черты, строительство которой было начато при Михаиле Фёдоровиче для защиты южных рубежей Российского государства от набегов ногайских, крымских и астраханских татар.

Эта оборонительная линия длиной в две тысячи километров состояла из непрерывной системы укреплений, протянувшихся от границ с Речью Посполитой до Волги. Она представляла собой земляные валы, каждый до семи метров шириной и до пяти высотой, подле них рвы с водой глубиной от четырёх до шести метров и шириной до пяти метров. По черте на открытых местах и вблизи «во-

⁶ Злотников М.Ф. Указ. соч. — С. 61–62.

рот» ставились крепости, возникали казачьи и стрелецкие слободы. В лесной местности черта состояла из подсечных деревьев, образующих двухсотметровые по ширине завалы, *«...а подле рек на бродах и на перелазах ставлены надолбы, ...а в реках на бродах биты частики и сваи и рогатки...»*⁷. И поныне в местах, где когда-то проходила засечная черта, мы встречаем разрушенные временем остатки валов с почти заросшими рвами перед ними, а кое-где едва заметные на земле бугристые квадратные площадки бывших острогов.

Возведение восточного отрезка Белгородско-Симбирской засечной черты от реки Барыш до Волги началось с сооружения в 1647 году крепости Карсун, которым руководил ближайший царский стольник и воевода Богдан Матвеевич Хитрово. Вместе с ним из Алатыря, Атемара, Курмыша, Арзамаса, Саранска и других мест прибыли на строительство в большом количестве «подымовые люди» (от слова «дым» — двор. — *Прим. авт.*): из русских городов и сёл с каждого пятого двора по одному человеку, из инородческих — по человеку с десяти дворов⁸.

Одновременно со строительством шла колонизация местности вдоль Волги, Свияги, Бирюча, Барыша, Чилима, Суры. В одном из царских указов 1647 года курмышскому воеводе Чеглокову велено было прислать в Карсун на строительство черты и «вечное житьё» 435 человек крещёных служилых татар с семьями, наделить их землёю и выдать каждому пищаль и шесть рублей денег. Воеводам карсунским Артемию Волынскому и его помощнику Борису Приклонскому приказывалось *«зазывать вольных всяких чинов людей»* и наделять их пашнями, санными покосами и другими угодьями, а на обзаведение двором выдавать по пять рублей денег⁹.

Очень часто поселенцы не ограничивались только пожалованными землями, по возможности они захватывали к ним в придачу рядом лежавшие свободные земли или земли, принадлежавшие коренному населению: мордве, чувашам и татарам. Их селения, пашни и сенокосы, рыбные ловы, бортные угодья, бобровые гоны были разбросаны здесь повсюду. Со времени покорения Казани Иоанном Грозным по Суре вокруг Алатыря богатые лесные угодья стали раздаваться в вотчины и поместья царским ближайшим боярам и просто служилым людям, как русским, так и инородцам — татарским и мордовским мурзам, перешедшим на российскую службу. Они часто продавали или обменивали свои поместья, как это сделал в 1610 году служилый татарин Сеузкоза Кельдюшев, продав «выморочный бортный ухожий (угодье) брата своего» в Алатырском уезде Тотумаю Кожневу и другим служилым людям.

⁷ Гуркин В.А. Симбирская черта. — М.—Ульяновск, 2000. — С. 10–11.

⁸ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. (под ред. В.Э. Красовского). — Симбирск, 1900. — С. XI.

⁹ Гриценко Н.П. Очерки по истории города Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области. — Ч. 1. — Ульяновск, 1968. — С. 21.

Документ № 1. Копия с купчей крепости 1610 г.
(из фондов УКМ, публикуется впервые)

1
N 60.

№ 1610 г. 22 марта. Купчая запись на выморочный бортный ухжей въ Алатырскомъ уѣздѣ, проданный мордвину деревни Иванковы Тутмаю Кажнѣву сыну съ товарищами.

Се азъ Сеузкоза Кельдюшевъ сынъ, Свияжского уѣзду Казаевы деревни татаринъ, продалъ еси вотчину выморочною брата своего Деуша Тевскелеева сына, его бортной ухжей Тотумаю Кажнѣву сыну, деревни Иванковы мордвину, да Степану Ларионову сыну да Димитрею Ларионову сыну да Якову Федорову сыну да Кондратью Федорову сыну деревни Иванковы Пиксясеву да Корсакову да Кобякову крестьяномъ вѣрокъ безъ выкупу, потому что того брата своего Деуша въ животѣ не стало, а той вотчины его государевъ оброкъ на мнѣ сталъ, и мнѣ Сеузкозы того государственна оброку съ тое вотчины платить стало не возможно старую дѣлю, а новодѣльнымъ владѣть и стоячимъ деревомъ и со пнемъ и лежачею колодою и со всякимъ звѣремъ и со птицею и съ сычемъ и съ совою и съ бобровымъ гонами и съ рыбною ловлею и со всякимъ угождемъ; а урочища въ той вотчинѣ по Безднѣ по рѣчкѣ вверхъ и до Тозолочика, вверхъ по правой сторонѣ, и до Боруша до рѣ-

Документ № 1 (продолжение)

ки, а по Борушу вверхъ по лѣвой сторонѣ и до Куваю, а по Куваю по рѣчкѣ вверхъ по лѣвой сторонѣ и до спуска. А знамя въ той вотчинѣ, что имѣ продалъ, кругомъ черта да четыре глаза, а другое знамя кругъ черта да четыре жъ глаза, а третье знамя пять чертъ да два глаза, пятое знамя , четвертое знамя три заечьи уши да поперекъ заечьи уши. И ему, Тотумаю да Степану да Якову да Кондратью въ той вотчинѣ по знаменамъ ходить и тѣми знаменами владѣть и старая дѣля пчелы драть и новая дѣля дѣлать въ лугу и въ черномъ лѣсу, гдѣ то знамя не добудутъ, имѣ по тѣмъ знаменамъ ходить и владѣть, пчелы драти и звѣрь всякой бити лосѣ и куницы и лисицы и бобра гонати и рыба ловити и орловыя гнѣзда соимати и всякимъ угождемъ владѣти. А взялъ я у нихъ за ту вотчину полтора рубли денегъ: А оброку и ясаку государственна съ той вотчины съ тѣхъ знаменъ платить девять алтынъ. Да Тотумаю да Степану да Якову да Кондратью и ихъ дѣтемъ и внучатомъ въ той вотчинѣ ходить и владѣти, а мнѣ, Сеузкозѣ, и моимъ дѣтемъ изъ той вотчины ихъ не выживать и не вступаться ни которыми дѣлами.

Документ № 1 (окончание)

А нѣтъ той вотчины ни у кого ни въ кабахахъ, ни въ купчихъ, ни въ записяхъ, ни въ иныхъ ни въ коихъ крѣпостяхъ; а кто выложитъ на тое вотчину опричь сей купчей кабалу или купчую или закладную запись или иную какую крѣпость, и мнѣ въ томъ во всемъ ихъ очищать и убытка никотораго не довести, а не очищу ихъ въ той вотчинѣ, кто учнетъ вступать, и доведу ихъ котораго убытка, и мнѣ, Сеузкозѣ, тѣ убытки имъ платить вдвое. Въ томъ я, Сеузкоза, Тотумаю да Степану да Якову да Кондратью и ихъ дѣтемъ на тое вотчину сю и купчую далъ. А на то послуи: Котень Малжеевъ мурза Иванковской, да Тонгай мурза Кобяковъ сынъ Иванковской, да Бажень Игнатъевъ сынъ государева дворцова села Стемасу крестьянинъ, да Бѣляй Обрамовъ сынъ Сенова, да Иванъ Михайловъ сынъ Поповъ. А купчую писалъ Пятунка Ходнеевъ лѣта 7118 марта въ 22 день. Далѣе знамя Сеузкозы и знамена и подписи послуховъ.

Изъ архива Симбирской гражданской палаты грамоты Алатырской провинціи 198 года, по описи № 8.

«Лета 1610 года, марта в 22 день. Сѣ аз Сеузкоза Кельдюшеев сын, Свияжского уезда Казаевы деревни татарин, продал еси вотчину выморочную брата своего Деуша Тевскелеева сына, его бортный ухажей Тотумаю Кожневу сыну, деревни Иваньково мордвину, да Степану Ларионову сыну, да Дмитрию Ларионову сыну, да Якову Фёдорову сыну, да Кондратию Фёдорову сыну деревни Иваньково Пиксясевым, да Корсакову, да Кобякову крестьянам впрок без выкупу, потому что того брата своего Деуша в животе не стало, а той вотчины государеву оброку на мне стал и мне Сеузкозы того государеву оброку платить стало не возможно старою делью, а новоделем владеть, и стоячим деревом, и с пнём, и лежащим колодою,

и со всяким зверем, и с птицею, и с сычом, и с совою, и с бобровыми гонами, и с рыбной ловлею, и со всякими угодьями; а урочища в той вотчине по Бездне по реке вверх и до Тозалечика, вверх по правой сторон и до реки Барыша, да реки Барышу вверх по левой стороне и до Куваю, а по Куваю по реке вверх и по левой стороне, и до спуска. А знамя в той вотчине, что им продал кругом... черта да четыре глаза, а другое знамя круг... черта да четыре ж глаза, а третье знамя... пять черт да два глаза, пятое знамя... четвёртое знамя... три заячьих уха да поперёк заячьи уши. И ему, Тотумаю, да Степану, да Якову, да Кондратию в той вотчине по знамёнам ходить и те знамёны владеть, и старые дела пчѣлы драсть, и новые дела делать в лугу, и в чѣрном лесу, где то знамя не добудут, им по тем знаменам ходить и владеть, пчѣлы драсть, и зверь всякий бить, лось, куницы, лисицы и бобра гонять, и рыбу ловить, и орловы гнёзда снимать, и всякими угодьями владеть. А взял я у них за ту вотчину полтора рубля денег. А оброку и ясаку государева с той вотчины с тех знамён платить девять алтын. Да Тотумаю, да Степану, да Якову, да Кондратию и их детям, и внучатам в той вотчине ходить и владеть, а мне, Сеузкозе, и детям моим из той вотчины их не выживать и не вступаться ни которыми делами. А нет той вотчины ни у кого ни в кабахах, ни в купчих, ни в записях, ни в иных ни в коих крепостях; а кто выложит на ту вотчину опричь сей купчей кабалу или купчую, или закладную запись, или иную какую крепость, и мне в том во всём их очищать и убытка никотораго не довести, а не очищу их в той вотчине, кто учнётся вступать, и доведу их до котораго убытка и мне, Сеузкозе, те убытки им платить вдвое. В том я, Сеузкоза, Тотумаю, да Степану, да Якову, да Кондратию и их детям на тоё вотчину сю купчую дал. А на то послуи: Кстенъ Малжеев мурза Иванковской да Бажень Игнатъев сын государева дворцова села Стемасу крестьянин, да Бѣляй Обрамов сын Сенов, да Иван Михайлов сын Попов. А купчую писал Пятунка Ходнев. Лета 7118, марта в 22 день. Далѣе знамя Сеукозы и знамёна и подписи послухов»¹⁰.

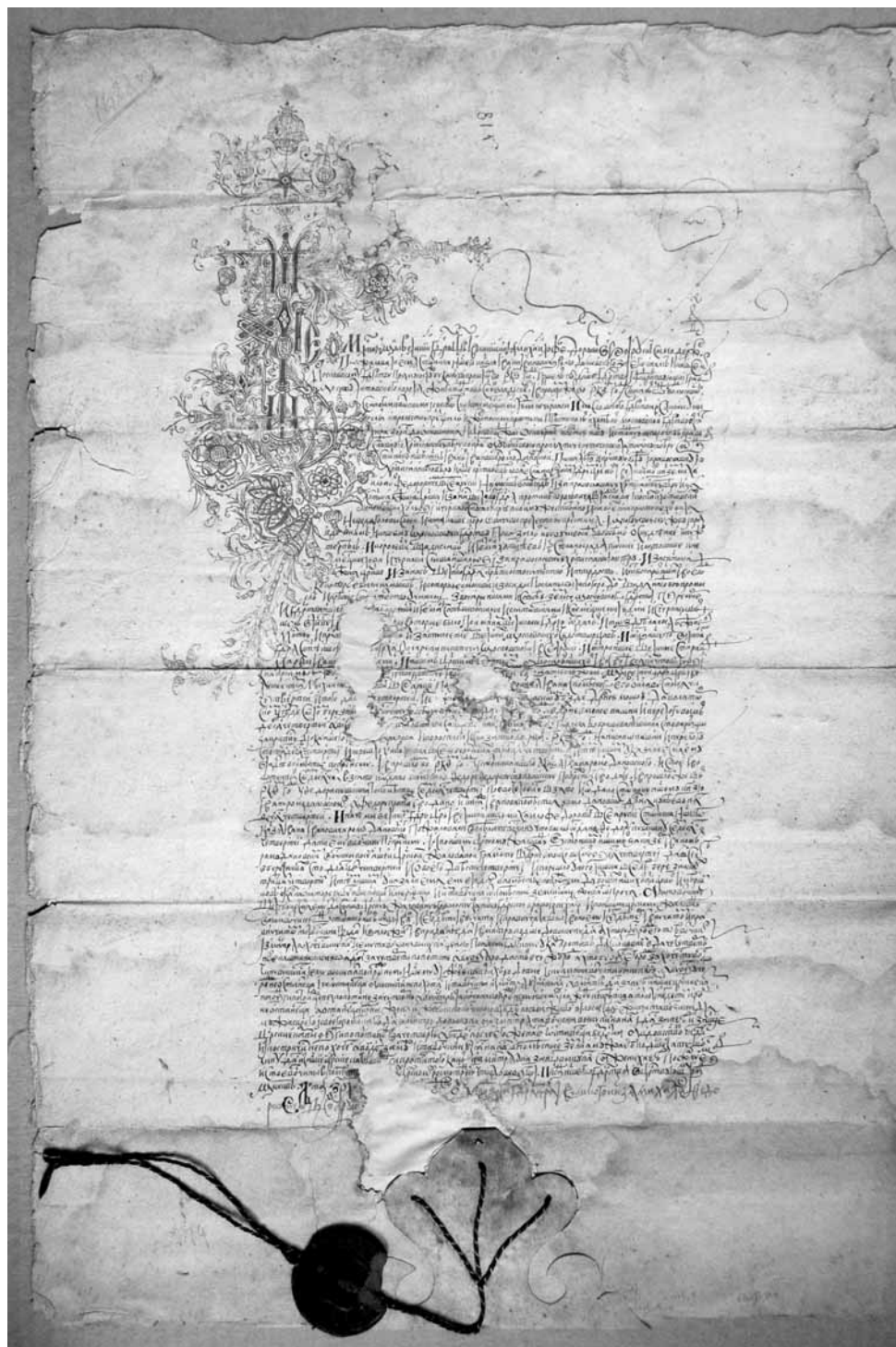
В 1622 году в том же Алатырском уезде Михаилом Фёдоровичем была пожалована вотчина боярину Ивану Ивановичу Ромадановскому и выдана на неё грамота¹¹.

В числе первых поселенцев края в XVII веке были также князья Еделевы, Болховские и Баюшевы; дворяне Аксаковы, Анненковы, Ахматовы, Бахметьевы, Бекетовы, Воронцовы, Вырыпаевы, Дмитриевы, Ивашевы, Кологриновы, Микулины, Неклюдовы, Осоргины, Пазухины, Полдомасовы, Романовы, Ружевские, Чириковы, Языковы и многие другие. В их домашних архивах долгие годы хранились и от поколения к поколению передавались древние ак-

¹⁰ УКМ ПОЗ-45. — № 7900.

¹¹ Новополицева О.В. Грамоты XVII—XIX вв. в коллекции УКМ // Краеведческие записки. — Вып. 13. — Ульяновск, 2007. — С. 86; УКМ. — 7220.

Документ № 2. Грамота И.И. Ромадановскому на вотчину
 в Алатырском уезде. 1622 г. (из фондов УКМ, публикуется впервые)

ты: царские «отказные» грамоты на землю, челобитные на промен старых поместий на новые и прочие документы, благодаря которым современные историки с успехом изучают жизнь нашего края тех давних лет, особенности юридического быта России XVII века.

Весной 1648 года Богдан Матвеевич Хитрово «со товарищи»¹² приступил к строительству Симбирской крепости. Место под строительство выбиралось тщательно. Новый город должен был разместиться в междуречье Волги и её правого притока Свияги, которые здесь почти вплотную подходят друг к другу, но по прихоти природы текут в противоположные стороны.

В отличие от Казани, Самары и остальных поволжских крепостей, охранявших речной торговый путь, Симбирск должен был встать там, где вдоль Волги проходила сухопутная караванная

дорога. Крепость построили на заросшем сосново-широколиственным лесом высоком правом берегу, с вершины которого — «венца» — в хорошую погоду на многие километры вокруг были видны волжская пойма и заволжские дали. Для крепости этот факт имел главенствующее значение.

О происхождении названия города нет единого мнения. Кто-то из исследователей считает, что произошло оно от мордовских слов «син» и «бир», что означает «зелёная гора». Другие обращаются к чувашскому словосочетанию «син» и «бурнас», оно переводится как «жилище людей». Но большинство склонны думать, что своим названием Симбирск обязан древнему поселению, существовавшему в этом месте Волги до конца XIV века.

Во многих древних источниках, каковыми являются русские и арабские летописи, записки путешественников (Адама Олеария, Яна Стрейса), говорится, что некогда на левом берегу Волги, чуть ниже

Адам Олеарий

¹² Кроме Б.М. Хитрово, в возведении Симбирской крепости принимали участие воеводы И.Б. Камынин, С.Н. Болховской, П.А. Измаилов.

современного Симбирска—Ульяновска, недалеко от сёл Кайбелы и Крестово Городище, находился большой болгарский, а затем золотоордынский город Синбир, впоследствии разрушенный Тамерланом. После разрушения города высокий волжский берег в этом месте сохранил название «Синбирская гора». Вполне вероятно, что древний топоним применили к вновь построенной крепости, названной «Синбирской».

Фрагмент карты Волги, составленной Олеарием, с указанием на ней Синбирской Горы. Из альбома «Вандера». Вторая половина XVII в.

Минарет и ханская усыпальница в Болгарском историко-архитектурном заповеднике. С открытки 2005 г.

В XVIII веке по указу Екатерины II в русском правописании произошли некоторые изменения, коснулись они и слова «Синбирск»: буква «н» в его названии заменилась на «м», и город до 1924 года именовался Симбирском.

Черта строилась шесть лет, с 1649 по 1654 год, «и работных людей у валов острожного дела было до 1654 года во всякое лето по 3 326 и 4 898 человек». После завершения строительства от Симбирской крепости до Карсунской протянулась оборонительная линия длиной почти в 90 километров с пригородами, многочисленными слободами, населёнными стрельцами, пушкарями, казаками и даже ссыльными людьми из Поморья и Великого Устюга.

О сооружении черты и первых десятилетиях заселения края сохранилось очень мало документов. Частые пожары, случавшиеся в те годы, уничтожили многие письменные свидетельства, главным образом «строельные» книги¹³. У города их было две. Самая первая и потому наиболее ценная бесследно исчезла, сохранились лишь отдельные копии выписей из неё, например, «отказ на землю» Илье Нечаеву.

Челобитная Ильи Нечаева царю Фёдору Алексеевичу с копией выписи из Стрельной книги Ивана Камынина (1649–1651 гг.):

«Лета ...января, в третий день бил челом Великому Государю, Царю, Великому Князю Фёдору Алексеевичу, вся великие, и малые, и белые России Самодержцу синбиренин Илья Фёдоров сын Нечаев. Великий государь жаловал отведённую ему на пашню землю в Синбирском уезде на Свияге реке сорок четвертей, и в Синбирской стрельной книге за ним, Ильёй написано, а выписи ему на ту землю не дано. Великий Государь пожаловать бы её велел ему, с Синбирской стрельной книги дать выпись, и по Государеву, Царёву, Великому Князю Фёдору Алексеевичу, вся великие, и малые, и белые России Самодержца указу и по помете на записи дьяка Бориса Михайлова, велено ему в Синбирской стрельной книге дать выпись. А в Синбирской стрельной книге... года стольника и воеводы Ивана Камынина написано: дано на пашню земли синбиренину Илье Фёдорову сыну Нечаеву в Синбирском уезде сорок четвертей в поле, а в дву потому ж. Тоя земля Ильина синбиренина с Игнатием Литвиновым да Лаврентием Суриным на Свияге реке по берёзовый столб. Столб на берегу Свияги реки на нём грань, от того столба на берёзовой меже — столб, что промеж усадов, на нём две грани. От того столба по сосновый столб поставлен посреди поля... от того столба надпись на трёхгранном столбе, от того столба направо позади поля Ильи Нечаева да Игнатия Литвинова да

¹³ Стрельные книги составлялись при каждом присоединении к Московскому государству новых земель, которое сопровождалось строительством оборонительных линий, а на них — городов. Такое «строение» в приграничных районах заносилось в особые книги, где приводились подробные сведения о месте и времени заложения нового города, его названии, о возникновении вокруг него слобод с указанием числа дворов и количества земли под каждым из них, количества служилых людей и мест, откуда они прибыли, и т.п.

Строельная книга г. Симбирска 1653–1654 гг.

Лаврентия Сурина на дубовый столб, на нём две грани, а в поворот позади тех... а направо на обрезанный столб – поставлен среди поля, на нём две грани. От того столба на дубовый столб стоит близко земля новая, у Свяги реки, на нём грань; направо земля Лаврентия Сурина да Игната Литвинова да Ильи Нечаева земля, а промеж ними усадная земля Ильи Нечаева. От грани у Свяги реки в лощине в заводи два вяза на одном корень, на одном грань. От того вяза на развилку берёзовый столб позади болота, на нём грань – направо усад Игнатия Литвинова да Лаврентия Сурина и усадная земля, налево гранёного вяза Ильи Нечаева усадная земля до грани, да Немчиновым же дана промеж поля по кустам с санными покосами четырнадцать десятин. На обороте: засеки от князь Аплечева башни вверх по Свяге реке до Сухой Бирючёвки подле Мохового болота 3 653 четверти. Выписано с строельной книги Ивана Камынина»¹⁴.

Согласно таким выписям из строельных книг впоследствии составлялись различные юридические, в том числе и нотариальные документы: грамоты на владение недвижимыми имениями, акты перехода их из одних рук в другие, межевые планы.

Вторая строельная книга 1653–1654 годов относится ко времени окончания строительства Карсуно-Симбирской засечной черты. С неё в 1897 году была сделана копия, опубликованная в Симбирске в преддверии празднования 250-летнего юбилея города.

За несколько лет до окончания строительства Карсуно-Симбирской черты начали возводить оборонительную линию на левом берегу Волги, названную Первой Закамской засечной чертой.

Симбирская крепость по устройству мало отличалась от подобных крепостей того времени. Рубленый деревянный город, четырёхугольный в плане, по всему периметру был огорожен высокими крепостными стенами, каждая протяжённостью до 200 метров. По его углам и сторонам находились восемь башен, три из них имели ворота, от которых начинались дороги на север (на Казань), на запад (на Москву) и на юг («на Крымскую сторону»).

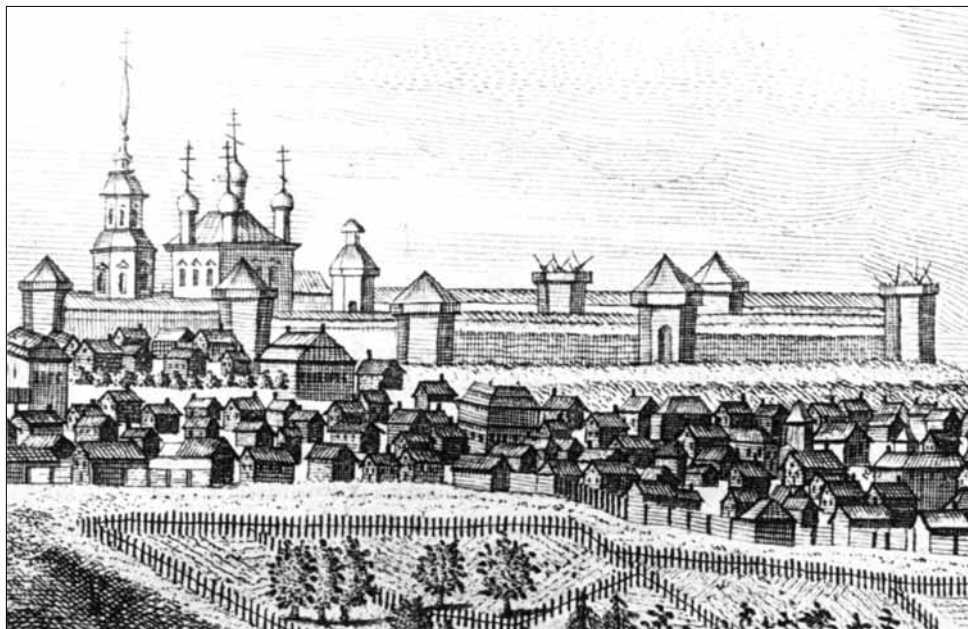
С востока крепость защищали крутой волжский косогор и построенный внизу его острог. Кремль и острог были окружены земляным валом с глубоким рвом перед ними.

Внутри кремля главное место занимала деревянная Троицкая церковь. Неподалёку от неё стояли дом воеводы, приказная или съезжая изба, пороховые и соляные погреба и другие, полагающиеся в крепости строения. У крепостных ворот, запираемых на ночь, неотлучно несли службу воротники.

В одно время с сооружением кремля к югу от него велось строительство Спасского женского монастыря, а внизу под горой, на берегу Волги – Успенского мужского монастыря.

Между кремлём и монастырями располагался посад, где селились городские жители: ближе к кремлю служилые дворяне, про-

¹⁴ УКМ. – ПО5–1. – № 9607/3.

Симбирский кремль XVIII в. (фрагмент гравюры). УКМ

Стрелец (из альбома Пальмквиста)

мышленники и торговцы, ниже по горе — ремесленники, мелкие торговцы и остальные сословия.

За валом начинались слободы, населенные стрельцами, пушкарями и казаками, несшими охрану местности вокруг Симбирска. Ближайшими к городу были Стрелецкая и Пушкарская слободы; Свияжская конная казачья слобода, в Богоявленскую церковь которой Алексей Михайлович в 1653 году подарил «Евангелие» на-престольное, дошедшее до наших дней.

В мирное время, помимо несения службы, стрельцы, казаки и пушкари привлекались к самым разным работам. В окрестностях Симбирска для «государева обихода» запасали лекарственные и душистые травы. На волжском косогоре и на берегу Свияги начиная с 1653 года на протяжении нескольких десятилетий «сажали в гряды»

«Евангелие», подаренное в 1651 году Алексеем Михайловичем Свияжской слободе. УОИБ, редкий фонд

тутовые саженцы для государева огорода в Измайлово, выполняли другие отдельные поручения.

Военную и административную власть в городе представлял воевода, обычно он назначался на два года. В его подчинении находились дьяк и от двух до четырёх приказных подьячих, заседавших в приказной избе. Воеводу окружали дворяне, дети боярские, воинские начальники, прислуга и иноземцы, которых на русской службе было в те годы не так уж и мало. В Симбирске в 1660-х годах иноземцев насчитывалось до 80 человек. В основном это были пленные поляки и прибалтийские немцы. Они селились компактно, улица, где находились их дома, получила название Панской (ныне ул. Энгельса).

За порядком на посаде следил губной староста, он выбирался горожанами из дворян, и в его ведении находились уголовные дела. Мирской жизнью заправлял земский староста, ведавший раскладом всех податей по городу. Ему в помощь горожане избирали целовальников и ларёшников. Земская изба также ведала сдачей в оброк городских пахотных земель, покосов, выгонов, рыбных ловель и других угодий, сбором откупных пошлин с них. Посадское население Симбирска облагалось массой всевозможных тягл — платили

стрелецкие, ямские деньги, на выкуп пленных, на «корм» воеводы и его служащих, тюремным и губным целовальникам, приказным подъячим на свечи, бумагу и чернила...¹⁵

Как складывалась хозяйственная жизнь новой территории, в общих чертах можно узнать из «Приходно-расходной книги Симбирской приказной избы 1665–1667 годов». Она так же, как и «Книга строельная г. Симбирска», сохранилась в единственном экземпляре и была обнаружена в конце XIX века в Московском архиве Министерства юстиции. Книга содержит «окладные и неокладные сборы Симбирска и его пригородов», которые аккуратно записывались подъячими приказной избы при стольнике и воеводе князе Иване Ивановиче Дашкове и дьяке Никите Есипове.

Из этих двух вышеуказанных книг видно, что наряду с частными торговыми заведениями в Симбирске и окружающей его местности уже в первые годы их существования появились крупные по тем временам «государевы» или казённые предприятия, которыми ведал Дворцовый приказ.

Первым по времени стал кружечный двор, «царёв кабак», как звали его в народе. Открылся он в 1654 году на ямском дворе нижегородца Григория Куликова, «где преже сего был кабак, и на том дворе хором — горница с комнатою на мшенниках да изба одинокая большая, да четыре амбара сосновые, да погреб, в нём сруб дубовый, и к тому погребу вновь учинён выход с решёткою. И на тот кружечный двор прислано по отписке из Казани боярина и воеводы Михаила Михайловича Салтыкова с товарищи 500 вёдер дворцового вина в подряд по 10 алтын ведро; да на медвяные ставки 300 пудов мёду сырку в покупке по 20 алтын 4 деньги пуд. Да на пивные вари 200 четвертей солоду яшного, по 6 алтын четверть, 100 четвертей солоду ржаного, по 8 алтын по две деньги четверть, 50 пудов хмелю, по 30 алтын по 4 деньги пуд; да поварных сосудов: котёл железный — 6 рублёв, два чана сосновых — даны 3 рубля; да чем с кружечного двора питьё продавать: Государево указное медное ведро, полведра, четверть, кружки, чарка двуденежная, сделаны в Казани против Казанских указных ведер заорлены...»¹⁶.

Чуть позже открылись кружечные дворы в Уренском остроге и других городах Симбирского уезда.

В те годы кабаки были не просто питейными заведениями, в них совершались торговые сделки, оформлялись кабальные записи, поэтому там часто можно было встретить «при делах» площадных подъячих, каждого со своей чернильницей на шее, свитками чистой бумаги в сумке и гусиным пером за ухом.

В романе «Пётр Первый» Алексей Толстой попытался воссоздать атмосферу такого заведения: «В избе за прилавком — суровый

целовальник с чёрными бровями. На полке — штофы, оловянные кубки. В углу — лампы перед чёрными ликами. У стены — лавки, длинный стол. За перегородкой — вторая чистая палата для купечества <...> Там во второй палате степенный разговор, купечество пьёт вино имбирное, горячий сбитень. Торгуются, вершат сделки, бьют по рукам <...> В передней избе у прилавка — крик, шум, ругань. Пей, гуляй, только плати. Казна строгая. Денег нет — снимай шубу. А весь человек пропился — целовальник мигнёт подъячему, тот сядет с краю стола — за ухом гусиное перо, на шее чернильница, — и пошёл строчить. Ох, спохватись пьяная голова! Настрочит тебе премудрый подъячий кабальную запись. Пришёл ты вольный в царёв кабак, уйдёшь голым холопом»¹⁷.

Помимо кружечных дворов и кабаков были приписаны к Симбирской приказной избе устроенные в разных местах уезда на реках Свияга, Сура, Сельдь, Барыш, Урень, Аргаш и других казённые винокурни и мукомольные мельницы. Большая часть этих заведений сдавалась на откуп казанским и симбирским предпринимателям.

В начале 1660-х годов в Симбирске, а затем и на левом берегу, в крепости Белый Яр, открылись «государевы рыбные дворы». Обычный рыбный двор состоял из больших размеров плота, укрепленного на вбитых в дно реки сваях, или из старого струга, к которым причаливали рыболовецкие судёнышки с уловом. Его принимали рабочие рыбного двора и распределяли по сортам. Всю «красную рыбу», к ней относили белугу, севрюгу, осетра, стерлядь, белую рыбицу и каспийского лосося, отправляли на переработку. Мелкую рыбу оставляли рыбакам «на котёл». Рядом на берегу стояли амбары, сараи, ледники и другие необходимые сооружения для разделки и хранения рыбы. Разделку осетров производили в ледниках, куда ещё с зимы заносился лёд. Из рыб извлекали икру, плавательный пузырь и спинной хрящ, потом её засаливали или морозили. Икру тоже солили, а из плавательных пузырей готовили рыбий клей. Высушенный и мелко изрубленный спинной хрящ осетров назывался вязигой — её для особого вкуса добавляли в пироги и расстегаи. Особенно славились здешние места уловами стерляди. Принимали на государев рыбный двор только «мерную» стерлядь, длиной не менее 10 вершков (около полуметра), для чего измеряли каждую пойманную рыбку специальной деревянной меркой, хранившейся в приказной избе. Ближе к зиме выловленную «красную рыбу», сома и другую крупную рыбу сажали в мелкие озёра, которых по всей пойме было великое множество. При этом каждую особь измеряли и записывали в книгу. Зимой через проруби во льду рыбу отлавливали неводом, отмечали в книге отлова, сколько и чьей было выловлено. Затем по санному пути в свежем, замороженном и солёном виде её везли в Москву¹⁸.

По мере развития казённых предприятий, местных промыслов и ремёсел в городе ширилась и торговля. Исторически так сложилось, что в Симбирске с самого начала сформировались две тор-

¹⁵ Зерцалов А.Н. Материалы Симбирска и его уезда (предисловие Д. Сапожникова). — Симбирск, 1896. — С. 1–6.

¹⁶ Книга Строельная г. Синбирска. Под ред. П. Мартынова. — Симбирск, 1897. — С. 94.

¹⁷ Толстой А.Н. Пётр Первый. — Алма-Ата, 1985. — С. 21.

¹⁸ Симбирск и его прошлое. — Ульяновск, 1993. — С. 54–55.

говые площади. Историк К.И. Невоструев пишет, что одна из них находилась на горе рядом с кремлём. На этой площади стояли часовня, «земляная» изба, таможня или тамга (изба, где собирали денежные налоги с торговцев и ремесленников, ставились печати на торговые документы. — *Прим. авт.*), тюрьмы мужская и женская, харчевни, кабак, конская изба и торговые ряды, состоящие из амбаров, лавок и прилавков.

Второе торжище с гостиным двором, «государевыми» и частными хлебными и соляными амбарами, торговой баней, построенной в 1667 году «Ивашкой Онтоновым сыном по прозвищу Цимбал», и другими заведениями стихийно сформировались на берегу Волги рядом с пристанью. Посадские люди изначально предпочитали селиться именно в этой подгорной части Симбирска, где заканчивался городской вал, а значит, городские налоги на жителей распространялись в меньшей степени, и чувствовали они себя здесь более вольготно. Кроме того, рядом была Волга, река-кормилица, с её рыбным богатством и водным путём. По нему транзитом мимо Симбирска везли с «понизовых» и «верховых» городов различные товары, часть их выгружали на местной пристани.

Торговля в городе шла бойко. В любое время года в торговых рядах можно было купить мясо, рыбу, соль, хлеб, шёлковую пряжу, солод, «лубьё и драньё» (материал для кровли крыш, поставлялся арбухинскими крестьянами. — *Прим. авт.*)¹⁹, яблоки и другие товары, производимые в городской округе.

На площадях всегда толпился народ. Сюда приходили за покупками, последними новостями или просто потолкаться от скуки в людном месте. Здесь на площади можно было найти и несколько площадных подьячих для написания челобитной. Один из них, порядившись о цене, принимался писать для просителя челобитную по всем правилам Соборного Уложения, ещё несколько его товарищей терпеливо ожидали, когда надо будет руку приложить в качестве «послухов».

Площадные подьячие Симбирска

Площадные подьячие в Симбирске появились вскоре после окончания строительства крепости. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы — закладная кабала и купчая, относящиеся к 1656 и 1657 годам.

«Закладная кабала и заёмная запись о займе двух рублей под залог амбара Дмитрием Скуршиным у старца Варсонофия Липина» 1656 г.

«Се аз Дмитрий Зиновьев сын Скуршин, Синбирской посадской человек, занял есми в Синбирску у Троицкого старца у Варсонофья Ли-

¹⁹ Арбухинская (Арбугинская) дворцовая волость располагалась к югу от Симбирска, вдоль волжского берега до Криюшинского залива.

пина два рубля денег Московских ходячих прямых без приписи нынешнего 165 году марта от третьего числа впредь до срока до Светлаго Христова Воскресенья, а в тех деньгах подписал я, Дмитрий, вместо поруки амбар свой под горою на посаде сосновый, подле квасницы, а в межах тот мой амбар сопротив Матвея Молодова, синбирского посадского человека, а наперёд тот мой амбар никому не продан и не зало-

Чернильницы XVIII века. УКМ

жен опричь сей кабалы и закладной, вольно ему Варсонофью продать и заложить и самому владеть; а буде кто учнёт вступаться у него Варсонофья в тот амбар, и мне очищать и убытка никакого не довести, в том я ему Варсонофью на тот свой амбар сию кабалу и закладную дал. А на то послух Кручина Долбилов, а заёмную кабалу и закладную писал Синбирской площадной подьячий Гришка Иванов лета 7165 году марта в 3 день». На обороте написано: «К сей кабале Синбирской воротник Ивашко Голев вместо заимщика Дмитрия Скуршина по его велению руку приложил. Послух Кручинка руку приложил»²⁰.

«Купчая (1656 г.) о продаже Фёдором сибиряком старцу Варсонофию Липину дворового строения, что на посаде под горою Живоначальныя Троицы Сергиевского монастыря»

«Се аз Фёдор Лукоянов сын Сибиряк, Синбирской посадской человек, продал есми в Синбирском на посаде под горою Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря старцу Варсонофию Липину государева жалованья на их монастырском месте дворовое строение, а на том месте хором изба осиновая, да против избы клеть липовая, да промеж избы и клетки сенцы, да баня осиновая, да середь двора городьба и с вороты, а кругом огорода огорожено тыном, а взял я Фёдор у него старца Варсонофья, за то своё дворовое строенье 5 рублёв денег, и впредь мне Фёдору в тоё дворовое строение не вступатись, и жене моей, и детям, и роду, и племени дела нет; и нет того моего дворового строения ни у кого ни в каких кабалах и в письменных крепостях, и ни кому

²⁰ Зерцалов А.Н. Указ. соч. — С. 271.

*не продано опричь сей купчей, а буде кто в то моё дворовое строенье у него, старца, учнёт вступаться, и мне ему то его дворовое строенье от всяких людей очищать и убытка никакого не довести; а буде в моём неочищеню какие убытки учинятся, и ему, старцу, на мне взяти по сей купчей деньги свои и убытки, что ему убытков нистанет всё сполна. А на то послуи **Кручина Семёнов сын Долбилов, Григорий Харламов**, а купчую писал Синбирской площади подьячий **Спирка Москвитин** лета 7164 июля в 19 день». На обороте написано: «К сей купчей вместо продавца **Фёдора Лукьянова Синбирския казачей и стрелецкия избы подьячий Васька Фёдоров** по его челобитью руку приложил. Послух **Кручинка** руку приложил, послух **Гришка** руку приложил»²¹.*

Из приведённых актов видно, насколько проста была форма их составления. Акты писались от первого лица, в них кратко излагалась суть сделки; давались гарантии в том, что имущество до этого никому не было продано, и обязательство в случае, если сделка будет признана недействительной, возместить все убытки покупателю. В конце указывались дата написания, имена писца и свидетелей сделки.

По такой же форме были написаны купчие и холопыи кабалы в 1667 году, прошедшие через «записные книги» Симбирской приказной избы.

Через «Книгу записную дворовым и лавошным купчим» в Симбирской приказной избе прошли четыре нотариальных акта, оформленные «площадью». В одном из них говорилось, что стрелец Василий Тиханов продал в Симбирске на горе «синбирскому пречистенскому пономарю» Борису Офонасьеву лавку в шёлковом ряду за 3 рубля. Заканчивалась челобитная словами: «...а у купчей послуи **Ивашка Долматов, Ивашка Несговоров**, а купчую писал Синбирской площади подьячий **Васька Кузнецов** лета 7175 [1666 г.], октября в 31 день, а назади у купчей написано: К сей купчей Синбирской площади подьячий **Гришка Тетюшенин** вместо продавца **Василия Тиханова**, по его велению, руку приложил, а та купчая отдана ему, Бориске, а государевы пошлины по алтыну с рубля в государеву казну с той купчей у него, Бориски, 3 алтына принял подьячий **Оська Тихомиров**».

Подобные же купчие на продажу дворового строения были занесены в книгу Симбирской приказной избы 17 и 20 апреля 1667 года. В их оформлении в качестве послухов участвовали площадные подьячие **Ивашка Коростелёв, Ивашка Несговоров, Серёжка Михайлов, Тимошка Косаткин, Михаил Воробин, Данила Остраханец, Ивашка Петров, Захар Нижегородец, Гришка Ефимов, Ивашка Трофимов**²².

В том же году в «Книгу симбирским холопыим кабалам и крестьянским ссудным и на полонных людей крепостям» были вне-

²¹ Там же. — С. 271–272.

²² Там же. — С. 146–149.

сены пять актов, по которым заёмщики добровольно поступали «во крестьяне» или в холопство к заимодателю до полной выплаты ссуды.

*«Сентября в 13 день в Симбирске в приказной избе стольнику и воеводе князю **Ивану Ивановичу Дашкову** да подьячему **Миките Есипову** подал ссудную запись дьяк **Василий Ушаков**, а в записи пишет: се аз **Афанасий Григорьев сын Распопов**, вольный человек, в нынешнем в 175 году, сентября в 13 день, взял у государя своего, у дьяка у **Василия Васильевича Ушакова**, на ссуду пятнадцать рублей денег на лошади и на всякую животину, и на дворовые строения, и на хлеб, а за те ссудные деньги мне, **Афанасию**, жить за ним, государём своим **Василием Васильевичем**, в вотчине его в Московском уезде, в селе **Кутузове**, во крестьянах... жить за ним безвыходно, и ссуду у него, государя своего **Василия Васильевича** не снести, а буде я, **Афанасий**, за ним государём своим **Василием Васильевичем**, во крестьянах в вотчине его жить не учну, или из неё куда выйду вон за кого за иного, ...и ему, государю моему **Василию Васильевичу**, взять с меня, **Афанасия**, те свои ссудные деньги пятнадцать рублей по сей записи все сполна... на то послуи **Григорий Ковшевников, Никита Брянский, Иван Коростелёв**, а ссудную запись писал Синбирской площади подьячий **Мишка Воробин**... а рублёвые пошлины 15 алтын, те деньги принял подьячий **Оська Тихомиров**»²³.*

Ещё в четырёх документах из той же книги стоят имена следующих симбирских площадных подьячих: **Тихона Пневышева, Василия и Ивана Москвитиновых, Григория Харламова, Ивана Собинина, Тимофея Тюрина, Василия Безсонова, Ивана Несговорова, Василия Попова, Никиты Брянского**.

Нехватка в Симбирске тех лет приказных служащих и вообще грамотных людей была причиной того, что, помимо выполнения площадными подьячими таких нотариальных функций, как написание различных челобитных, ссудных и кабальных актов, они выполняли и другую работу. По просьбе городских властей площадные подьячие проводили экспертизу документам, иногда вели дела челобитчиков, проводили сыски, ездили дозорщиками и писцами, посылались на отказы, допросы, участвовали при восстановлении дел после пожаров в приказах, служили писцами у сотских и полковых воевод, сопровождали государев хлеб, выполняли и другие поручения приказных дьяков.

Например, из «раздаточных книг» 1667 года (составлялись при раздаче служилым людям денежного или хлебного жалования. — Прим. авт.) симбирских посадских людей «солёных целовальников» **Сеньки Деревягина** да **Ивашки Леонтьева** видно, что из Симбирска на Аргашскую винокурню с симбирским площадным подьячим **Иваном Долматовым** было послано для продажи 100 пудов соли²⁴.

²³ Зерцалов А.Н. Указанное сочинение. — С. 103–104.

²⁴ Там же. — С. 257.

Другой площадный подьячий **Ивашка Гундаров** осенью и зимой того же года был назначен от Симбирской земской избы «верным целовальником» и привозил в Симбирск «ящик, за печатью стольника и воеводы князя Ивана Ивановича Дашкова», а в нём было «почёту государевой казны с Аргашской мельницы помольных денег ево Ивашкина бранья»²⁵.

Долгое время на государевом рыбном дворе вёл «записные книги» площадный подьячий **Ларион Коростелёв**, что подтверждает следующий документ 1694 года: «Февраля в 28 день в Симбирске к думному дворянину и воеводе к Ивану Семёновичу Ларионову, да к дьяку к Викуле Богданчикову, по челобитью города Симбирска площадного подьячего Ларьки Коростелёва велено ему на берег Волги-реки у Симбирского рыбного двора на стругах всяким работным и торговым людям записи писать одному, пошлин восемь алтын две деньги “взято”, писана февраля на 27 день, припись дьяка Михаила Ульянова, справка Василья Ардабьева»²⁶.

Не гнушались воеводы и дьяки привлекать площадных подьячих к переписыванию приказных книг. Чаще всего это были обгоревшие и промокшие книги после пожаров в приказной избе, требующие восстановления.

Иногда площадные писцы просто заменяли собой нерадивых приказных подьячих. Ниже приводится фрагмент документа 1667 года — ответ на царскую «грамоту», присланную в Симбирск на имя воеводы князя И.И. Дашкова и подьячего приказной избы Микиты Есипова из приказа Казанского дворца, где указывались все погрешности «Приходно-расходной книги Симбирской приказной избы 1665—1667 годов» после проведённой в Москве её проверки: «<...> Выписка из Синбирских приходных книг и из кабацких и из таможенных счётных списков 173 и 174 и нынешнего 175 годов, а выписана с выписки в Синбирской приказной избе и отпущена из Синбирска к великому государю к Москве в приказ Казанского дворца с отпискою вместе в нынешнем во 175 году для того в грамоте великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея великая и малая и белая России самодержца, из приказу Казанского дворца, за приписью дьяка Офонася Зыкова, писано в Синбирск к стольнику и воеводе ко князю Ивану Ивановичу Дашкову да к подьячему к Миките Есипову велено им из Синбирска отписать к великому государю к Москве, а про что велено отписать, и то писано ниже сего <...>

<...> Да в той же государевой грамоте написано, что и сверх тех статей во всех счётных списках во многих местах строки по две и по три, и по четыре, больше оставлены порозжи, неведомо для чего, и знатно де, что к тем счётным спискам Микита руку прикладывал, не справя тех списков и не прочтя, которые статьи в тех счётных списках и написаны, и те статьи не верны, и в Симбирске в приказной избе те счётные списки с черна переписывали площадные подьячие, и то в

честь, и те порозжие места те подьячие оставляли собою сверх черна и приказу, а переписывать было на бело те счётные списки знающим подьячим некому, потому что Симбирские приказной избы подьячие Миките Есипову не послушны, и о том великому государю ево, Микитино, челобитие на тех подьячих прежде сего было, да и прочесть было тех счётных списков чередом не с кем, и повторить подьячим не мочно, потому что которым временем не мал час и принята за малое какое дело по большой докуке или в честь, и то делают не радья. А за тот счётный список не один делать не принялся <...>»²⁷.

Массовое заселение края и сопровождавший этот процесс «отказ» поместных земель, их обмен на земли в других уездах, купля-продажа дворовых мест создавали благоприятные условия для прибытия сюда большого числа площадных подьячих. К 1670 году в Симбирске их работало уже около 30 человек — больше, чем на Ивановской площади столицы.

ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

В 1670 году мирную симбирскую жизнь нарушила крестьянская война под предводительством казачьего атамана Степана Разина.

Степан Разин

Слухи о бесчинствах Разина и его людей в низовьях Волги, их расправах над воеводами, дворянами и приказными дьяками в Царицыне, Астрахани, Самаре ещё с весны доходили до Симбирска.

Ближе к осени Степан Разин со своим войском на 200 стругах приплыл к Симбирску, ещё две тысячи его конников подошли к городу берегом. Первая атака на город ими была предпринята 4 сентября 1670 года. Обороной Симбирской крепости руководил воевода Иван Богданович Милославский, второй воевода князь Юрий Никитич Барятинский отправился за подмогой в Казань. Повстанцы сожгли Успенский мужской монастырь на берегу Волги и осадили

острог. И хотя людей в нём было достаточно, как сообщал князь Барятинский в донесение царю: «на всякой сажени по осьми человек и бились люди боярские многое время», защитники острога из народа,

²⁵ Зерцалов А.Н. Указанное сочинение — С. 123.

²⁶ Там же. — С. 274.

²⁷ Зерцалов А.Н. Указанное сочинение — С. 149—161.

подавшись на посулы атамана, открыли ворота и помогли разинцам сломить сопротивление «*боярских людей*»²⁸.

Число бунтовщиков прибывало день ото дня за счёт присоединившихся к ним ясачных крестьян из инородческих сёл, стрельцов и казаков из расположенных вдоль засечной черты сёл и слобод и скоро выросло до 20 тысяч. В ожидании помощи защитникам

Симбирской крепости приходилось рассчитывать только на себя. Её крепкие стены позволили держать оборону в течение месяца. Четырежды за это время Степан Разин предпринимал попытки захватить кремль, но каждая из них заканчивалась неудачей. Наконец, первого октября со стороны Свяиги к городу придвинулись подоспевшие из Казани рейтарский и пехотный полки князя Барятинского. «*Немедленно он напал на бунтовщиков, стоявших под городом, и разбил их на голову,*

взял пушки, знамёна и ружья так, что сам Стенька Разин был изранен и с немногими людьми, оставя прочих единомышленников, бежал на судах вниз в Самару», — писал историк К.И. Невоструев²⁹.

Четвертого октября осада города была снята. Оставшиеся бунтовщики не смогли противостоять обученному войску и тяжёлому вооружению рейтаров и вскоре были рассеяны по окрестности. На их усмирение воевода Милославский послал «верных людей». Но подавить народный бунт было не так-то легко. Одна из шаяк Разина под предводительством Михаила Осипова, выдававшего себя за царевича Нечая (Алексея Алексеевича, умер в том же 1670 году. — *Прим. авт.*), напала на Алатырь, разорила его, сожгла приказную избу со всеми хранившимися там книгами.

Поимка и казнь в Москве Степана Разина в апреле 1671 года подняли новую волну недовольства в низовьях Волги. В июне из-под Астрахани к Симбирску подошло войско донского есаула Федьки Шелудяки в надежде легко захватить обгоревшую и полу-

Симбирск XVII в. (лубочное изображение)

²⁸ Прошлое нашего края. Сост. П.Д. Верещагин. — Ульяновск, 1968. — С. 33.

²⁹ Невоструев К.И. Историческое обозрение Симбирска. — Симбирск, 1909. — С. 17.

разрушенную крепость. Но её защитники под началом воеводы Петра Васильевича Шереметьева «окопались» и отбили два приступа казаков. А прибывшие из Казани два приказа стрельцов и конный отряд из татар и чуваш помогли защитникам крепости разбить бунтовщиков. «*Нельзя не видеть, — пишет К.И. Невоструев, — как важны были обе осады Симбирска в помянутый бунт, и сколь великую услугу оказали мужество и успех осаждённых: они удержали в одном пункте двигателей мятежа, связав им руки, и дали время и средства царским войскам собраться и поразить их прежде, нежели разлился мятеж*»³⁰.

Победа над бунтовщиками поставила Симбирск в ряд самых известных русских городов. Вскоре «за двукратную храбрую обо-

рону от разбойника Стеньки Разина в первый раз при воеводе Иване Милославском от самого Стеньки Разина, а во второй раз через год от есаула разинской шайки Федьки Шелудяка»³¹ городу была пожалована печать, которую можно считать его первым гербом. На печати был выгравирован лев, стоявший на трёх лапах и смотревший в правую сторону, в левой лапе он держал меч, над головою льва красовалась трёхлепестная корона.

Правительство не оставило своей милостью храбрых защитников Симбирска.

Все получили по заслугам. Боярские дети, рейтары и прочие участники осадного сиденья были повёрстаны новыми поместьями в придачу к старым дачам. Не были забыты и площадные подьячие, которые вместе со всеми стояли с оружием в руках на стенах крепости во время её осады. В 1677–1678 годах по указу царя Фёдора Алексеевича была проведена опись мужского населению города Симбирска и его уезда. В описи приводится полный список дворов, принадлежавших площадным подьячим с указанием их сыновей и других родственников мужского пола:

«*Во дворе Ивашка Костентинов сын Чеботаренин, у него сын Васька полугоду; во дворе Гришка Ефимов сын, у него дети: Марчка 6 л., Стенька 5 л.; во дворе Ивашка Кондратьев сын Попов, у него дети: Петрунька 9 л., Федька 2 л.; Ивашка Савельев сын Коростелёв, у него*

Первая печать г. Симбирска конца XVII — начала XVIII вв.

³⁰ Невоструев К.И. Указ. соч. — С. 21.

³¹ Симбирск и его прошлое. — Ульяновск, 1993. — С. 62.

сын *Ивашка* полугоду; во дворе *Ивашка* *Иванов* сын *Карсунец*; во дворе *Федька* *Васильев* сын *Богданов*, у него сын *Петрунька* полугоду; во дворе *Прохорка* *Иванов* сын *Замятин*, у него дети *Петрунька* 7 л., *Ивашка* 4 л., *Гришка* 2 л.; во дворе *Захарка* *Богданов* сын; во дворе *Тихонька* *Ефремов* сын *Студенцов*, у него дети: *Ивашка* да *Федотка* 12 л.; во дворе *Васька* *Петров* сын *Гороховленин*, у него сын *Сенька* 2 л.; во дворе *Митька* *Тимофеев* сын *Раскашиков*, у него сын *Данилка* 4 л.; во дворе *Мишка* *Данилов* сын *Попов*, у него дети: *Сенька* да *Ивашка* 7 л., *Федька* году; во дворе *Андрюшка* *Фомин* сын *Воробин*, у него сын *Сенька* 12 л.; во дворе *Ивашка* *Евдокимов* сын *Хохлов*; во дворе *Петрунька* *Авдеев* сын *Москвитинов*, у него дети: *Оська* 8 л., *Мишка* 6 л., *Ивашка* 4 л., *Ивашка* же полугоду; во дворе *Максимка* *Иванов* сын; во дворе *Титка* *Иванов* сын *Шумовский*; во дворе *Тимошка* *Иванов* сын *Попов*, у него сын *Пашка* 6 л., во дворе *Якушка* *Степанов* сын *Агутин*, у него сын *Гришка* 4 л.; во дворе *Илюшка* *Савинов* сын, у него сын *Кузёмка* 2 л.; во дворе *Афонька* *Матвеев* сын *Ушаков*; во дворе *Федотка* *Михайлов* сын *Шатчинин*, у него сын *Бориска* 7 л.; во дворе *Александрка* *Фёдоров* сын *Тетюшенин*, у него сын *Ивашка* 4 л.; во дворе *Власька* *Тиханов*, у него сын *Мишка* 2 л.; во дворе *Андрюшка* *Андреев* сын *Беленинов*, у него сын *Ивашка* 8 л.; во дворе *Карпунька* *Трофимов* сын *Баженов*; во дворе *Лёвка* *Савельев* сын *Коростелёв*; во дворе *Васька* *Фёдоров* сын *Седой*, во дворе *Ивашка* *Михайлов* сын *Попов*. Всего 29 дворов, людей в них 58 человек».

Заканчивается перечень словами: «А тем площадным подъячим по указу Великого Государя и по грамоте, какова прислана из Приказа Казанского дворца в Симбирск, к стольнику и воеводе, ко князю Фёдору Долгорукову с товарищи, в 184 году [1676 г.] за их службы и осадное сидение велено быть на площади, а опричь площадной службы иной службы служить не велено»³².

Эта льгота распространялась и на детей площадных подъячих, многие из которых впоследствии заменили на службе своих отцов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА

Пережив страшные потрясения, но «сохранив своё лицо», Симбирский кремль возродился из пепла, и вскоре в усмирённой вокруг него местности жизнь закипела вновь. После разинского бунта город быстро отстроился и разросся. К 1678 году в нём уже насчитывалось 605 дворов, население его составляло, без учёта воинского гарнизона и женской половины горожан, 1 674 человека. Даже более старые, не уступавшие по важности возложенных на них задач, близлежащие города Самара и Алатырь далеко отстали от Симбирска как по численности населения, так и по экономическому развитию. В Алатыре, например, в те же годы число дворов едва перевалило за 120. Почти столько же было их и в Самаре.

³² Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году. Под ред. П. Мартынова. — Симбирск, 1902. — С. 23—24.

По социальному и профессиональному составу население Симбирска выглядело следующим образом (приведено лишь мужское население):

посадских — 498 человек,
бобылевских — 836,
площадных подъячих — 29,
рыбных ловцов — 106,
плотников — 20,
кузнецов — 15,
воротников — 17,
порохового дела мастеров — 12,
балакирников — 4,
зверовщиков — 3,
приказной избы сторожей — 10 человек³³.

Росла численность населения и всего уезда, а вместе с этим прибавилось работы у площадных подъячих. Всё чаще к ним обращались за составлением различных нотариальных документов: мировых, сделочных, поступных, данных, раздельных и меновых записей. Писали они всевозможные расписки, купчие крепости, доезды, наёмные, заёмные, ссудные и служилые кабалы, записи «слово в слово», наказные памяти и многое другое.

«Наказная память от Симбирского воеводы Якова Фёдоровича Долгорукова синбиренину Матвею Сурину да дьяку Филиппу Климонтову о посылке их в Симбирский уезд для сыска земли на прожиток вдовы Екатерины Михайловны Косливецовой и её дочерей»

«Лета 7190 года, апреля в 30 день по Государеву, Царёву и Великого Князя Фёдора Алексеевича, всея великие и малые, и белые России Самодержцу указа и по наказной памяти стольника и воеводы князя Якова Фёдоровича Долгорукого да дьяка Филиппа Климонтова велено синбиренину Матвею Сурину да с ним приказной избы подъячему **Ивану Долматову** ехать в Синбирский уезд в поместье синбиренина **Ивановской** жены **Никитина** сына **Косливцева**, вдовы **Екатерины Михайловы** дочери, на прожиточное её и дочери её жеребье для того: в нынешнем в 190 году, апреля в 26 день, в грамоте Великого Государя из Казанского приказа в Синбирск стольнику и воеводе князю Якова Фёдоровичу Долгорукому да дьяку Филиппу Климонтову написано: в Казанском приказе в Симбирской стрелецкой книге стольника и воеводы **Ивана Камынина** 157 и 158 годов отведено на пашню земли в Синбирском уезде, синбиренину **Ивану Никитину** сыну **Косливцеву** в урочищах **Свияги** реки, через **Кутузово** озеро, сорок четей в поле а в дву потому жс. И ныне била челом Великим государям вдова **Екатерина синбиренина Ивановская** жена **Никитина** сына **Косливцева**: в прошлом де годе мужа её, синбиренина **Ивана Косливцева** не стало. А после него остались жена **Екатерина** одна с двумя дочерьми, девками с **Марией** да с **Анной**, **Марии** семнадцать лет,

³³ Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. — Симбирск, 1898. — С. 24.

Документ № 2. «Наказная память от симбирского воеводы Я.Ф. Долгорукова синбиренину Матвею Сурину да дьяку Филиппу Климонтову о посылке их в Симбирский уезд для сыска земли на прожиток вдовы Е.М. Кослицевой и её дочерей». Симбирск, 1682 г. (УКМ, публикуется впервые)

3
1682
4
Поместная память от воеводы Якова Федоровича Долгорукова синбиренину Матвею Сурину да дьяку Филиппу Климонтову о посылке их в Симбирский уезд для сыска земли на прожиток вдовы Е.М. Кослицевой и её дочерей. Симбирск, 1682 г. (УКМ, публикуется впервые)

Документ № 2 (продолжение)

Поместная память от воеводы Якова Федоровича Долгорукова синбиренину Матвею Сурину да дьяку Филиппу Климонтову о посылке их в Симбирский уезд для сыска земли на прожиток вдовы Е.М. Кослицевой и её дочерей. Симбирск, 1682 г. (УКМ, публикуется впервые)

а Анне пятнадцать лет. У матери и сестёр после мужа её Ивана никого не осталось. А поместья за ним было в Нижегородском да в Синбирском уездах в разных урочищах пашни 69 четвертей с осьминою с четвериком, и ей вдове и дочерям её на прожиток из поместья меры не дано, а ныне она, вдова, дочь свою, Марью, сговорила замуж за синбиренина Никифора Матвеева сына Ивашева, с прожиточным её поместьем, да она, вдова, половину прожиточного своего поместья поступила зятю своему, Никифору Ивашеву; и те прожиточные жеребья за Никифором Ивашевым не справлены. И Великому Государю пожаловати бы их из поместья вдовина мужа, а Марьяна и Аннина отца, велеть им дать на прожиток, и те жеребья велеть справить за Никифором Ивашевым; да к той челобитной Каменской слободы Преображенский поп Илья Митрофанов вместо дочерей своих духовных Екатерины Михайловой дочери и дочерей её Марьи да Анны руку приложил. А Никифор Матвеев сын Ивашев Великому Государю бил челом, чтобы Великому Государю пожаловал ему, то невесты его и тёщи его прожиточное поместье, жеребьи, по заручной их челобитной, велеть справить за ним, Никифором. И по той Великому Государю грамоте в Синбирский уезд, в урочища от Свяги реки, через Кутузово озеро, в Иваново поместье Никитина сына Косливецова велено послать кого пригоже, да в том его поместье велено описать усадьбы и на усадьбах места дворовые и пашню паханную, и перелог, и дикое поле, и сено, и лес, и всякие угодья, а описав то его Иваново поместье Косливецова, а в нём пашни 40 четей, и из того его поместья велено отказать на прожиток жене его, вдове Екатерине, пашни 20 четей, да дочерям его девкам Марье да Анне по 10 четей в поле а в дву потому ж, да что ей, вдове, и дочерям её из того мужа её поместья отказано буде усадов и мест дворовых, и пашни, и сено, и лес, и всякие угодья, и то всё велено за ним отписать в отказные книги подлинно порознь; да как вдове и дочерям её, девкам Марье да Анне, на прожиток отказано будет, и вдове Екатерину и дочь её девку Марью велено допросить: вдова Екатерина половину прожиточного своего поместья, пашни 10 четей, зятю своему, синбиренину Никифору Матвееву сыну Ивашеву, поступается ль, а дочь её, девка Марья с прожиточным своим поместьем за него, Никифора, сговорилась ли. И к челобитной их отец их духовный, Каменской слободы Преображенский поп Илья Митрофанов руку приложил по их велению; и те их допросные речи велено записать и руку приложить кому он в своё место верят; да как к тем их допросным речам рука приложена будет, и те прожиточные их поместья, всего 20 четей в поле, а в дву потому ж, отказать вдовину зятю, а девкину жениху, синбиренину Никифору Матвееву сыну Ивашеву, к прежнему его Синбирскому поместью, к 50 етям, в его оклад в 250 четей; и в отказные книги те поместья велено за ним, Никифором, написать, да о том велено к Великому Государю писать в отказные книги за отказчиковою и сторонних людей и допросные речи за руками, прислать в Казанский Приказ. Да синбиренину Матвею Сурина, да подъячему Ивану Долматову велено, приехав в Синбирский уезд, в поместье синбиренина Ивановской жены Никитина сына Косливецова, вдовы Екатерины Михайловой дочери, на прожиточный её и дочерей её жеребий, и не доезжая того поместья, велено взять

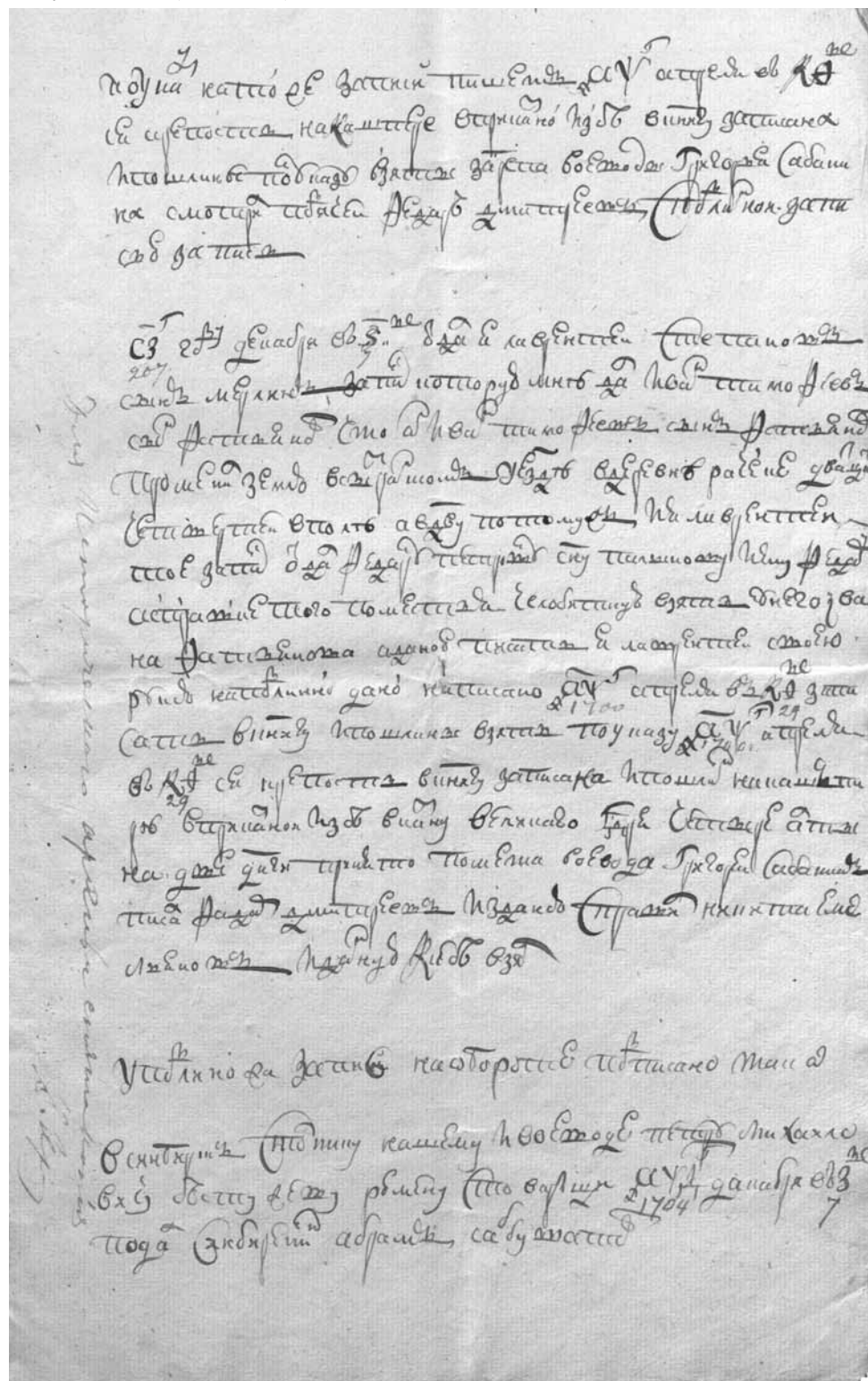
с собой тутошних и сторонних людей, сколько человек пригоже, да при тех сторонних людях велено описать усады и на усадях места дворовые и пашню паханную, и перелог, и дикое поле, и сено, и лес, и всякие угодья, а описав то Иваново поместье Косливецова, а в нём пашни 40 четей, да из того поместья велено отказать на прожиток жене его, вдове Екатерине, пашни 20 четей, да дочерям её, девкам Марье да Анне, по 10 четей в поле а в дву потому ж; да что ей, вдове, и дочерям её из того мужа её поместья отказано буде усадов и мест дворовых и пашни и сенных покосов и лесу и всяких угодий. И то всё велено за ним отписать в отказные книги подлинно порознь, со всякой очисткой; а как вдове Екатерине и дочерям её, девкам, на прожиток то поместье отказано будет, и из того прожиточного поместья 20 четвертей велено отказать синбиренину Никифору Матвееву сыну Ивашеву к прежнему его Синбирскому поместью, к 50 четям, в его оклад в 250 четей. А угодья на том поместье: у Свяги-реки озеро Кутузово, а у того озера усады и места дворовые, двор помещиков Ивана Никитина сына Косливецова, со всяким дворовым строением, да пять дворов задворных людей: Николка Иванов с сыном Якушкой; Ивашка Иванов с детьми: с сыном Ильюшкой да с Лёвкой; Андрюшка с сыном Ивашкою; Матюшка с сыном Федькою; да двор пустой задворного человека Костюшки Иванова с сыном Кузькой, бежали в прошлых годах. И тех людей, Николку со товарищи, отказали вдове Екатерине с дочерью её, девкой Анной; да двор помещиков мужа Ивана Никитина сына Косливецова, со всяким строением; да на том же поместье живут задворные люди Никифора Ивашева, которых она, вдова, писала в рядной записи ему, Никифору, с дочерью своею, девкой Марьею, в приданое: Ермошка Астафьев с сыном Алёшкой, да с Ганькой, да с Оською; Сергунька Петров с детьми: Тимошкой да Енькою. И тех людей, Ермошку Астафьева с товарищи, против рядной записи, отказали ему, Никифору Ивашеву»³⁴.

Меновая грамота

«Сё аз алаторец Иван Тимофеев сын Фатьянов дал сию на себя запись Лаврентию Степанову сыну Мерлину в том: в прошлых годах по указу Великих Государей дана мне поместная земля в Сызранском уезде на речке Рачейке в деревне Рачейке ж пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж, с санными покосами, и лесом, и со всяким угодьями. А та земля смежная с разными помещиками: с Никифором Петровым сыном Фатьяновым, да с Романом Игнатьевым сыном Романовым. А в нынешнем 204 году, ноября в 21 день, по любовному своему договору, я, Иван, и с той своей поместной земли, в тех вышеписанных урочищах, променял ему, Лаврентию, двадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, с усадьбой и санными покосами, и с лесом, и со всеми угодьями, и с примерной землёй. А выменял я, Иван, у него, Лаврентия, в Саранском

³⁴ УКМ. — 9608; Поливанов В.Н., Красовский В.Э.. Материалы исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. IV. — Симбирск, 1904. — С. 192—195. В документе не указано, кто писал доезд. Можно предположить, что сам приказной подъячий Иван Долматов поскольку, когда он был ещё симбирской площадью подъячим (1667 г.), ему приходилось выполнять подобную работу.

Документ № 3 (окончание)

уезде, на речке Утке, в селе Акаеве, осьмину земли, а за переходные четверти взял деньги по договору и ему, Лаврентию, на моей променной вышеписанной земле двор строить и крестьян селить, и землю пахать, и сено косить, и всеми угодьями, и хлебом владеть до росписи и после росписи. К сему списку Никита Полюнов руку приложил.

И об отказной той своей вышеписанной земли дал я, Иван, ему, Лаврентию, за рукою челобитную. По справке и у допросу стать мне, Ивану, и руку приложить, и у отказу ничем не спорить. А менялись мы пустое на пустое. А та моя поместная вышеписанная земля променная наперед никому не продана и не заложена, и не променяна, и ни в каких крепостях опричь сей записи не укреплена. И впредь мне, Ивану, и жене моей, и детям, и родственникам моим о той вышеписанной променной земле на него, Лаврентия, и на жену его, и на детей, и на людей его, и на крестьян Великим Государям о повороте не бить челом, и ни которые дела не чинить, и убытка никакого не учинять, и во владение не бить челом. А кто в ту мою променную вышеписанную землю станет по каким дачам и крепостям вступаться, и мне, Ивану, и жене моей, и детям, его, Лаврентия, и жену его, и детей по своим крепостям очищать, а поселиться ему, Лаврентию, на той вышеписанной земле, где он, Лаврентий, похочет, а мне, Ивану, во всем по сей записи устоять и спору никакого не учинять. А буду я, Иван, против сей записи, что в том писано хоть в малом в чем не устою, и не очищу, и ему, Лаврентию, и жене его, и детям взять на мне, Иване, и на жене моей, и на детях за всякую неустойку по сто рублей денег, и сия запись ему, Лаврентию, и жене его, и детям, на меня, Ивана, и жену мою, и на детей и впредь в запись. А у сей записи послухи: Андрей Беленинов, Афонасий Замятин, Степан Межераков, Григорий Попов, Федот Студенцов, Лазарь Тархов. А запись писал Симбирской площади подьячий **Любишка Марков** лета 7204, ноября в 24 день и к подлинной записи руку приложил. К сей записи вместо Ивана Тимофеева сына Фатьянова по его прошению Симбирской площади подьячий **Влас Краснослободцев** руку приложил, да послуховы руки приложены же. На той записи в заглавии написано: 1703 году руку приложил и за подлинно апреля, в 24 день записано в книгу и пошлины взяты.

По указу на той записи пишет 1700 года, апреля "...", сия крепость на Кашире в приказную книгу записана и пошлины по указу взяты. Закрепа воеводы Григория Сабакина. Смотрел подьячий Фёдор Дмитриев, подлинной записью записав.

Данная: 207 году декабря в 7 день, отдал я, Лаврентий Степанов сын Мерлин, запись, которую мне дал Иван Тимофеев сын Фатьянов, что он, Иван Тимофеев сын Фатьянов, променял землю в Сызыранском уезде в деревне Рачейка двадцать четвертей в поле, а в две потому ж, и я, Лаврентий, ту запись отдал Фёдору Петрову сыну Полюнову и ему, Фёдору, о справке того поместья челобитную взять у него, Ивана Фатьянова, а данное писал я, Лаврентий, своею рукою 1700 года апреля в 29 день записано в книгу и пошлины взяты на Кашире в приказной избе в казну Великого Государя, 4 алтына 2 деньги принято,

помета воеводы Григория Собакина. Писал Фёдор Дмитриев и за оное справил Никита Емельянов и данное к себе взял. Уподлинной записи на обороте подписано: в Симбирске стольнику нашему и воеводе Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину со товарищи. 1704 год, декабря в 7 день, подал симбиренин Абрам Саббуватов »³⁵.

К сожалению, большая часть древних актов безвозвратно утрачена во время пожаров в приказных избах и домах жителей, крупного пожара в приказе Казанского Дворца в Москве в 1701 году. Но из того, что дошло до наших дней, есть немало интересных документов бытового, нотариального и даже криминального характера, достойных отдельного упоминания. Для примера достаточно обратиться к семейным документам Павла Васильевича Анненкова (1813—1887), симбирского дворянина, известного литератора, первого российского пушкиноведа, чьи предки по материнской линии, потомственные симбирские дворяне Чириковы, оставили заметный след в истории края. На протяжении многих лет им не раз приходилось прибегать к услугам симбирских площадных подьячих.

Суд да дело

П.В. Анненков

Фамилия боярских детей Чириковых встречается в Симбирском уезде уже в середине XVII века. За службу они получили здесь поместья, а некоторые — и вотчины. Чтобы завоевать себе место под солнцем, им приходилось, как и многим другим поселенцам края, долго утверждаться на новых малообжитых землях, зачастую нарушая законы, участвуя в спорах и бесконечных тяжбах с соседями.

Особенно интересна судьба прадеда П.В. Анненкова по материнской линии, служилого дворянина Якова Степановича Чирикова. Известно, что он являлся участником нескольких военных походов и симбирского осадного сиденья во время бунта Степана Разина. Почти сразу после снятия осады, в октябре 1670 года, Яков Степанович направил ца-

рю челобитную с просьбой «отказать» ему в соответствии с окладом помещную землю в Симбирском уезде на «пустых землях из дикого поля на реке Бирюч в деревне Шланга», которую он сам себе и присмотрел. Царь удовлетворил его просьбу. Вскоре из Москвы пришёл указ, предписывающий симбирянину Осипу Леонтьевичу Климову да подьячему Ивану Фёдорову ехать в Симбирский уезд на речку Бирюч, отыскать свободный земельный участок и подтвердить это опросом местного населения, написать по той земле «мерные книги» и привезти их в приказ со свидетелями. Сам Осип Климов владел несколькими деревушками на реке Свияге, недалеко от будущей дачи Чирикова. Скорее всего, он в те годы служил в органах местного самоуправления, раз царский указ касался именно его.

Получив указ, симбирский воевода Иван Иванович Дашков приказал выдать Осипу Климову и Ивану Фёдорову «доездную наказную память». Писать её обычно поручали кому-то из площадных подьячих, который тоже отправлялся в уезд вместе со всеми. В данном случае жребий ехать на отказ земли выпал симбирскому площадному подьячему *Ивашке Суздальцу*. Он должен был «писать сказку» с показаний свидетелей, присутствие которых было обязательно при отводе земель, а в помощь ему был послан «для сбора поручных записей» симбирский выборный солдат Семён Кудес.

Площадному подьячему немало пришлось попотеть над «сказкой». Столбец получился размером 15 аршин с лишним (свыше 10 метров!).

Земля, которую велено было отказать за Яковом Чириковым, находилась недалеко «от дачи Тимофея Пилюгина до чувашской деревни Крымовой». Опрошено было «симбирян дворян детей боярских» 18 человек, трое десятских и 39 крестьян из соседних чувашских, мордовских и татарских деревень. При дознании выяснилось, что участок при деревне Шланга, на который претендовал Яков Чириков, четыре года тому назад был самовольно захвачен 18 беглыми из разных уездов Казанской губернии чувашскими крестьянами во главе с Крымкой — сыном Ивашевым. Они уже построили на захваченной земле свои лачуги, распахали пашни, посеяли рожь. Грамоты на землю они не имели и ясачных податей за неё в казну не платили. Уразумев, что захват земли и утайка податей им с рук не сойдёт, Крымко Ивашев «со товарищи» отправили к симбирскому воеводе челобитную о том, что четыре года назад они просили царя об отводе им земли, но, не дождавшись решения, уехали из Симбирска. Как в таком случае надо поступать, разъясняло Уложение, необходимую статью из которого и привёл Ивашка Суздалец в своей «сказке»: «<...> А в государевом указе и в Соборном Уложении в 16 главе, в 64 статье печатано: который челобитчик, бив челом Государю об утайной или порожней земле о поместье или купле и подав челобитную, за выпиской ходить не учнёт три месяца, а после его о том же поместье учнут бить челом Государю иные че-

³⁵ УКМ. ПОЗ-58. — № 37207.

лобитчики, и прежний челобитчик за выпискою к тому делу опять пристанет, и тем прежним челобитчикам отказывать <...>». Так данный участок земли при деревне Шланга оказался у Якова Чирикова.

Но дело на этом не закончилось. Чувашских крестьян по указу симбирского воеводы велено было Ивашке Суздальцу переписать всех «подворно» и указать, из каких мест они прибыли. По тому списку выборный солдат Сенька Кудес должен был развезти их всех по прежним местам жительства, предварительно взяв с каждого двора по 12 рублей ясачных недоимок за все четыре года просрочки³⁶.

В 1674 году Яков Степанович Чириков вместе с братом Никитой Степановичем получил «Благословенную грамоту» от митрополита казанского и свияжского Корнелия на постройку в деревне Шланга церкви в честь Знамения Пресвятой Богородицы «как в Великом Новгороде»³⁷. После постройки церкви деревня Шланга стала называться селом Знаменским, а потом и Чириковым, так оно зовётся и в наши дни. В 1678 году Якову Степановичу принадлежали в селе девять крестьянских дворов, в которых проживали 35 душ мужского пола.

Как видим, Яков Степанович вовсе не был богат. Но он знал счёт деньгам и при любом удобном случае пускал их в рост, ссужая под проценты. Среди документов П.В. Анненкова есть несколько заёмных кабальных актов 1685—1686 годов. Все они были оформлены симбирскими площадными подьячими. Заёмная кабала в 40 рублей «денег московских ходячих прямых без приписи» дана была Якову Чирикову ясачными чувашами из деревни Мордовские Тимерсяны. Жители деревни взяли деньги в январе 1685 года «на мирские расходы» до «сырной недели» того же года. Поручался за всех Яшкилда Иштеряков. «После сроку» крестьяне обещали вернуть Чирикову и убытки «по его Яковлеве сказке». Писал эту заёмную кабалу симбирской площади подьячий *Афонька Иванов*, а послухами у него были *Иван Хохлов, Семен Попов, Григорий Ефимов, Дмитрий Раскащиков*. Поскольку кабала заключалась с жителями чувашской деревни, то при этом присутствовал толмач из приказной избы по фамилии Деков³⁸.

Другая заёмная кабала на 45 рублей Якову Чирикову была дана 10 марта 1686 года ясачными чувашами деревни Алёшкино, «Саблыкино тож», Симбирского уезда. Взяли они деньги на несколько месяцев (до Покрова дня). Сделка оформлялась симбирской площади подьячим *Кириллом Гарофовленином* [Гороховленин] с послухами *Пётром Мантуровым, Александром Тихомировым, Фёдором За-*

мятиным, Иваном Студенцовым, Никифором Манякиным, Фёдором Поповым и толмачом Василием Дмитриевым³⁹.

В малолюдном хозяйстве Якова Чирикова постоянно не хватало рабочих рук, поэтому иногда он ссужал деньги на условиях отработки. Как, например, в случае с Григорием Васильевичем Новокрещёнником. В 1686 году Григорий Новокрещённый дал Якову Степановичу Чирикову заёмную кабалу на 40 рублей. А до расплаты он, Григорий, вместе с женой обязался жить в доме Чирикова и выполнять всякую домашнюю работу, во всём хозяина и его домочадцев слушаться, над домом «никакой хитрости и дурного не чинить, не сбегать». В нарушение договора должен был Григорий вернуть Якову Чирикову все деньги с процентами. На то были и руку приложили послухи: *Афонасий Иванов, Дмитрий Раскащиков, Андрей Беленинов, Дмитрий Соболев, Андрей Воробин, Тишка Мовской*. Кабалу писал 24 февраля 1686 года симбирский площади подьячий *Петрушка Трубанов*⁴⁰.

В 1682 году по соседству с Яковом Чириковым получил 60 четвертей поместной земли в поле «а в дву потому ж» его брат Никита Степанович Чириков. В 1683 году ему была дана выпись на неё из симбирского приказа. Полного размежевания земель в уезде в те годы ещё не проводилось, и если межевые знаки (ими часто были отдельно стоящие деревья) по какой-то причине «стирались», то между землевладельцами возникали имущественные споры из-за земли. Это случалось между добрыми соседями и даже родственниками. Не миновала сия участь и братьев Чириковых, земли которых лежали рядом. В течение нескольких лет вели они между собой судебную тяжбу из-за земли и крестьян, «из-за пожженного гумна с хлебом и о поморе животины, о заёмных деньгах и других вершённых и невершённых в приказах делах». Лишь в 1697 году заключили братья в Симбирске мировую полюбовную запись об окончании меж ними «деревенских всяких ссор». При совершении записи присутствовали симбирской площади подьячие *Иван Карсунцев, Афонасий Попов, Дмитрий Раскащиков, Афонасий Ушаков, Епифан Кишкин, Фёдор Замятин, Никита Рязанов, Влас Краснов, Пётр Попов, Михайло Чувашев*. «А запись писал симбирской площади подьячий *Любишка Марков*»⁴¹.

В знак примирения поменялись Чириковы частью своих поместий. Никита Степанович отдал брату «пол осьмины» земли из своего поместья в Саранском уезде, в деревне Лукьяновке. Яков Степанович променял ему «сто четей в поле, а в дву потому ж, с санными покосами и со всеми угодьями» в селе Знаменском (бывшая деревня Шланга) Симбирского уезда⁴². Подобные обмены земельными участками были в то время обычным делом.

³⁶ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы Исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. II. — № 22. — Симбирск, 1898. — С. 47—69.

³⁷ Там же. — С. 39.

³⁸ Там же. — Т. III. — № 60. — Симбирск, 1902. — С. 81—82.

³⁹ Там же. — С. 80—81.

⁴⁰ Там же. — Т. III. — № 56. — Симбирск, 1902. — С. 78—79.

⁴¹ Там же. — № 14. — Симбирск, 1902. — С. 32—33.

⁴² Там же. — Т. II. — № 56. — Симбирск, 1898. — С. 131—133.

Часто отказные земли лежали не единым куском, а были разбросаны по отдельным урочищам, что затрудняло их обработку и надзор за их сохранностью. Поэтому почти все землевладельцы стремились объединить свои поместные земли через обмен их с соседями или родственниками. Так поступали и Чириковы. Иногда это проходило гладко, а иногда заканчивалось судебными тяжбами.

В 1686 году Яков Степанович Чириков уговорил своих соседей Ивана и Гаврилу Исаевичей Романовых променять ему их поместную землю «27 четвертей без третика в поле, а в дву потому ж» со всеми угодьями при реке Сухой Бирюч «вверх по Вязовому врагу», пожалованную им из выморочного поместья родственника Петра Ивановича Романова. Составив договор и челобитную царю, для завершения сделки все участники должны были приехать в Москву и зарегистрировать её в Приказе Казанского Дворца. Но братья Романовы «в срок не явились и запись на себя не дали».

А вскоре с Яковом Чириковым случилась беда. В 1689 году он был обвинён в убийстве «чюваша». Из-за чего произошёл у Чирикова инцидент, не известно, но состоялся суд, и Якова Степановича отправили на два или три года в ссылку, а его земля была отписана в казну, и лишь слёзная челобитная его жены к царю вернула вотчину ей и детям. В челобитной она написала, что её муж верой и правдой служил государю «и на боях, и на приступах, и в осадах был, всякую нужду терпел и на боях ранен смертными ранами, и в калмыцкие улусы многожды посылан был. И в прошлом во 197 году доводили де на мужа её в убийстве человека, воры и разорители, люди его Евсютка Петров со товарищи». По тому доносу был он сослан в «новопостроенный город Богродской». Описала она и то, как, сидя в Москве, в приказе сыскных дел, где случился пожар, муж её спасал казну от огня, и что кроме Симбирского уезда у него других поместий нет⁴³.

Челобитная жены смягчила приговор. Яков Чириков провёл в ссылке недолго, и уже в 1691 году он купил за десять рублей у стрелецкой жены Алёны Ивановны Горшеной в Симбирске, на Свияжской улице «за новым городом за казанской башнею» дворовую усадьбу, а на ней «изба липовая, перед избою клеть сосновая да баня сосновая же пластинная, около двора городьба, за местом огород...». При составлении купчей были послухи **Афонасий Попов, Иван Красильников, Пётр Мантуров, Кирил Гороховленин**. Купчую писал симбирской площади подьячий Петрушка Трубанов 7 июля 1691 г.⁴⁴.

В 1692 году Яков Степанович подал царю челобитную, в которой написал, что, пока он отсутствовал дома, Иван Романов умер, а его брат Гаврила незаконно продал купленную у него Чириковым

землю своему родственнику Спиридону Романову. В челобитной Чириков просил царя «приказать» Гавриле уплатить ему неустойку в 100 рублей, оговоренную при их сделке. К судебному делу был приложен оформленный симбирским площадным подьячим Петром Трубановым «Список с записи слово в слово», в котором разъяснялся весь порядок сделки:

«Се аз синбиреня Иван да Гаврила дети Романовы дали есьми в Синбирску сию запись Якову Степановичу Чирикову в том: в нынешнем, во 194 году, декабря в 10 день, променяли мы Иван да Гаврила ему Якову Великим Государём жалованное, а после сродника своего Петра Ивановича сына Романова выморочное его поместье, двадцать семь четвертей без третника в поле а в дву потому ж, с распахкою и залежною землёю, и с санными покосами, и со всеми угодьями в Симбирском уезде на речке Сухом Бирюче... А выменяли мы, Иван да Гаврила, у него, Якова, той поместной его земли четверть... где его, Якова, той поместной землёю Великий Государь пожалует. И на санные покосы, и на всякие угодья, и за переходные четверти взяли мы, Иван да Гаврила, у него, Якова, по договору тринадцать рублей с полтиною. И те деньги взяли мы наперёд все сполна. А расписаться нам, Ивану и Гавриле, с ним, Яковом, теми своими меновыми поместьями в нынешнем, во 194 году, до Светлого Христова Воскресения и привезти за руками челобитные на Москву, в приказ Казанского Дворца... А буде мы... в нынешнем, во 194 году, до Светлого Христова Воскресения не распишемся и на Москве в приказе Казанского Дворца за руками челобитной не принесём... или против сей записи в выше писанное число в чём малом не устоим, и на нас, Иване да на Гавриле, и на жёнах наших, и на детях взять ему, Якову, и жене его, и детям по сей записи за неустойку 100 рублёв денег. А ся запись и вперёд в запись. А на то послухи: Афанасий Иванов, Кирил Гарофовленин, Александр Тихомиров, Яков Горбовский, Иван Хохлов. А ту запись писал симбирской площади подьячий Пётр Трубанов. Лета 7194, декабря в 10 день <...>».

Далее в записи со ссылкой на Уложение было приведено разъяснение, как надо поступать согласно закону, если будут нарушены данные условия. Там, в главе 17, статье 34, говорилось, что если кто свою землю продаст, но не приедет в Поместный приказ, чтобы записать её как положено в книгу, а после этого вотчину ещё раз продаст, но уже по всем правилам, то земля останется тому, за кем она записана будет в Поместном приказе. Первому покупателю продавец должен будет вернуть деньги. Самого же нечестного продавца «при многих людях у приказу бити кнутом нещадно, чтоб, на то смотря, иным неповадно было». В свою очередь глава 10, статья 132, Уложения разъясняла, что если нечестный продавец умрёт ранее того, как вернёт деньги истцу, то заплатить их обязаны его жена, дети, брат, то есть тот, кто после него останется наследником.

⁴³ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы Исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. II. — № 60. — Симбирск, 1898. — С. 144.

⁴⁴ Там же. — Т. III. — № 45. — Симбирск, 1902. — С. 67–68.

По странному совпадению в том же 1692 году Гаврила Романов пропал без вести в Симбирске. Через два года в новой челобитной Яков Чириков потребовал, чтобы к делу привлекли жену Гаврилы Романова. По той челобитной симбирский воевода Иван Семёнович Ларионов послал пристава Григория Каширу в Симбирский уезд с «наказной памятью» к Марфе Васильевне Романовой. В «доезде» (с объявлением о вызове в суд) от лица Григория Каширы было написано: «<...> ездил в Симбирский уезд, в поместья симбиренина Гавриловской жены Романова, по людей тех и по крестьян её, по челобитной Якова Чирикова в неустойке по записи, каковую запись ему, Якову Чирикову, Иван да Гаврила Романовы дали на променную свою поместную землю... И я, Гришка, ево Гавриловых людей и крестьян не изъехал. А приехала в Симбирск к ответу жена ево Гаврилова. То мой и доезд. А доезд писал симбирской площади подьячий Александрка Тихомиров. На подлинном доезде назади написано: вместо Гришки Каширы по ево велению площадный подьячий Елисейка Дешков руку приложил. Да на том же доезде помета дьяка Викулы Богданчикова: взять к делу и допросить <...>».

На допросе Марфа Романова сказала, что ничего не знала о делах мужа. Поручителей своим словам она не нашла и была поставлена за долги мужа «против приказной избы на правёж»⁴⁵.

Чтобы она из города не сбежала, пристав Антон Самарцев взял с её родственника Спиридона Романова, замешанного в этом деле, расписку, оформленную площадным подьячим **Стенькой Баженовым**. Несчастливая вдова, в свою очередь, послала челобитную царю с просьбой назначить суд и разрешить дело в правовом ключе: «<...> А по вашему Великому Государю указу и по Уложению, а буде на кого крепостные записи объявятся, велено давать суд. Я раба Ваша беспомощная без суда стою на правеже и от увечья помираю с того правежу... И на суде я раба Ваша... буду обличать неправду <...>». 10 декабря 1694 года из Москвы поступил указ разбирать дело в суде. И опять пришла очередь потрудиться площадным подьячим. Симбирский пристав Борис Беленинов велел **Александру Тихомирову** взять в послухи **Лариона Коростелёва** и **Фёдора Чебоксаренина** (Чеботаренина) и подготовить к делу поручную запись — найти нескольких человек, чтобы они поручились за явку в суд Марфы Романовой⁴⁶.

В деле не сказано, чем закончилось судебное разбирательство, но в 1696 году Спиридон Алексеевич Романов всё же променял Якову Степановичу Чирикову те злосчастные земли по ре-

⁴⁵ Правёж — принудительное взыскание долгов в пользу истца. Должника ежедневно ставили на площадь перед судом и били по его ногам палкой в течение нескольких часов. По Уложению за каждые 100 рублей долга полагался месяц наказаний. Если он и после «правежа» не отдавал долг, его передавали истцу в холопью кабалу до полной выплаты долга. Мужчины за один год работы погашал 5 рублей долга, женщина — 2,5 рубля.

⁴⁶ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы Исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. II. — № 65. — Симбирск, 1898. — С. 171–179.

кам Шланга и Малый Бирюч, из-за которых его семье пришлось столько выстрадать.

Закончилась мировой и тяжба Чириковых с жителями из соседней деревни, которых сыновья Якова Степановича долго и упорно притесняли, вероятно, в отместку за отца.

Сохранился любопытный документ — «*Мировая полюбовная запись, данная чувашами Симбирского уезда деревни Нижних Тимерсян в окончании миром дела о взятых животах их, об увечьи и о бесчестье*». В документе говорится, что трое ясачных чуваш в Симбирском приказе 22 апреля 1700 года «<...> дали на себя запись симбирянам Михаилу да Ивану Яковлевым детям Чириковым, да Григорию Фёдорову сыну Растовскому в том: привели мы, Алиших да Яшутка да Тимейшка, их Михаила да Ивана Чириковых, да с ними же привели человека их Артюшку Васильева, да крестьянина их Иваишу Ерофеева, да Григория Растовского в Симбирск, в приказную избы. И били челом мы, Алиших да Яшутка да Тимейшка на них, Михаила, да Ивана, да Григория во взятых своих животах. А что животы наши, и то писано в деле нашей Алишихой да Яшуткиной да Тимейшкиной росписи. И ныне мы, Алиших да Яшутка да Тимейшка, не дождались подлинного розыску, поговоря с ними меж собой полюбовно, во всём разделились и впредь на них, на Михаила да на Ивана, да на Григория и на жён их, и на детей их, и на людей их, и на крестьян в бою своём и в увечьи, и в бесчестье, и во взятых наших во всех животах, что написано в деле <...> Великому Государю не бить челом <...>». За нарушение взятого с их стороны обязательства чувашаи пообещали выплатить неустойку в 300 рублей. «<...> А какие пошлины будут по делу — платить их придётся Чириковым. Запись в приказной избе писал подьячий Григорий Змейкин». Свидетелями выступили служилые чувашаи из соседних деревень⁴⁷.

Знакомство даже с немногими дошедшими до наших дней с тех времён документами позволило выявить три десятка фамилий площадных подьячих по Симбирску и несколько по его уезду. Полного списка их за неимением достаточного количества документов установить не удалось, но известно, что в Карсуне в 1699 году работал площадной подьячий Пётр Гончаров, в Уренске в 1690 году — Евтей Ворхотин.

Из какой местности и социальной среды вышло большинство симбирских площадных подьячих, сказать трудно. Сохранились сведения лишь о некоторых из них. Так, например, Иван Евдокимович Хохлов был сыном Евдокима Хохлова, в 1660-е годы занимавшего должность симбирского земского старосты. Семён Гороховленин, названный послухом в документе 1695 года, был сыном площадного подьячего Василия Петровича Гороховленина. Согласно описи Симбирска за 1678 год в 1695 году ему должно было быть 19 лет. Упомянутые в той же описи сыновья площадного подьяче-

⁴⁷ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы Исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. III. — № 15. — Симбирск, 1902. — С. 33–35.

го Тихона Ефремовича Студенцова, Иван и Федот, спустя 20 лет (в 1698 году) тоже работали в Симбирске площадными подьячими. Терентий Максимов сын Смольянинов был сыном стрельца. Его отец стрелец Максим Прокофьевич Смольянинов помимо основной службы занимался в Симбирске торговлей — продавал рыбий жир и купорос в торговых рядах. Отдельные выходцы из площадных подьячих положили начало известным в Поволжье дворянским фамилиям: Москвитиновым, Астраханцевым, Мещеряковым, Мантуровым, Плотцовым, Тихомировым.

Как сложилась судьба большинства из площадных подьячих в петровские времена, тоже не известно. Конечно, самые опытные и успешные из них не остались без дела. После нескольких лет работы на площади они были взяты на вакантные места в приказную избу, как например, Иван Долматов, Александр Тихомиров и Пётр Муромцев.

Площадной подьячий Петрушка Муромцев

Среди тех, кто начинал службу подьячим Симбирской площади, а закончил её в «чинах» на государственной службе, был Пётр Иванович Муромцев, оставивший заметный след в истории города как благотворитель и попечитель.

Происходил Пётр Иванович Муромцев из сословия служилых людей, прибывших на строительство Симбирской засечной черты в 1648 году. Обучившись грамоте, Петрушка Муромцев стал «кормиться пером» на Симбирской площади в артели площадных подьячих. С середины 1680-х годов в протокольной части некоторых нотариальных актов начинает упоминаться его фамилия. Например, в 1684 году он писал *«Поступную запись, данную Фёдором Павловичем Костяевым Исаю Ананьевичу Беликову на крепостную девку Анютку Никитину»*⁴⁸. В 1687 году он же «прикладывал руку» вместо симбирского солдата Спиридона Жоина в выписи на владение игуменей Новодевичьего монастыря Антонидой поместной землёй в Симбирском уезде⁴⁹.

Взлёт карьеры Петра Муромцева совпал с началом нового века. Грамотой от 25 апреля 1701 года, поступившей к симбирскому воеводе Алексею Матвеевичу Кровкову из приказа Казанского Дворца, *«<...> велено Симбирской приказной избы подьячему Петру Муромцеву в приказной избе всякие крепости записывать и тою записною книгою ведать и пошленные деньги собирать одному; выделить ему в помощники подьячих сколько надо, а постояльцев ему во двор ставить не ве-*

лено <...>». Делал записи в крепостную книгу он и после перехода в воеводскую провинциальную канцелярию. Сохранились «справленные» им несколько дел: две выводные записи в замужество крепостных крестьянок (1704 и 1705 гг.) и купчая крепость на крестьянина Никифора Никитина с семейством (1719 г.).

Так, собирая оброчные деньги и «исправляя крепостные бумаги», он прослужил на одной должности более четверти века. А в 1723 году, незадолго до ухода на заслуженный отдых, Пётр Иванович Муромцев был «синоидальной команды и Синбирских духовных и раскольников дел управителем». Это назначение не было случайным. Муромцев слыл человеком благочестивым и набожным, не жалел средств на церковную благотворительность и попечительство.

В 1697 году, будучи подьячим Симбирской Приказной избы, он купил у посадского человека Якова Крашенинникова землю под Симбирском, за валом, на реке Свияге, «для строения под церковь Божию и под монастырь» и на свои же средства построил деревянную Благовещенскую церковь, кельи для монахов и деревянную ограду. В 1701 году в симбирских документах уже упоминается «новопостроенный Благовещенский мужской монастырь», которому до конца своих дней Муромцев оказывал поддержку и *«распоряжался им как здатель»*. Он покупал для нужд монастыря церковные книги и утварь, давал деньги на его содержание. Как писал знаток симбирской истории К.И. Невоструев: *«В 1704 году он устроил на своей земле близ города Тагая часовню и при ней келью для жития монахов Благовещенского монастыря, содержал их на своём иждивении и самому монастырю доставлял немалый доход от молебнов, которые монахи служили в церкви соседнего села Покровская Копышовка, где хранился список с особо чтимого в этих местах образа Смоленской Божьей матери. Список был написан в 1656 году по заказу тагайских стрельцов “во спасение от морового поветрия”»*.

В 1720—1722 годы на территории Благовещенского монастыря вместо первой деревянной церкви Пётр Иванович выстроил каменный четырёхпрестольный Благовещенский собор с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и Московских святителей чудотворцев Петра, Ионы, Алексия и Филиппа, после чего монастырь иногда в документах стали именовать Покровским, а позже именно это название стало основным. Рядом с храмом на средства Муромцева вскоре была воздвигнута колокольня, с западной стороны которой был сделан тоже по его желанию придел во имя Всех Святых.

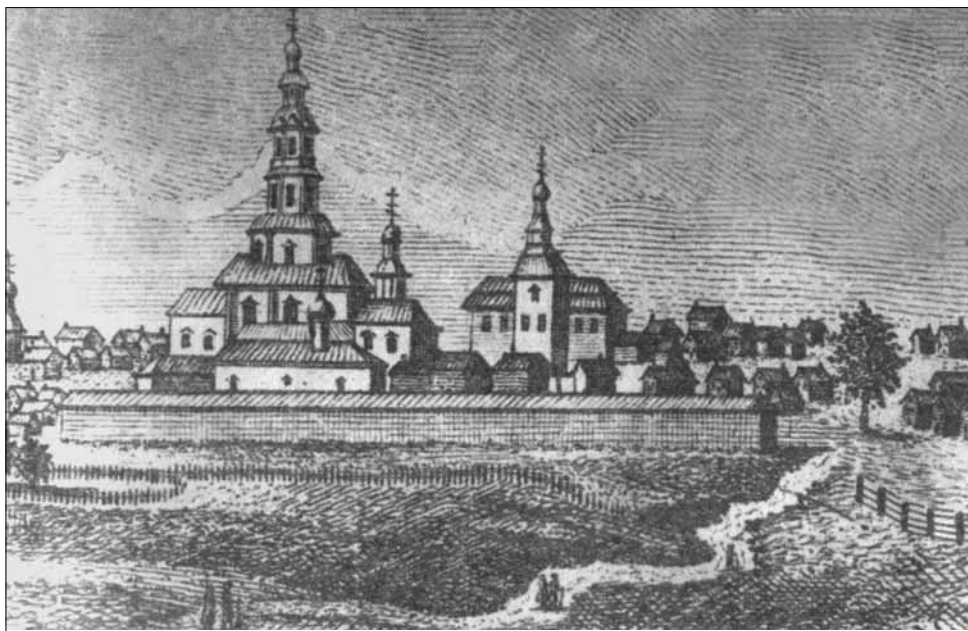
В новый храм Пётр Иванович приобрёл и новые иконы. Из тагайской часовни, якобы для снятия списка, он взял образ Смоленской Божьей Матери. Эта икона так и осталась в монастыре, несмотря на все попытки тагайских прихожан вернуть её.

«В последующие годы, — пишет К.И. Невоструев, — Муромцев как хозяин распоряжался в монастыре, продавал его движи-

⁴⁸ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы Исторические и юридические приказа Казанского Дворца. — Т. III. — № 18. — Симбирск, 1902. — С. 37.

⁴⁹ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края 17—18 вв. — Симбирск, 1900. — С. 60—64.

мое и недвижимое владения, выгонял из монастыря неугодных ему монахов». Так, один из бывших иеромонахов Благовещенского (Покровского) монастыря в челобитной показал, что по благословенной иеромонашеской грамоте в 1719 году он был назначен

Покровский монастырь (фрагмент гравюры середины XVIII в.). УКМ

Казанским митрополитом Тихоном на службу в Покровский монастырь, прослужил пять лет, а в 1724 году *«созидатель монастыря Пётр Муромцев выслал его из того монастыря безвинно»*. Вряд ли вмешательство Муромцева было приятно казанскому епархиальному начальству, но приходилось на многое закрывать глаза, учитывая огромную помощь, оказываемую Петром Ивановичем монастырю.

Умирая, Муромцев не забыл о своём детище. В завещании, написанном незадолго до кончины, он приказывал: *«<...> старцев Благовещенского монастыря кормить и поить за трапезою и в дальнейшем из доходов моей мельницы, но деньги им не давать»*.

К концу жизни по местным меркам Муромцев был очень богат. Благодаря природному уму и занимаемой высокой чиновничьей должности он сумел скопить значительное состояние, и считался одним из самых богатых людей Симбирского уезда. До 1700 года он содержал на оброке несколько мельниц, постепенно выкупая их в собственность. Как следует из завещания, к 1728 году за ним числились на реках Тагайка, Свияга и Сельдь семь мельниц, винокуренный завод в деревне Котьяковка, позже ещё один «со всеми инстру-

ментами» в деревне Артюшкино. В Симбирском уезде, кроме земли под городом Тагаем, у него были населённые крепостными крестьянами земли в селах Солдатская Ташла, Назайкино, деревнях Артюшкино, Ленивцево, Максимовка, Дмитриево-Помрясино — всего 106 четвертей пашни в поле «да в дву потому ж». К этому следует добавить сенные покосы под Симбирском, между Арской и Конной казачьими слободами, которые достались ему в 1711 году. В Симбирске у него были три дома с садами и ещё большой дом за городом, в селе Протопоповка, который, по словам К.И. Невоструева, он продал незадолго до своей смерти.

Умер Пётр Иванович Муромцев в конце августа 1728 года, попросив похоронить его в монастыре, в приделе Московских чудотворцев, что и было исполнено. Его захоронение на территории Покровского монастыря стало одним из первых.

Вдова Муромцева и наследница (детей у Муромцева не было), Наталья Семёновна, урождённая Шильникова, пережила его всего на два года и, следуя примеру мужа, тоже оставила Покровскому монастырю один из своих городских домов и сенные луга под Симбирском⁵⁰. Те из монахов, кто знал чету Муромцевых, не забывали упоминать их в своих молитвах, пока неумолимое время не уничтожило эту память вместе с монастырём, закрытым и разрушенным в годы Советской власти⁵¹.

⁵⁰ Невоструев К.И. Покровский монастырь // Симбирские губернские ведомости. — 1870. — № 54–60; УСЭ. — Т. 1 — Ульяновск, 2000. — С. 395.

⁵¹ УСЭ. — Т. 2. — Ульяновск, 2004. — С. 128–129. Покровский мужской монастырь до самой революции пользовался особым расположением у симбирской знати. На небольшом по площади монастырском кладбище с конца XVIII века хоронили, кроме священнослужителей Покровского мужского и Спасского женского монастырей, самых именитых дворян, купцов и крупных чиновников. После революции в 1923 году захоронения на территории монастырского кладбища были запрещены, а в 1932 году монастырь совсем закрыли, церковные постройки и кладбище снесли. Оставили нетронутой лишь могилу Ильи Николаевича Ульянова (отца В.И. Ульянова—Ленина), вокруг которой вскоре разбили парк его имени.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПО ГОДАМ

Список Симбирских площадных подьячих 1654 г.

Кручина Семёнов сын Долбилов
Григорий Иванов
Спиридон Москвитинов
Григорий Харламов

1665–1667 гг.

Данила Астраханец (Остраханец)
Василий Безсонов
Никита Брянский
Михаил Воробин
Тихон Гневышев
Василий Грязной
Иван Гундаров
Иван Долматов
Григорий Ефимов
Григорий Ковшенников
Иван Коростелёв
Ларион Коростелёв
Тимофей Косаткин
Василий Кузнецов
Сергей Михайлов
Иван Москвитинов
Василий Москвитинов
Иван Незговоров
Захар Нижегородец
Иван Петров
Василий Попов
Иван Собинин
Иван Суздалец
Григорий Тетюшенин
Клим Трифонов
Тимофей Тюрин
Григорий Харламов
Фёдор Черников

1678–1699 гг.

Степан Баженов
Васька Безсонов
Андрей Беленинов
Андрей Воробин
Максим Гордеев
Яков Горбовский
Кирилл Гороховленин (Гарофовленин)
Семён Гороховленин
Иван Гурьев
Ивашко Гундаров
Елисейко Дешков
Афонасий Замятин
Епифанка Яковлев сын Кишкин
Афонасий Иванов
Иван Карсунец
Иван Корнилов
Влас Краснослободцев
Пётр Мантуров
Никифор Манякин
Дмитрий Мещеряков
Степан Мещеряков
Любишка Марков
Тимофей Мовской
Пётр Москвитинов
Пётр Муромцев
Назар Плотцов
Григорий Попов
Фёдор Попов
Дмитрий Раскащиков
Василий Седов
Терентий Смольянинов
Дмитрий Соболев
Иван Студенцов
Федот Студенцов
Лазарь Тархов
Александр Тихомиров
Иван Тостелев
Пётр Трубанов
Степан Фурсов
Иван Хохлов
Фёдор Чебоксаренин (Чеботаренин).

НА ЗАРЕ АБСОЛЮТИЗМА

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО БОГАТЕЕТ

Уложение, как уже говорилось выше, включало в себя законы, касающиеся только основных сословий — служилого, торгово-промышленного, крестьянского и отчасти духовенства. Но российское общество в те годы было очень многоликим. В стране огромное число людей (холопы, вольные люди, монастырские слуги и

пр.) не относилось ни к одной из этих групп, стояло, как пишет В.О. Ключевский, *«вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу»*. Многие из них не несли государственного тягла, и *«эта праздная и непроизводительная масса всею тяжестью своего содержания падала на те же рабочие тяглые классы, из которых и казна извлекала свои доходы»*⁵².

Вступивший на российский престол Пётр I решил провести подушную перепись населения, чтобы выявить новых податных плательщиков и приобщить их к настоящему делу в интересах государства. Это коснулось и площадных подьячих. Под предлогом того, что со стороны правительства отсутствует надзор за деятельностью «площади» и происходят *«вследствие этого много-*

Пётр I

⁵² Хрестоматия по «Курсу русской истории» В.О. Ключевского. — Пенза, 1993. — С. 75.

численные случаи злоупотреблений путём недозволенных сделок и подложных документов», Пётр I повелел навести порядок в совершении крепостных актов и подготовил для этого сразу несколько последовавших один за другим указов.

Одним из первых был Указ от 22 января 1699 года о введении гербовой бумаги для написания крепостей. Ему предшествовало подмётное письмо крепостного человека графа Шереметьева Алексея Курбатова, который в качестве дворецкого ездил с графом за границу и узнал там о существовании гербового налога. В письме Курбатов предложил Петру ввести и в России для пополнения казны «орлёную» бумагу. За предложенный проект Курбатов был пожалован царём в дьяки Оружейной палаты, награждён деревнями и домом в столице, а в 1711 году назначен вице-губернатором в Архангельск, правда, вскоре он умер под судом, уличённый в казённой растрате⁵³.

Введение гербовой бумаги в несколько раз увеличило поступление в казну актовых пошлин. Так как крепостные акты, написанные на другой бумаге, считались недействительными, население вынуждено было для их оформления приобретать гербовую бумагу. Она печаталась нескольких видов. В столичных приказах и приказных избах на местах использовалась бумага *«под большим орлом»*, на которой писались вотчинные, лавочные и кабальные записи, заёмные и другие акты стоимостью на сумму выше 50 рублей. Те же самые крепости на меньшую сумму должны были писаться на бумаге, *«которая величиной под гербом против золотого»*. А челобитные в приказах и у площадных подьячих, выписи с челобитных оформлялись на бумаге с печатью *«в полы золотого»*. Бумага с большим клеймом первоначально стоила 3 алтына 2 деньги за лист, со средним — 2 деньги, с малым клеймом — 1 деньгу⁵⁴. (Впоследствии суммы естественным образом изменялись в соответствии с денежным курсом.)

9 декабря 1699 года вышел царский Указ о том, что все акты о поместных и вотчинных делах должны писаться в Москве, но не у площадных подьячих на Ивановской площади, а в Поместном приказе *«подьячими добрыми, с ведома того приказа судей, а вместо послухов писать свидетелей добрых и знатных»*. Новый порядок оказался не очень удобным. Приказные подьячие буквально тонули в ворохе челобитных, не успевали с их оформлением, что породило известную волокиту. К тому же, если возникало спорное дело, то свидетелей челобитных приходилось разыскивать очень долго по всей стране.

Поэтому почти сразу появился Указ от 1 января 1700 года, который распределял письмо различных крепостей между Ратушей и

⁵³ Яблочков М. История дворянского сословия в России (репринт. 1876 г.). — Смоленск, 2003. — С. 349.

⁵⁴ Исторические хроники Российского нотариата. Составитель — Б.И. Лившиц. — М., 2003. — С. 155–156.

Московской Большой Таможней; в нем также говорилось, что площадным подьячим разрешается писать только челобитные.

«Как известно, — отмечает М.Ф. Злотников, — эта мера, предпринятая Петром Великим для замены “площади”, — писание крепостей в различных учреждениях, совершенно не удалась»⁵⁵.

30 января 1701 года, для устранения возникшей путаницы в оформлении крепостей, деятельность площадных подьячих была восстановлена, но называться они стали «крепостных дел подьячими».

И, наконец, 8 января 1706 года был учреждён Приказ крепостных дел. Ему вменялось заведовать всем крепостным письмом в России, определять на должности крепостных дел подьячих — писцов и надсмотрщиков, контролировать их деятельность. Позже Приказ сменила Расправная канцелярия при Сенате, затем Юстиц-Коллегия, в ведение которой поступало совершение актов и ограничение прав на недвижимое имущество. При ней в качестве нотариального органа была создана Крепостная контора, возглавляемая секретарём. В её компетенцию входили те же вопросы, какими ранее занимался Приказ крепостных дел. На местах в провинциальных крепостных конторах сделки по-прежнему оформляли писцы и надсмотрщики.

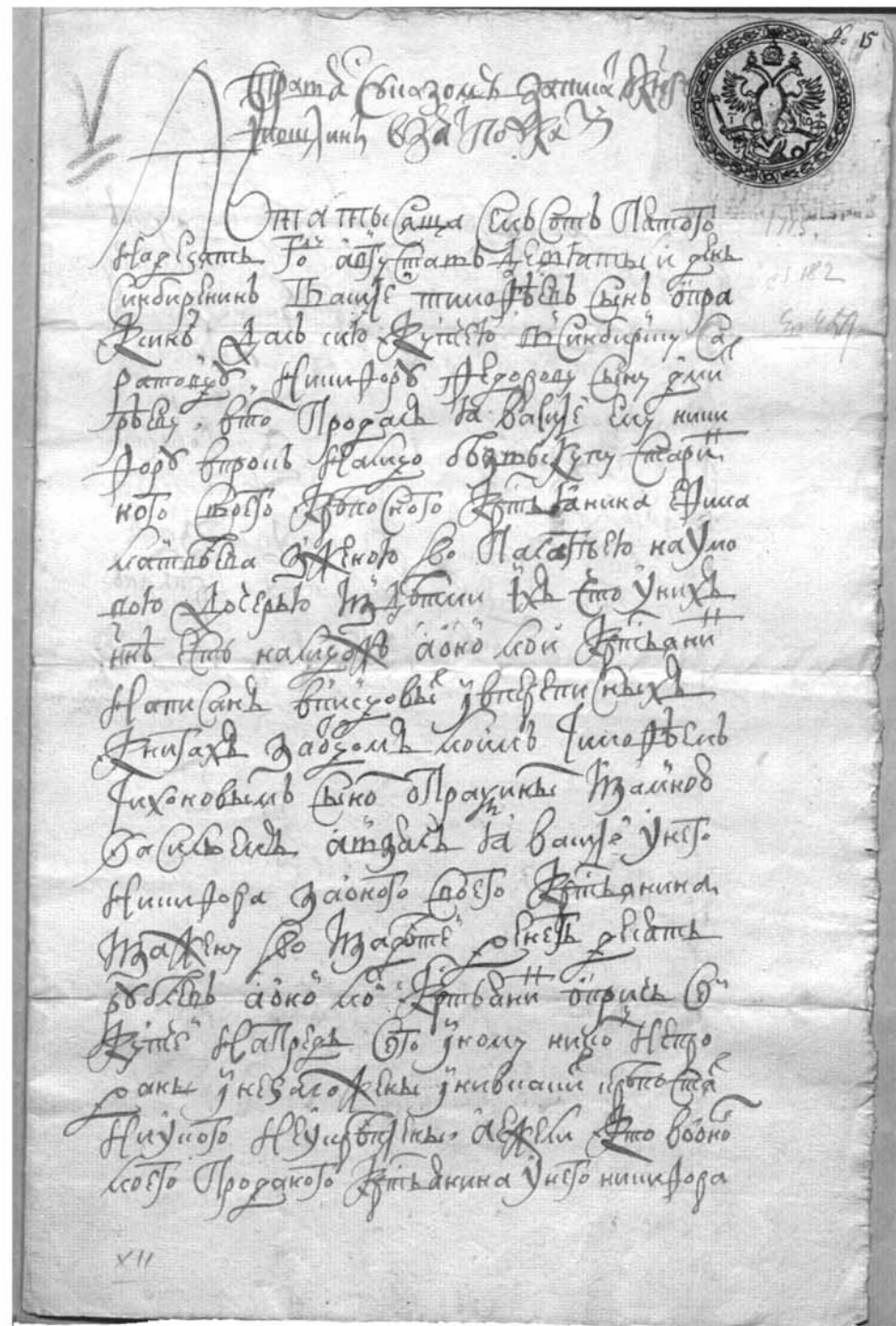
Был установлен и новый порядок совершения крепостных актов. В соответствии с ним все виды сделок разделялись на три статьи⁵⁶.

К первостатейным относились купчие, закладные, кабальные и прочие крепости. Они записывались перечнем у крепостных дел, но затем должны были фиксироваться в соответствующих приказах, а на местах — в провинциальных канцеляриях.

Купчая крепость на крестьянина помещика В.Т. Апраксина. 1715 г.

«Лета 1715 год, августа в 9 день, синберенин Василий Тимофеев сын Апраксин дал сию купчую в Синбирске саратовцу Никифору Фёдорову сыну Дмитриеву в том: продал я, Василий, ему, Никифору, впрок без выкупу старинного своего крепостного крестьянина Ефима Матвеева с женою его Пелагеей Наумовой дочерью и с детьми их, что у них есть на лицо же. А оной мой крестьянин написан в писцовых и крепостных книгах за дедом моим и за отцом моим Тимофеем Тихоновым сыном Апраксиным (Опраксиным), и за мною, Василием. А взял я, Василий, у него, Никифора, за оного своего крестьянина и за жену его, и за детей денег десять рублей. А оные его крестьяне опричь сей купчей наперёд сего дня никому не проданы и не заложены, и не в каких крепостях не укреплены. А ежели кто в оном моим проданном крестьянине у него, у Никифора, и у жены его, и у детей будет вступаться, и мне, Василию, и жене моей, и детям в том крестьянине очищать, а ежели я, Василий, в оном крестьянине тому Никифорову владенью не очищу, а ему, Никифору, и жене его, и детям за неочистку взять на мне, Василии, и у жены моей, и детей, против Государевого указа за всякую

Документ № 4. Купчая крепость на крестьянина. Симбирск, 1715 г. УКМ (публикуется впервые)

⁵⁵ Злотников М.Ф. Указ. соч. — С. 65.

⁵⁶ Сазонова М.И. Нотариат Санкт-Петербурга. — Кн. 1. — М., 2003. — С. 99.

голову деньги или таких же крестьян душами здоровых и потери, и убытки по его, Никифорову, и жены его, и детей. А купчая ему купцу и жене его, и детям на одного крестьянина с женою и с детьми впредь к купчей...

Сия купчая Василия Тимофеева Апраксина с одного крестьянина Ефимия Матвеева и за женой его, и за детьми, кроме пасынка его Михаила, продал и деньги десять рублей взял и руку приложил самаренин Александр Поздняков. ...к сей купчей руку приложил. Синбиренин Василий Тимофеев сын Своитинов свидетелем был и руку приложил. К сей купчей синбиренин Степан Мещеряков свидетелем был и руку приложил. У сей купчей свидетель... и руку приложил.

А 1715 года, августа 9 день, за письмо по записям по указу взято и сия купчая в Синбирске у крепостных дел в книгу перечнем записана, а подлинно записать в указанный день в канцелярии, а ежели не записана будет она в крепость. А писал сию купчую синбирских крепостных дел подьячий Борис Лукьянчиков, потому что надсмотрщик послан в Казань с отчётом.

1715 года, августа 9 день, ся купчая в Синбирскую книгу провинциальной канцелярии переписана, перед обер-комендантом Бахметьевым чтена и в книгу записана, и пошлина по указу по гривне с рубля итого взято. Дьяк Иосиф Протопопов. Справил Матвей Сухарев»⁵⁷.

Крепости второй статьи — наёмные, поступные и данные на крестьян, записывались полностью от начала до конца в крепостные книги, минуя приказы и канцелярии.

Наёмная запись крестьянина Карлинской слободы Симбирского уезда Андрея Герасимовича Волкова, данная Сидору Никифорову Репьёву. 1714 г.

«Лета тысяча семьсот четвёртого на десять, октября в двадцать осьмый день. Синбирскаго уезду, вотчины боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского, Карлинской слободы, что на Гуще, крестьянин ево Андрей Герасимов сын Волков дал сию запись в Синбирску Сидору Никифоровичу сыну Репьёву в том: нанялся я, Андрей, у него, Сидора, в домашнюю работу и на мельницу в засыпки впредь от сего числа на год. И за работу рядил рубль, задатку взял наперёд полтину. Пить, есть и обувь, и одежду носить свою. И живучи мне, наймиту, у него, хозяина, во всякой ево домово́й работе ему, хозяину своему, и жене его, и детям быть послушну. И из дому их, не отжив сроку, не сойти и не збежать, и животных их не покрасть, и не пить, и не бражничать, и с воровскими людьми не знаться, а под дом ево воровских людей не подвесьть, и мельничьему промыслу простой не учинить. А как отживу до сроку, и мне взять остальные деньги сполна. А ежели наймит против сей записи хоть в чём в малом не устою и мельничьему промыслу простой учиню, и ему, Сидору, и жене его, и детям взять на мне, наймите, и жене моей,

⁵⁷ УКМ. ПОЗ. — № 7787.

и на детях оные наёмные деньги и с убытками и мельничьему промыслу простой. К сей записи вместо Андрея Герасимова сына Волкова, что он у Сидора Никифорова сына Репьёва во всякую работу нанялся и рядил рубль денег, да по его велению симбирский подьячий Сила Замятнин руку приложил. У сей записи синбирский подьячий Степан Мещеряков свидетель был и руку приложил. А запись писал синбирских крепостных дел подьячий Борис Лукьянчиков.

1714 года, октября в 28 день, пошлин за письмо и от записки десять алтын взято, и сия крепость в Синбирску у крепостных дел в книгу записана, подписал надсмотрщик Семён Игумнов». (Из собрания П.Я. Дашкова)⁵⁸.

Крепости третьей статьи, как менее важные, записывались перечнем «у крепостных дел». К ним относились наёмные на лавки, рядные и им подобные записи.

Дозволение, данное крестьянами села Николаевского, Фролов Починок тож, секунд-майору Никифору Семёновичу Ивашеву, на постройку вешняка на реке Свяге, в пределах их крепостных дач

«1776 года, сентября 25 дня, Свяжеского уезда села Николаевского, Фролов Починок тож, выборный Кузьма Лаврентьев, сотник Леонтий Герасимов, рядовые: Дмитрий Осипов... (перечисляются крестьяне, всего 65 человек)... и все того села мирские люди, с общего согласия, дали дозволение в том, чтобы на наших крепостных дачах, в берегах на реке Свяге, построить вешняк господину секунд-майору Никифору Семёновичу Ивашеву и в том нам, как ныне, так и впредь, и по нас наследникам, не препятствовать и никаких замешательств, и убытков не вчинять и не делать. Когда ж потребно для плотины какого леса, то ему, господину Ивашеву, покупать, а из наших дач самовольно не рубить, и ежели в лугах наших, где сенокос, землю не рыть и никаких обид нам не делать, в чём мы добровольно с общего согласия письмо дали. И по оному письму, вместо всех нас вышеписанных, по прошению нашему, одного села священник ниже сего руку приложил; а когда потребно будет от крепостных дел во всём вышеписанном дать запись, то в том верим во всём одного же села выборному солдату Кузьме Лаврентьеву и сотнику Леонтию Герасимову, где надлежит вместо нас руку прикладывать (подпись). К сему обязательству села Николаевского, Фролов Починок тож священник Феоктист Козьмин, по их прошению свидетель и руку приложил»⁵⁹.

Таким образом, начиная с петровских времен оформление крепостных актов стало не только более упорядоченным, но и более

⁵⁸ УКМ. ПОЗ. — № 7807; Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. III. — № 49. — Симбирск, 1902. — С. 71–72.

⁵⁹ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 207. — Симбирск., 1904. — С. 496–497.

публичным, так как осуществлялось приставленными к этой службе людьми и проводилось под контролем вышестоящих государственных учреждений. На местах в губерниях акты из крепостных контор попадали в провинциальные канцелярии, где заносились в специальные книги.

Дублирование крепостных актов в те годы вполне оправдывало себя. Если подлинный документ владельцем по какой-то причине утрачивался (например, из-за случившихся в деревянных домах пожаров), то его можно было легко восстановить, обратившись в соответствующую государственную канцелярию.

Не менее важными представлялись такие записи в случае злоупотреблений или прямого обмана при купле-продаже недвижимых имений и при выявлении выморочных владений. Прекратив раздачу поместных окладов, Пётр I приказал отписать в казну все выморочные имения и собирать с них в Поместный приказ доходы. 11 декабря 1719 года он обязал Коммерц-коллегию «чтобы она уведомила о всех жалованных местностях и деревнях и о том, что об оных в жалованных грамотах записано. Все жалованные грамоты должны быть записаны в ней, и она должна наблюдать, чтобы такие местности, деревни и крестьяне к убытку Государяотяжены или весьма разорены не были»⁶⁰.

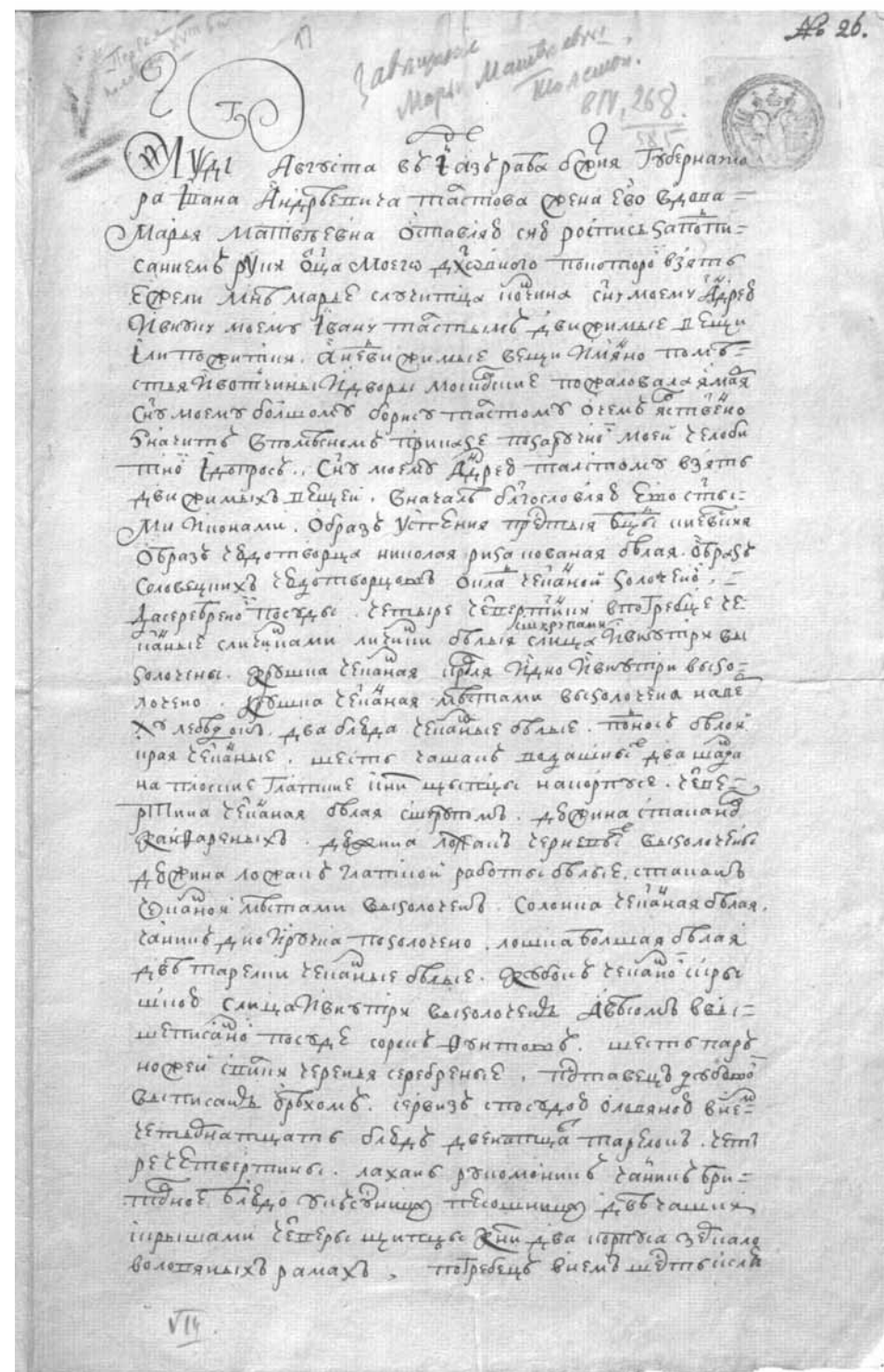
В соответствии с указом последний в роду не мог распоряжаться своим имуществом, и после его смерти оно поступало в государственную казну. Ограничение в правах наследования родового имущества просуществовало в стране до 1817 года.

«НЕ В ДУХЕ РУССКОГО НАРОДА»

Введение нового порядка в оформлении крепостных актов не отменяло статей Уложения в части разделения по значимости крепостного акта и домашнего. По-прежнему свадебные стоворные, заёмные на хлеб и деньги, духовные завещания разрешалось составлять в домашней обстановке с участием доверенных лиц, минуя крепостные конторы. Документ при этом сохранял законную силу. Примером может служить «Изустная заручная завещательная роспись на движимое имущество» московской и симбирской дворянки Марии Матвеевны Толстой, совершённая дома в присутствии только её духовника Иоанна Симеонова.

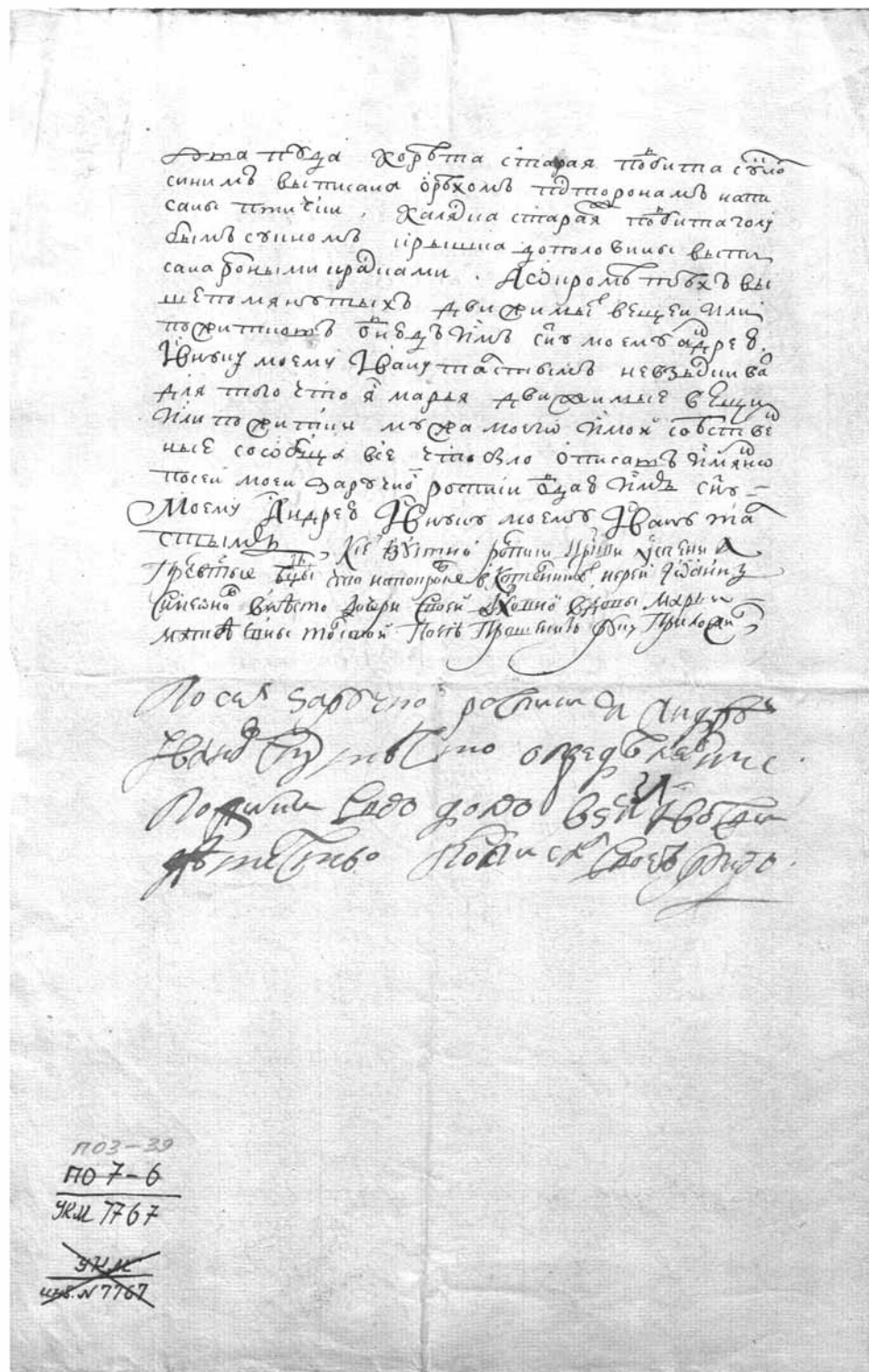
«Лета 1714 августа в 10 день, аз, раба Божия, губернатора Ивана Андреевича Толстого жена его, вдова Мария Матвеевна, оставляя сию роспись за подписанием руки отца моего духовного, по которой взять, ежели мне, Марии, случится кончина, сыну моему Андрею и внуку моему Ивану Толстым, движимые вещи или пожитки, а недви-

Документ № 5. Завещание М.М. Толстой. Симбирск, 1714 г. УКМ (публикуется впервые)

⁶⁰ Яблочков М. История дворянского сословия в России (репринт. 1876 г.). — Смоленск, 2003. — С. 370.

Документ № 5 (окончание)

жиные вещи, именно: поместья и вотчины, и дворы Московские пожаловала я, Мария, сыну моему большому Борису Толстому, о чём явлено в Поместном Приказе, по поручной моей челобитной и допросу. Сыну моему Андрею взять движимых вещей. В начале благословляю его святыми иконами: образ Успения Пресвятыя Богородицы Киевские; образ чудотворца Николая, риза кованная белая; образ Соловецких чудотворцев, оклад чеканный золочёный. Да серебряной посуды: четыре четвертинки в погребе чеканные с личинками, личинки белые с шурупами, с лица и внутри вызолочены; кружка чеканная, кровля и дно и внутри вызолочено, кружка чеканная изнутри вызолочена, наверху лебедок; два блюда чеканные белые; поднос белый, края чеканные; шесть чашек водочных; два шандала плоские, гладкие; к ним щипцы на корпусе, четвертина чеканная белая, с шурупом; дюжина стаканов кандареных; дюжина ложек черневых вызолочены; дюжина ложек гладкой работы белые; стакан чеканный местами вызолоченный; солонка чеканная белая; чайник, дно и ручка позолочены; ложка большая белая, две тарелки чеканные белые; кубок чеканный с крышкой, с лица и внутри вызолочен. А весом в вышеписанной посуде сорок фунтов. Шесть пар ножей с вилками, череня серебряные; подстаканник дубовый, выписан орехом; сервиз с посудой оловянной, в нём: четырнадцать блюд, двенадцать тарелок; четыре чеповитны; лохань, рукоятник, чайник; бритовное блюдо; уксусница; песочница; две чаши с крышками; четверо щипцов, к ним два корпуса; зеркало в оловянных рамах; погребец, в нём шесть скляниц резных, шурупы стеклянные; погребец, в нём четыре скляницы гранёных, стекло белое, шурупы оловянные; зеркало, рамы белые резные; другое зеркало в чёрных рамах; дорожки золочёные; дюжина стульев и кресла, шиты по синему сукну шёлком; ковёр большой; два ковра малых; две попоны турецких: одна жёлтая, другая белая; дюжина блюд, дюжина тарелок оловянных; блюдо ска-тертное медное; кунган медный большой; чаша турецкая медная; пара шандалов с поддонами; другая пара шандалов малых: передача медная на ножках; четвертина оловянная; шандал медный, плоский, большой; да медной чёрной посуды два пуда; палатка турецкая большая с на-мётом; карета старая, подбита сукном голубым, выкрашена чёрной краскою, станок красный. Внуку моему Ивану Толстому взять движи-мых вещей: вначале благословляю святыми иконами: образ Пресвятыя Богородицы Владимирской, оклад вызолочен, в киоте, киот обложен серебром; образ Неопалимой купины, оклад гладкий, золочёный; образ чудотворца Николая, риза кованная, вызолочена; образ Сергия чудо-творца, оклад гладкий, вызолочен; образ Макария чудотворца, оклад вызолочен. Платья: кафтан французский, суконный, маковый, обшла-га золото с серебром по голубой земле, подбит бобриком маковым же, петли и пуговицы обшивные, золочёные, штаны того же сукна; каф-тан французский, суконный, каришной, тёплый, на собольем меху, об-шлага по синей земле золото с серебром, штаны того же сукна; каф-тан французский, песочный, суконный, подбит бобриком, с такими же камзолом и штанами; камзол тёмно-зелёный, суконный, с позументом золотым; кафтан суконный французский, васильковый, края обложены

позументом золотым, петли и пуговицы золотые, обшивные, подбиты атласом васильковым же; портупей кожаный, лосиный, выложен весь позументом золотым; сабля турецкая, булатная, оправлена серебром; кортик черен черепаховый; пара пистолей; лубья солдашские, оправлены серебром; сабля булатная, ножны ящеровые, оправлена серебром. Зеркало стенное круглое, рамы золочёные, резне, другое зеркало в чёрных рамах; дорожки золочёные; ладанка серебряная чеканная; узда черкесская, оправлена серебром. Да серебряной посуды: блюдо плетёное с рукоятками, рукоятки чеканные вызолочены; кружка гладкой работы, по ней вырезано, местами позолочено; кружка, кровля золочёная чеканная, ножки и в ней вызолочено; стакан гладкой работы, на нём резьба, а в нём вызолочено; четыре стакана черневых, местами вызолочены; стакан чеканный с кровлею, с лица и внутри вызолочен; расольник чеканный, местами вызолочен; два шандала белые, к ним щипцы в корпусе, поднос белый, края чеканные; дюжина чашек водонных; три тарелки чеканные белые; дюжина ложек гладкой работы; солонка чеканная, белая; чашка черневая, в ней и с лица вызолочено; четвертинка чеканная с шурупом; и того в вышеписанной посуде веса двадцать фунтов; шесть пар ножей с вилками, череня серебряные; подстavec липовый, белый; ковёр большой, ковёр малый казылбаские простые; седло немецкое, красное, поезженное, чапрак и чушки такие же; две дюжины блюд, две дюжины тарелок оловянных; передача чеканная, медная, старинная; блюдо медное скатертное медное; чаша турецкая медная, кунган медный турецкий; четвертина оловянная; пара шандалов медных с поддонами; шандал медный, плоский, большой; пара шандалов малых; погребец, в нём шесть скляниц резных, шурупы стеклянные; погребец, в нём девять скляниц, шурупы оловянные; дюжина стульев шиты по жёлтому сукну, к ним кресла такие же; да медной посуды чёрной два пуда; шиты по синему сукну шёлком; карета старая, подбита сукном синим, выписана орехом, по сторонам написаны птички; коляска старая, подбита голубым сукном, крышка до половины выписана разными красками. А кроме тех вышепомянутых движимых вещей или пожитков отнюдь им, сыну моему Андрею и внуку моему Ивану Толстым, не взыскивать, для того, что я, Мария, движимые вещи или пожитки мужа моего и мои собственные, сообщая всё, что было, описав имянно, по сей моей заручной росписи отдаю им, сыну моему Андрею и внуку моему Ивану Толстым (подписи). К сей изустной росписи церкви Успения Пресвяты Богородицы, что на Покровке, в Котельниках, иерей Иоанн Симеонов, вместо дочери своей духовной, вдовы Марии Матвеевны Толстой, по её прошению, руку приложил. По сей заручной росписи я, Андрей Иванов сын Толстой, определённые пожитки, свою долю, взял и во свидетельство подписал своею рукою»⁶¹.

⁶¹ УКМ. ПОЗ. — № 7767; Перевод — В.Н. Поливанов, В.Э. Красовский. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 268. — Симбирск, 1902. — С. 585—587.

Данный документ требует особого пояснения. Около 1700 года Пётр I отменил за некоторым исключением наделение служилого сословия помещной землёй и уравнивал поместья и вотчины в правах. Нововведение породило массу проблем, так как размер вотчины не учитывал, сколько в семье у дворянина сыновей, и всем ли им хватит долей наследства для достойного существования. Дробление вотчин вскоре обернулось обеднением знатных дворянских фамилий. На их крепостных крестьян легли ещё большие повинности, а налогов в казну от помещиков стало поступать меньше. Чтобы спасти положение, Пётр I подписал в 1714 году Указ о майорате (единонаследии), по которому всё недвижимое имение в семье должно было переходить по наследству только к одному из сыновей, как правило, к старшему. Младшие же дети обоего пола получали в наследство от родителей только движимое имущество.

Этот закон, заимствованный в Европе, по мнению историка М. Яблочкова, был «не в духе русского народа, а потому противный русским» и имел для дворянских семей плачевные последствия. Сыновья, не получившие недвижимого имения, стали называться кадетами, то есть младшими. Им не разрешалось даже выкупать родовые вотчины, но можно было выходить из дворянского сословия и переходить в купечество, в белые священники или однодворцы, то есть зарабатывать на жизнь любым другим из доступных способов. Впоследствии, когда закон был отменён Анной Иоанновной, только однодворцы получили право сразу вернуть себе дворянство, остальным сословиям приходилось добиваться восстановления своих прав через суды или выслуживать чины, дающие право на дворянство. Но этот же закон, подталкивающий младших детей «искать хлеба службою, учением, торговыми и прочим», пошёл на пользу государству, способствовал дальнейшему развитию государственных структур, торговли, образования⁶².

Вышеприведённый документ интересен ещё и тем, что написан он в год выхода петровского указа о майорате.

Мария Матвеевна Толстая, вдова и наследница азовского губернатора Ивана Андреевича Толстого (умер в 1713 г.), как следует из завещания, разделила движимое имущество между двумя сыновьями и внуком в соответствии с новыми правилами. Младшему сыну Андрею Ивановичу и внуку Ивану Андреевичу Толстым достались домашняя утварь и носильные вещи, а все родовые вотчины в Московской и Казанской губерниях отошли к старшему сыну Борису Ивановичу Толстому.

Как и его отец, азовский губернатор, стольник Борис Иванович Толстой (умер в 1757 г.) прослыл видным государственным деятелем петровской эпохи, чему во многом помогли его знатное происхождение, богатство и придворные связи. По материнской линии он принадлежал к роду Милославских, ближайших бояр и родствен-

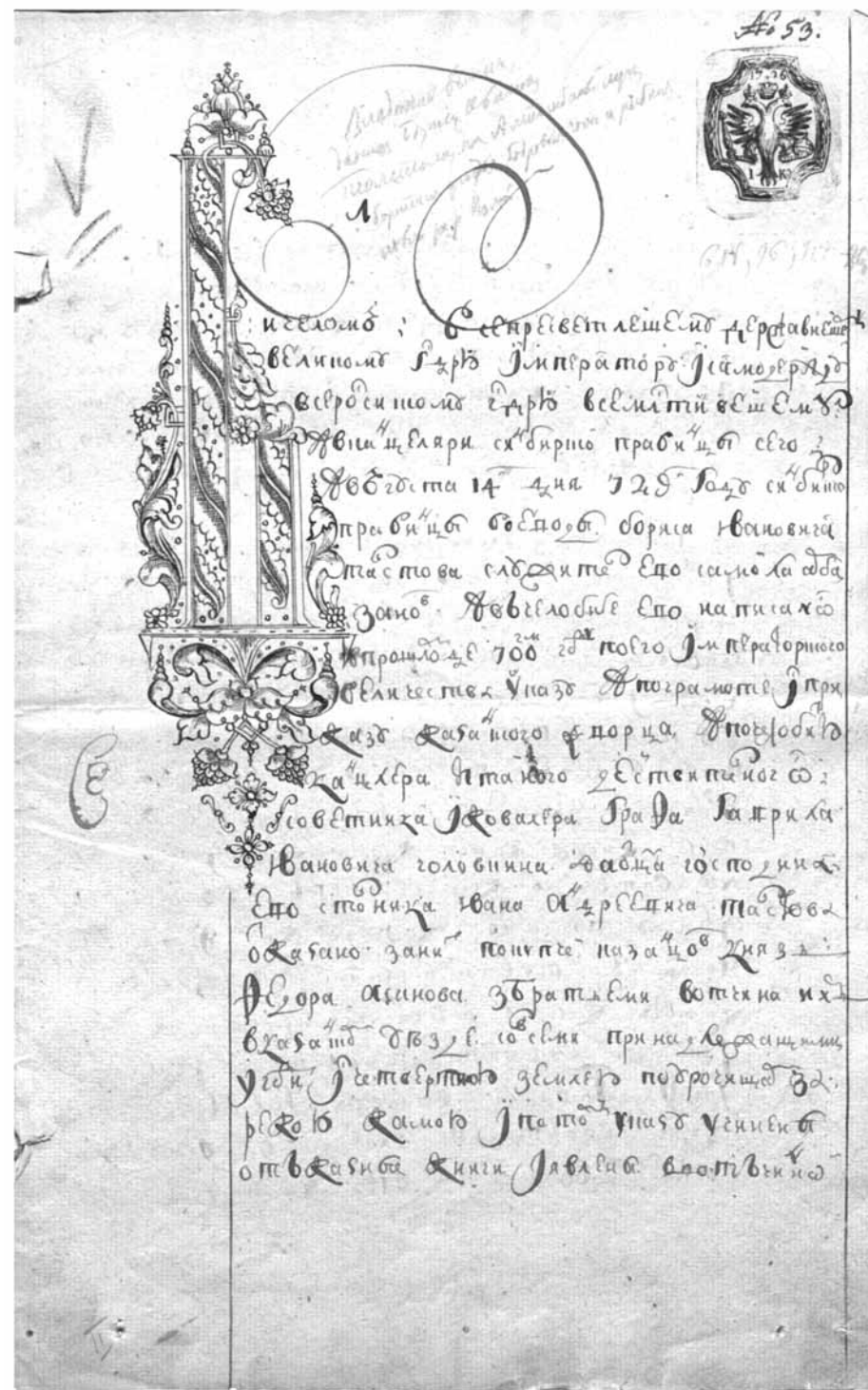
⁶² Яблочков М. История дворянского сословия в России. — Смоленск, 2003. — С. 372—373.

ников первой жены царя Алексея Михайловича⁶³. Его родным дядей по отцу был приближённый Петра I, государственный деятель и дипломат, первый министр Тайной канцелярии граф Петр Андреевич Толстой, тестем — царский стольник и полковник Фёдор Алексеевич Зелёный. После женитьбы в 1694 году на единственной дочери Зелёного, наследнице всех его вотчин, Борис Иванович стал владельцем крупных поместий в Свияжском и Симбирском уездах Казанской губернии. Кроме этого, ему отошли плодородные отцовские вотчины на луговой стороне Волги против Симбирска, о чём свидетельствует «Владенная выпись из записной всяким крепостям книги, данная Борису Ивановичу Толстому на Алтынбаевский луг и разные угодья за Волгой».

«Был челом Всепреспетлейшему, Державнейшему, Великому Государю, Императору и Самодержцу Всероссийскому, Государю Всемиловитивейшему, а в канцелярии Синбирской провинции, сего августа, 14 дня 729 года, Синбирской провинции воеводы Бориса Ивановича Толстова, служитель его Самойла Арбазанов, а в челобитных его написано: в прошлом де 700 году, по его Императорского Величества указу и по грамоте из Приказа Казанского Дворца, по челобитию канцлера и тайного действительного советника и кавалера графа Гаврила Ивановича Головкина, да отца господина его, стольника Ивана Андреевича Толстова, отказано за ним по купчей казанцев князь Фёдора Асанова с братьями вотчина их в Казанском уезде, со всеми принадлежащими угодьями и четвертною землею по урочищам за рекою Камой, и по тому указу учинены отказные книги и явлены в Вотчинной Коллегии <...>. Далее в акте приводятся подробные описания всей вотчины, когда и к кому она переходила, указываются сторонние люди, бывшие на отказе и размежевании земли между Головкиным и Толстым, а в конце приводится выпись из Симбирской провинциальной канцелярии: «<...> По определению Всепреспетлейшего, Державнейшего, Великого Государя, Императора и Самодержца Всероссийского, Государя Всемиловитивейшего, дана сия владенная выпись челобитчикову господину, Синбирской провинции, воеводе Борису Ивановичу Толстому впредь для владения. Капитан Иван Митьков. Секретарь Иван Киндяков. Канцелярист Василий Бехарев»⁶⁴.

Отслужив несколько лет ландратом при азовском губернаторе, Борис Иванович был избран в 1716–1717 годах ландратом от Симбирской провинции при казанском губернаторе, затем служил у него же вице-президентом (в других документах вице-премьером. — Прим. авт.), в 1725 году стал свияжским воеводой, а с

Документ № 6. Владенная выпись на землю Б.И. Толстого (фрагмент). Симбирск, 1729 г. УКМ (публикуется впервые)

⁶³ Мария Матвеевна Милославская была дочерью Матвея Богдановича Милославского, родного брата симбирского воеводы Ивана Богдановича Милославского, державшего осаду Симбирской крепости во время разинского бунта.

⁶⁴ УКМ. ПОЗ-8. — № 7793; Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 96. — Симбирск, 1904 — С. 255–260.

величины количество ландратов колебалось от восьми до двенадцати. С 1715 года ландраты, оставаясь советниками при губернаторе, сделались самостоятельными правителями городов и волостей. Им в помощники для управления, «*всяких сборов и земских дел*» выделялись один комиссар, четыре подьячих и 13 человек конных рассыльных. Ландраты находились при губернаторе поочерёдно, по два человека в течение месяца или двух, затем их сменяли другие.

Несколько раз за годы петровского правления менялись и судебные органы, в состав которых входили крепостные конторы. В 1713 году на смену воеводским судам пришли земские суды. В провинциях и уездах из дворянской среды в них избирались земские судьи, которые именовались ландрихтерами, подчинялись они только Сенату. Согласно «Генеральному регламенту» при ландрихтерах состояли на службе два ассессора, **нотариус**, актуариус и канцелярист.

К концу правления Пётр I отступил от демократических принципов и склонился к администрации военного характера, расквартировав в губерниях войска, начальникам которых передал часть административных функций, в том числе наблюдение за губернаторами и воеводами. В 1719 году была упразднена должность ландрата, в 1722 году — ландрихтера, страна вновь вернулась к воеводскому правлению и воеводскому суду⁶⁵.

В 1724 году в 11 малых городах Симбирской провинции было семь канцелярий, девять контор, девять управителей, 22 приказных и других служителей, два фискала и 16 офицеров, штат Симбирской воеводской канцелярии насчитывал 12 человек⁶⁶.

НОТАРИУС ИВАН КИНДЯКОВ

Как видим, Пётр I не скупился наводнять отечественную речь европейской лексикой. Это коснулось и позаимствованного из латинского языка слова «**нотариус**» (писец, протоколист. — *Прим. авт.*). Его он ввёл как должностное лицо в «Генеральный регламент». В обязанности нотариусов по примеру их далёких римских предшественников входило ведение протоколов на заседаниях коллегий, предоставление выписей и копий с документов, в том числе нотариальных (крепостных актов) и судебных, хранящихся в канцеляриях. В губерниях нотариусы, как было сказано выше, очень недолго работали при обер-ландрихтерах (старший судья. — *Прим. авт.*) в земских судах, существовавших при земских канцеляриях. Они ведали книгами регистрации крепостных актов, выдавали при необходимости с них копии, то есть выполняли отчасти те функ-

⁶⁵ Яблочков М. Указ. соч. — С. 387–393.

⁶⁶ Гауз Н.С. Петровские фундаменты... // Деловое обозрение. — 2006. — № 1. — С. 45.

ции, какие позже по судебной реформе Александра II будут закреплены за старшими нотариусами окружных судов.

В документах, относящихся к Симбирску, слово «нотариус» впервые встречается в 1720–1721 годах как должностное лицо в Симбирской канцелярии земских дел. В подтверждение приведём два документа.

Первый — «*Владенная выпись, данная дьяку Василию Федотовичу Окоёмову на беглых крестьян села Бекшанка, «Архангельское тож».*

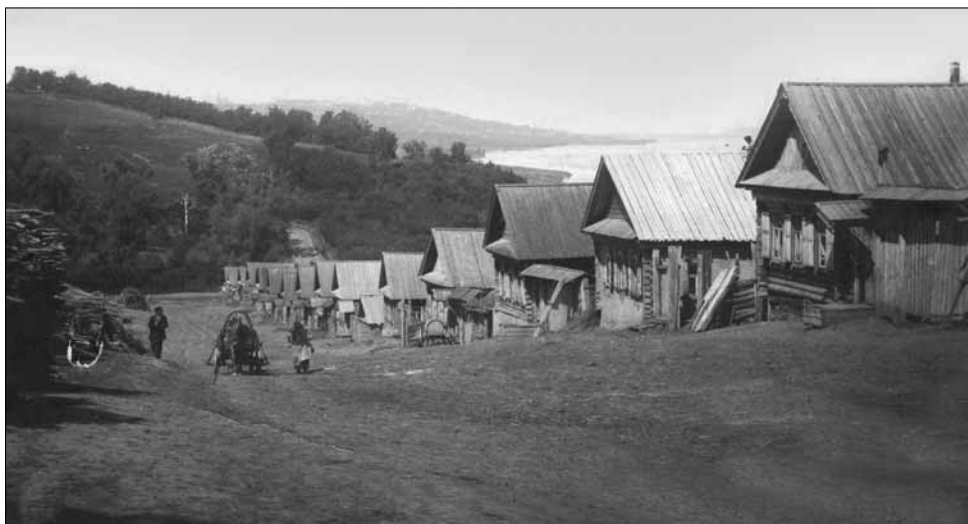
«*Лета 1720 года ноября в 3 день бил челом Великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексеевичу... а в Симбирске, в канцелярии земских дел, обер-ландрихтеру Степану Афанасьевичу Нестерову с ассессоры, дьяка Василия Федотовича сына Окоёмова человек его Михаил Плеханов подал челобитную, а в челобитной его написано: в нынешнем де 720 году, по указу Царского Величества по вершенному делу из Канцелярии земских дел отданы помещику его во крестьянство беглые помещика его крестьянские дочери и с мужьями, за которых вышли в бегах, а выписи де с того дела на тех крестьян не дано, и чтоб Великий Государь пожаловал его, велел на оных крестьян дать выпись. И ноября 3 дня 720 года, по помете на челобитной ассессора господина Коровина, буде такие крестьяне по крепостям отданы и спору не было, с отдачи, со всего подлинного дела велено дать владенную выпись <...>».*

Не беря целиком этот объёмный по количеству страниц документ, ознакомимся с его сутью. В челобитной, поданной Михаилом Плехановым в земскую канцелярию, было написано, что в прошлые годы от его помещика сбежало много крестьян, «*едва не все, а иные и ныне в бегах*». За это время трое из них: Иван Крутков, Пётр Гребенщиков и вдова Марина Терентьева, — отдали своих дочерей, а Василий Иванов — сестру замуж за крестьян из других мест. В 1720 году, когда из Петербурга приехал помещик, чтобы проверить свою вотчину, все эти крестьяне вернулись к нему, приведя с собой и зятьёв. Помещик отправил крестьян в Симбирскую земскую канцелярию, чтобы их допросили и установили факт принадлежности их данному помещику. После допроса крестьян, состоявшегося 6 октября 1720 года, симбирский обер-ландрихтер С.А. Нестеров велел принять у истца с «*подлинных крепостей списки*», а затем дать Михаилу Плеханову на крестьян владенную выпись с отказных книг 1711 года и сделать с неё копию. Последнюю оставили в канцелярии земских дел, а подлинную выпись отдали истцу со всеми надлежащими подписями. Документ включал следующие строки: «*<...> А в выписи с отказных книг отказа подьячего Матвея Сухарева прошлого 711 года написано: в Симбирском уезде, в селе Архангельском, Бекшанка тож, из отписного поместья подьячего Никиты Каранина, что дано комиссару Александру Сергееву и по поступке его, комиссара Сергеева, по заручной его челобитной, отказано зятю его, Василию Окоёмову, за долговые его деньги, за 300 рублёв, означенное село с крестьянами <...>.*

А в указе Великого Государя и в Соборном Уложении, во 2 главе, 2 статье напечатано: отдавать беглых крестьян и бобылей из бегов

по писцовым книгам, всяких чинов людям без урочных лет; в той же главе, в 9 статье: за кем написаны в переписных книгах прошлых 154 и 155 годов и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они написаны, сбежали или впредь учнут бегать, и тех беглых крестьян, бобылей и их братью, и детей, и племянников, и внучат с жёнами и детьми, и со всеми животами, и с хлебом стоячим и смолоченным отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбежали по переписным книгам без урочных лет; а впредь отнюдь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать <...>».

В выписи приводятся ссылки ещё на несколько статей Уложения, в которых разъясняется, в каком случае и кому должны передаваться сбежавшие крестьяне, и в итоге говорится, что все «оние жёнки с мужьями и детьми» передаются «во крестьянство» провинциал-фискалу Астраханской губернии Василию Окоёмову, и «с отдачи поголовные деньги по указу взяты и в приход отданы» и выпись Василию Окоёмову «дана впредь для владения». Под данным заключением стоят подписи: «Ассессор Иван Резанов. Ассессор Михаил Коровин. **Нотариус Иван Киндяков.** Справил Григорий Змеев. Ноября 21 дня 1720 года»⁶⁷.

Деревня Винновка (Киндяковка) под Симбирском, имение Киндяковых. Фото начала XX в.

Второй акт — «Купчая крепость, данная вдовою драгуна Акимьею Ивановою дочерью Кашкиной дьяку Василию Федотову Окоёмову на крестьянскую вдову Алёну Борисову Кожевникову».

⁶⁷ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 207. — Симбирск, 1904. — С. 285—291.

Масонский храм в Киндяковке. Фото начала XX в.

очищать мне». Далее следуют подписи свидетелей. Писал эту купчую 30 ноября 1720 года симбирских крепостных дел подъячий Борис Лукьянчиков, подписал надсмотрщик Семён Игумнов, «за письмо и от записки 16 алтын 4 деньги взято, и сия крепость в книгу записана перечнем, а подлинно записать в указанные числа, где надлежит».

А надлежало зарегистрировать купчую в Симбирской канцелярии земских дел 23 марта 1721 года. В этот день «перед оберландрихтером Степаном Афанасьевичем Нестеровым и перед ассессором ся крепость чтена и в книгу записана и пошлины по указу, по гривне с рубля, и того четыре рубля приняты и в приход записаны. Ассессор Иван Резанов. Справил Яков Ключарёв. **Нотариус Иван Киндяков**»⁶⁸.

⁶⁸ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 207. — Симбирск, 1904. — С. 461—462.

Из вышеприведённых документов видно, что должность нотариуса в Симбирском земском суде при обер-ландрихтере С.А. Нестерове в 1720—1721 годы занимал дворянин Иван Исаевич Киндяков. Но нотариус Киндяков к нотариальным делам относился только опосредованно. Акты попадали к нему

Правнук И.И. Киндякова Лев Васильевич Киндяков. Портрет 1810-х гг. УХМ.

в готовом виде из Симбирской крепостной канторы, оформленные крепостных дел писцами и надсмотрщиками. Когда крепостной акт в назначенный день приносили в земскую канцелярию, Киндякову оставалось зарегистрировать его в специальной «записной всяким крепостям» книге. Если впоследствии требовалось сделать копию с этого акта, проситель обращался в земскую канцелярию, в архиве канцелярии находили нужную «записную» книгу, и нотариус делал с неё необходимую выпись, обязательно указывая в книге, какого числа с данного акта была сделана копия.

После упразднения земских канцелярий и судов в 1722 году все нотариальные документы регистрировались в провинциальных

канцеляриях. В Симбирской провинциальной канцелярии они опять попадали в руки Ивану Исаевичу Киндякову, который служил в ней секретарём.

При нём с 1722 года и до начала 1730-х годов работал канцеляристом и вёл «отказные книги», куда заносились сведения о пожалованных вотчинах и их владельцах, сын Ивана Исаевича Афанасий Иванович Киндяков. Его имя встречается при оформлении нескольких купчих крепостей⁶⁹.

С Киндяковыми в нашей местной истории связано немало интересных страниц. Ульяновские исследователи А.Н. Блохинцев,

⁶⁹ Позднее Афанасий Иванович Киндяков поступил в канцелярию Второй Закамской экспедиции, сформировавшейся в Симбирске. Её строительство было начато в 1731 году. Она должна была продолжить и расширить территорию, охваченную первой Закамской линией (1652—1657). В той же экспедиции вместе с канцеляристом Афанасием Киндяковым служил писарем Иван Иванович Гончаров, дед будущего известного писателя (Бейсов П.С. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960. — Л. 48).

Ю.М. Алексеева, Е.В. Шимонек считают, что первым из симбирских Киндяковых стал каширский служилый дворянин Исай Григорьевич Киндяков. В 1698 году он владел крепостными крестьянами в селе Каменка Симбирского уезда. Его сыну Ивану Исаевичу Киндякову по грамоте 1703 года и по отказной книге 1708 года было отказано «от порозжих земель в Симбирском уезде паши 50 четей в поле «а в дву потому ж» с лесами, санными покосами, крестьянами... в новонаселённой деревне Винный враг»⁷⁰.

К концу XVIII века внуку нотариуса, надворному советнику Василию Афанасьевичу Киндякову, одному из образованнейших людей своего времени, дважды избиравшемуся предводителем симбирского уездного дворянства, в деревне Винновка «Киндяковка тож» принадлежало более 1 492 десятины земли. На ней находилась усадьба с двухэтажным каменным домом «изрядной архитектуры» и великолепным парком, в окружении живописной местности, «по красоте не уступающей Швейцарии или Тавриде», как отзывались о ней все, кто впервые оказывался в Киндяковке и, увидев с высокого, обрывистого берега, поросшего лесом и расчленённого глубокими оврагами, разливы Волги внизу и её широкую пойму, уходящую за горизонт, не мог сдержать возгласа восхищения.

Главной достопримечательностью киндяковской усадьбы являлся выстроенный в южной части парка масонский храм (единственный из известных в России. — Прим. автора) с фигурой Иоанна Крестителя на куполе — покровителя всех масонов. В этом храме собирались члены симбирской масонской ложи «Золотой Венец», к которой принадлежал и сам хозяин. После запрета в России в 1822 году деятельности масонских лож храм стал приходить в запустение, но ещё долго, до полного разрушения, привлекал внимание обывателей легендами и тайнами, окутывавшими его⁷¹.

А в русскую литературу вошла киндяковская садовая беседка, увековеченная писателем Иваном Александровичем Гончаровым в романе «Обрыв». Уроженец Симбирска Гончаров часто посещал усадьбу Киндяковых, находясь на короткой ноге с правнуком нотариуса, Львом Васильевичем Киндяковым. Есть в романе, между прочим, и описание старого заброшенного дома, выстроенного ещё Иваном Исаевичем.

В годы Советской власти Киндяковка вошла в состав Железнодорожного района Ульяновска (в обиходе район до сих пор зовётся «Киндяковкой»). Территория бывшей усадьбы «нотариуса Киндякова», ныне парк «Винновская роща» — памятник истории и природы города, место проведения ежегодных Гончаровских праздников.

⁷⁰ Алексеева Ю.М. Двое вельмож татарских сопровождали его... // Ульяновская правда. — 1996. — 27 июля.

⁷¹ Котляровская Л.Н. Масонский храм // УСЭ. — Т. 1. — С. 359.

Документ № 7. Жалованная грамота на дворянство В.А. Киндякову, утверждённая императорами Павлом I и Александром I (фрагмент). Санкт-Петербург, 1801 г. УКМ (публикуется впервые)

Документ № 7 (продолжение)

Документ № 7 (окончание)

СИМБИРСКОЕ КУПЕЧЕСКОЕ

Наряду с коллегиями для управления посадским населением страны Пётр I учредил Главный магистрат, в Устав которого, утверждённый 16 января 1721 года, ввёл должности маклеров и публичных нотариусов «для установления доброго в купечестве порядка».

По мнению императора, маклеры и публичные нотариусы обязаны были урегулировать все имущественные недоразумения между российскими и иноземными коммерсантами — опротестовывать векселя, оформлять договоры между купцами и капитанами судов, перевозившими груз, и многое другое⁷².

Но встретить маклеров и публичных нотариусов в те годы и даже значительно позже можно было лишь в крупных городах и портах, прежде всего в Петербурге. В российской же глубинке их услугами в коммерческой среде почти не пользовались. Русские купцы, в большинстве своём неграмотные, предпочитали иметь дело с наличными деньгами и испокон веков основывали торговую деятельность «на вере». Гарантом честной торговли долгое время было купеческое слово, считавшееся посильнее любого векселя или долговой расписки. В повести «Тарантас» писатель В.А. Соллогуб⁷³ отметил эту российскую особенность. Он привёл случай, свидетелями которого якобы стали два столичных путешественника, остановившиеся на отдых в одном приволжском заштатном городке. В станционном буфете они услышали разговор двух купцов — Потапыча и «седого», беседовавших за чашкой чая:

- «...Да я-с, Сидор Авдеевич, к вашей милости с просьбой.
 — Передать, что ли, по торговле в Рыбне?
 — Так точно-с. Трифону Лукичу. Покорнейше просим...
 — Много, что ли?
 — Тысяч с пяток.
 — Пожалуй, брат.

Тут Потапыч вынул из-за пазухи до невероятия грязный лоскуток бумаги, в котором завернуты были деньги, и, поклонившись, почтительно подал их седому.

Седой развернул испачканный свёрток, внимательно пересчитал ассигнации и золотые и потом сказал:

- Пять тысяч двести семнадцать рублей с полтиной — так ли?
 — Так точно.

⁷² Устав Главного магистрата... Гл. 19. — СПб., 1721. — С. 21.

⁷³ Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) — писатель, драматург, мемуарист. В с. Никольское-на-Черемшане Симбирской губернии находилось его имение, где он провёл два года (1849—1850) после возвращения из-за границы и ухода со службы из Государственной канцелярии. В мемуарах «Воспоминания» (начаты в 1870-е гг.) много страниц посвящено Симбирской губернии и её жителям.

— Хорошо, брат. Будет доставлено.

Когда Потапыч вышел, путешественники поинтересовались у «седого»:

— Он вам родственник, верно? — И услышали в ответ:

— Никак нет-с. Я его, признательно-то сказать, почти что и не знаю вовсе. Он должен быть мещанин здешний.

На вопрос, почему же тогда Потапыч не взял с него расписку на вручённые деньги, «седой» взбесился не на шутку:

— Расписку! — закричал он. — Расписку! Да если б он от меня потребовал расписку, я бы ему его же деньгами рожу раскроил. Слава богу, никак уж пятый десяток торгую, а энтакого ещё со мной сраму не бывало.

А сидевший рядом другой купец добавил к сказанному:

...Ведь-с это только между дворянами такая заведенция, что расписки да векселя. У нас, в торговом деле, такой-с, этак-с сказать, политики не употребляется вовсе. Одного слова достаточно. Канцеляриями-то, извольте видеть, заниматься некогда... Вот-с, примером будет сказано, — продолжал он, указывая на седого, — они торгуют, может статься, на миллион рублёв серебром в год, а весь расчёт на каких-нибудь лоскутках, да и то только для памяти»⁷⁴.

И таких купцов-миллионщиков, ведущих дела «по старинке», было немало в России и особенно на Волге — главной торговой артерии страны.

С начала XVIII века Симбирск оказался в числе крупнейших провинциальных городов, где купечество стало ведущим сословием. В 1724 году в городе с 8-тысячным населением 1 780 человек были заняты в торговле, из них 11 человек принадлежали к гостинной сотне. По этому показателю Симбирск превосходил даже Казань. К середине века в Симбирске числилось уже 2 050 купцов (для сравнения: в крупнейшем уездном городе Сызрань — 1 734 купца). Им удалось заполучить государственные подряды на хлебную и рыбную торговлю, винокурение и соляной промысел по всей Волге и за её пределами.

Как писал К.И. Невоструев: «Многие симбирские купцы посылали свои суда вверх по Волге до Рыбной слободы (Рыбинска), вниз до Астрахани с хлебом, зимою отправляли рыбу и икру в верховые города, содержали винокурные заводы, железные и медные рудники, торговали мехами с Китаем. Таковы были из гостинной сотни: Осип Степанович Твердышев с детьми и внуками; Алексей, Василий и Иван Бородулины — капиталисты, торговавшие с Китаем, Михаил и Иван Фёдоровичи Гуськовы, Фёдор Москвитин, Иван Издеберский, Иван Андреев, Василий и Илья Ивановичи Капрановы»⁷⁵.

⁷⁴ Соллогуб В.А. Избранная проза. — М., 1983. — С. 308.

⁷⁵ Невоструев К.И. Указ. соч. — С. 28.

Уроженец Симбирска «ямщицкий сын» Иван Андреев с конца XVII века вёл торговые операции с Архангельском, Казанью, Нижним Новгородом, Москвой и другими городами. Продавал он всевозможные товары: хлеб, соль, рыбу, кожи разных сортов, ткани от тяжёлого сукна и до тонкого шёлка. Только один пример. В 1701 году Андреевым было продано в Ирбите «персидских товаров» и юфти на 600 рублей. На вырученные деньги он купил в Симбирске на торгах 523 пуда (8,3 тонны. — Прим. авт.) сырых кож, переделал их в юфть и продал в Архангельске. Оттуда он привёз на склад в Казань три кипы голландских сукон и через год продал их в Астрахани. Приобретённый астраханский товар в том же году продал на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде. Кроме торговли Андреев занимался промыслами. В Симбирске с 1691 года за ним числились водяная мукомольная мельница в слободе Туть на реке Свияге, винокурный завод, кожевенное заведение по изготовлению юфти и несколько домовладений⁷⁶.

Многие местные купцы торговали хлебом. Симбирская провинция благодаря высокому плодородию почв считалась одной из главных житниц на Волге, снабжала хлебом все понизовые города. Основная часть выращенного на её территории зерна шла на вывоз, а остававшаяся в уезде использовалась в мукомольном и винокурном производстве.

На хлебной торговле нажили свой первоначальный капитал Иван и Яков Борисовичи Твердышевы и их зять (муж Татьяны Борисовны Твердышевой) Иван Семёнович Мясников (прозванный Пустынниковым).

Первые представители фамилии Твердышевых поселились в Симбирске с самого его основания. Один из них, Степан Ерофеевич Твердышев, в 1667 году имел на посаде три хлебных амбара и торговые лавки в Гостином дворе. Он регулярно брал на откуп водяные мельницы на Свияге, кружечные дворы в Симбирске и Урене. Его сын Осип Степанович в конце XVII века уже был причислен к гостинной сотне. В начале XVIII столетия он вместе с сыновьями владел в Симбирской провинции замшевой фабрикой в селе Лаишевка, восемью мукомольными мельницами, а его винокурные заводы оценивались в 5 500 рублей.

В 1743—1762 годы Иван и Яков Борисовичи Твердышевы и Иван Семёнович Мясников основали на Южном Урале медеплавильные и железоделательные заводы. Через несколько лет за особые заслуги перед государством они были пожалованы чинами коллежских асессоров и возведены в дворянское достоинство. К 1773 году компаньоны владели на Южном Урале шестью медеплавильными и пятью доменными и железоделательными заводами, несколькими тысячами посессионных крестьян, крупными

⁷⁶ Гриценко Н.П. Очерки по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области. — Ч. 1. — Ульяновск, 1968. — С. 54.

земельными угодьями. На их заводах производилось 23% общероссийской выплавки меди. В центральной части Симбирска у И.С. Мясникова был большой кирпичный, роскошно обставленный дом, ничем не уступавший столичным дворцам. В нем, самом просторном и богатом доме Симбирска, останавливалась Екатерина II во время своего непродолжительного пребывания в городе⁷⁷.

Часть Симбирска. В центре — дом И.С. Мясникова (фрагмент гравюры середины XVIII века). УКМ

⁷⁷ Сытин А.С. Мясников // УСЭ. — Т. 2. — Ульяновск, 2004. — С. 397.

У ВЕКА ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

«Сии люди богом избалованы»

Поход по Волге для лучшего знакомства со страной, особенно с её отдалёнными территориями, императрица совершила летом 1767 года на галере «Тверь» в сопровождении ближайших придвор-

ных и иностранных послов. Это было частью её плана, подготовкой к задуманным ею переменам, главной из которых она считала написание Нового Уложения, так как старое законодательство не соответствовало требованиям времени.

От Петра Великого и до Екатерины II на протяжении нескольких десятилетий российский престол был во власти «прекрасного пола». Предшественницы Екатерины II, следуя моде гламурного XVIII века, предпочитали праздность и увеселение делам государственным. Время от времени на свет появлялись подписанные императрицами отдельные указы, как указ Анны Иоанновны, разрешающий фабрикантам покупать крестьян без земли для работы на фабриках, или её же указ о возобновлении раздачи земель

Д.Г. Левицкий. Портрет Екатерины II. 1787 г. УХМ

дворянам, причём сразу в вотчину, без учёта ранее существующих поместных окладов. Один из рескриптов Анны Иоанновны, подписанный 8 июня 1738 года, непосредственно коснулся и нотариального законодательства. Он допускал договорные соглашения между сторонами о гонораре за совершение нотариальных действий. Согласно ему крепостным писцам и надсмотрщикам отказывалось в выплате жалования, они должны были *«довольствоваться тем, что дадут промыслы»*⁷⁸.

В годы правления Елизаветы Петровны специальной комиссией в течение десяти лет проводилась работа над новым Уложением, но оно так и не увидело свет. Появились лишь отдельные правительственные постановления, как касающийся нотариата указ от 1752 года *«Об ответственности за утайку истинной цены сделки»*, который обязывал *«чтобы впредь всяких чинов люди, от кого что кому будет продано, при письме крепостей цену объявляли»*⁷⁹.

В 1762 году Пётр III внёс дополнения в Вексельный устав, разработку которого начал ещё его дед, Пётр I. Теперь оформлять вексель, выдаваемый неграмотным человеком, следовало в присутствии маклера и свидетелей, что придавало платёжному документу силу нотариально заверенного юридического акта. Этот шаг правительства был вызван часто возникавшими в таких случаях спорами, так как при выдаче векселя человек, не знавший грамоты, иногда отказывался платить по нему, ссылаясь, что выдавал его на иных условиях.

Полезный в торговле вексель со временем стал широко использоваться в дворянской среде, но совсем не по назначению. Игроки и моты из дворян прибегали к нему при оформлении своих карточных долгов, что привело к полному разорению некоторых богатых наследников известных фамилий.

Существенное дополнение в Вексельный устав внёс указ Екатерины II от 30 января 1766 года, по которому вексель, выданный в уплату крупного карточного долга, признавался недействительным. Маклеры и публичные нотариусы, к которым обращались по протесту таких векселей, должны были неукоснительно соблюдать это постановление.

За выдачу фальшивых векселей и за недонесение об их составлении вводилось наказание вплоть до смертной казни. Примером может послужить дело московского и симбирского дворянина лейб-гвардии конного полка вице-вахмистра Фёдора Александровича Воейкова (отец известного литератора и издателя А.Ф. Воейкова) за «сочинение» им от лица матери Натальи Алексеевны Воейковой фальшивого векселя на 15 тысяч рублей на имя швейцарского купца Ягана Деглера. После долгого разбирательства Фёдор Воейков был приговорён военным судом к смертной казни, которую Екатерина II заменила разжалованием в солдаты армейских полков.

⁷⁸ Фемелиди А.М. Указ. соч. — С. 146—147.

⁷⁹ Сазонова М.И. Указ. соч. — С. 137—138.

Соучастники Воейкова также были примерно наказаны — лишены чинов, биты кнутом и сосланы на несколько лет в Сибирь.

Хотя по закону дела по протесту векселей должны были рассматриваться в течение восьми дней, часто они тянулись очень долго. Так, с момента установления в 1763 году факта выдачи Фёдором Воейковым фальшивого векселя и последовавшего наказания прошло 12 лет⁸⁰.

С первых дней пребывания на троне Екатерина II начала наводить порядки в стране. Пустая казна, дикие нравы, коррупция в верхних эшелонах власти, отсталая экономика не испугали её. Умная и образованная, она решила следовать в своей государственной политике пяти главным принципам: образовывать население, дать ему новые законы, усовершенствовать полицию и суд, развивать экономику, укрепить мощь и боеспособность государства. Но для этого надо было глубже изучить страну и её народ.

Решив следовать русской поговорке «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», императрица отправилась путешествовать по Волге.

После Рыбинска, Нижнего Новгорода, Казани Симбирск стал последним крупным городом, который посетила Екатерина II. Она прибыла в него утром 5 июня, встреченная пушечной пальбой, несмолкающим колокольным звоном и радостными возгласами горожан.

Издали город на горе выглядел очень красивым. «Барин на Волге» называли его путешественники тех лет.

Впрочем, красота города отступила на второй план, когда императрица узнала о поголовном банкротстве его жителей. Указывая на этот факт, она писала из Симбирска министру Никите Ивановичу Панину: *«Город самый скаредный, и все дома, кроме того, в котором я состою, в конфискации, и так мой город у меня же. Я не очень знаю, схоже ли это со здравым рассуждением, и не полезнее ли вернуть людям их дома, нежели сии лучинки иметь в странной собственности, из которой ни коронные деньги, ни люди не сохранены в целостности. Я теперь здесь упражняюсь искать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили, и люди не приведены были вовсе в истребление, а недоимки по соли и вину только сто семь тысяч рублей, к чему послужили как кражи, так и разные несчастливые приключения»*⁸¹.

К последним надо отнести небывалую засуху, которая держалась в Среднем Поволжье в течение нескольких лет. В результате чего Волга сильно обмелела, движение тяжелогружённых судов по ней почти прекратилось, что и привело к банкротству большинства местных купцов, промышлявших транзитной торговлей.

⁸⁰ Российское законодательство X—XX вв. Отв. редактор Е.И. Индова. — Т. 5. — М., 1987. — С. 475—477, 481.

⁸¹ Симбирск и его прошлое. Под ред. В.Ф. Шевченко. — Ульяновск, 1993. — С. 27.

Вид Симбирска середины XVIII в. (гравюра, УКМ)

Восхитило же императрицу природное богатство Симбирского края. Побывав на левом берегу Волги, в селе Головкино, где было имение графов Орловых, Екатерина II отметила в письме к Н.И. Панину: «Хлеба всякого рода так хороши, как ещё не видали; по лесам же везде вишня и розаны дикие, а леса никакого нет как дуб и липа, земля такая чёрная, как в других местах в садах на грядках не видят. Одним словом, сии люди Богом избалованы; я отродясь таких рыб вкусом не едала, как здесь, и всё в изобилии, что себе представить можешь, и я не знаю, в чём бы они имели нужду; всё есть и всё дёшево»⁸².

В то же время удивили её малая заселённость этих мест и неумение крестьян заниматься полеводством. Позже Екатерина II поселила в здешних краях немецких колонистов, в обязанность которых входило обучение волжан правильному полеводству.

Гостеприимного симбирского купца и заводчика Ивана Семёновича Мясникова, у которого она провела три незабываемых дня, Екатерина II отблагодарила по-царски. Четырёх его дочерей, богатейших невест России, она сосватала за своих придворных: Анну — за поручика Александра Ильича Пашкова, Аграфену — за майора Алексея Фёдоровича Дурасова, Екатерину — за коллежского асессора и статс-секретаря Григория Васильевича Козицкого, Ирину — за полковника Петра Афанасьевича Бекетова. Все они, получив за жёнами бога-

тое приданое (по два завода и по несколько тысяч крестьян), стали не только крупнейшими землевладельцами Симбирской губернии, но и одними из богатейших людей России. «Евангельскими богачами» называли их в Москве, где со временем на деньги Твердышевых-Мясниковых были построены роскошные особняки и усадьбы: Дом Пашковых, особняк Екатерины Козицкой на Тверской (ныне Елисеевский гастроном), усадьба Дурасовых в подмосковном Люблино (недавно восстановленная). В Петербурге потомкам Мясникова принадлежали дома Белосельских-Белозёрских у Аничкова моста, дворец графа Лавалля на Английской набережной.

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА ЕКАТЕРИНЫ II

Пока длился «поход» императрицы по разным провинциям Российской империи в соответствии с Манифестом от 14 декабря 1766 года, в стране проводилась подготовка к Большому Собранию по выработке новых российских законов, собирались предложения (наказы), избирались депутаты ото всех слоёв населения.

Наконец, 30 июля 1767 года в Москве открылось Большое Собрание, впоследствии названное Уложенной комиссией. В её работе приняли участие 567 депутата. От Симбирской провинции в комиссию вошли 11 человек, в их числе прокурор Павел Васильевич Обухов, дворянин Иван Ребровский, купцы Афанасий Ларионов, Даниил Рукавкин, Пётр и Иосиф Поповы, а также несколько человек пахотных солдат и ясачных крестьян⁸³.

Для обсуждения в комиссию поступило 1 066 самых разных наказов, разбираться в них приходилось подолгу. Чтобы ускорить процесс, участникам обсуждения было предложено разделиться на 19 отдельных комитетов и переехать поближе к правительству в Петербург, но и это не ускорило подготовку новых законов. А начавшаяся в 1768 году война с Турцией вынудила Екатерину II приостановить работу Уложенной комиссии.

И всё же её непродолжительную деятельность нельзя считать безрезультатной. Комиссия подготовила целый ряд некоторых важных постановлений, в том числе и по нотариату. Так, уже в 1769 году появилось «Определение Правительствующего Сената о необходимости сделать общее положение о нотариусах»⁸⁴.

А 7 ноября 1775 года Екатерина II подписала знаменательный документ под названием «Учреждения для управления губерний Империи Российской». Идя по стопам Петра Великого, она решила провести в России свою административную реформу. Страна была

⁸³ Гауз Н.С. Как сделать всех полезными обществу // Деловое обозрение. — 2006. — № 7. — С. 47.

⁸⁴ Исторические хроники Российского нотариата. Составитель — Б.И. Лившиц. — М., 2003. — С. 116.

⁸² Гуркин В.А. На берегах Русского Нила. — М., 2005. — С. 89.

разделена на наместничества с населением от 300 до 400 тысяч жителей и уезды, насчитывающие от 20 до 30 тысяч человек.

15 сентября 1780 года было образовано Симбирское наместничество, включавшее 13 уездов: Алатырский, Ардатовский, Бунинский, Канадейский, Карсунский, Котляковский, Курмышский, Самарский, Сенгилеевский, Симбирский, Ставропольский, Сызранский и Тагайский⁸⁵.

Итак, в соответствии с екатерининской грамотой Симбирск с 1780 года приобрёл статус губернского города. В нём насчитывалось около 10 тысяч жителей, в то время как на территории всего наместничества проживало более 365 тысяч человек. В городе были одна деревянная и 15 каменных церквей, два монастыря, 223 торговых лавок и амбар, 1 400 домов, из которых только шесть домов было каменных.

Императрица утвердила и новый герб Симбирского наместничества: в синем поле белая колонна, увенчанная золотой короной, и гербы его уездных городов⁸⁶.

«Город Симбирск с 1780 года, по учреждении наместничества, попечением Великия Матери отечества, стал приходить в вящее великолепие как строением, так и торговлею...», — писал о нём Афанасий Шекатов в «Словаре географическом Российского государства»⁸⁷.

С учреждением наместничества жизнь в крае оживилась. Вновь созданные учреждения (Губернское правление, Губернское дворянское собрание, Приказ общественного призрения и целый ряд других) потребовали приезда в город определённого

количества дворян для работы в них. Находясь на большом удалении от обеих столиц, Симбирск, между тем, по словам М.Н. Лонгинова, стал «городом оживлённым, общество его было многочисленным и состояло из людей достаточных, отличающихся, большой степенью образованностью и, следовательно, приятностью»⁸⁸.

⁸⁵ Симбирск и его прошлое. Под ред. В.Ф. Шевченко. — Ульяновск, 1993. — С. 48—49. Позднее по реформе Павла I в 1796 году Симбирское наместничество было преобразовано в Симбирскую губернию с упразднением трёх её уездов (Канадейского, Котляковского и Тагайского). А с образованием в 1851 году Самарской губернии, к которой отошёл весь бывший Самарский уезд, их осталось восемь.

⁸⁶ Там же. — С. 62—63. Позднее герб Симбирска был переутвержден в 1878 г. Александром II.

⁸⁷ Там же. — С. 55.

⁸⁸ Беспалова Е.К. Симбирское масонство конца XVIII — начала XIX веков // Краеведческие записки. — Ульяновск, 2004. — С. 8.

Дом Губернатора (бывший Бестужевых) в Симбирске. Фото конца XIX — начала XX вв.

Его «высший свет» составляли представители знатных фамилий: князья Баратаевы и Трубецкие, графы Толстые, дворяне Бестужевы, Карамзины, Дмитриевы, Ермоловы, Соковнины, Дурасовы, Кротковы и многие другие. В симбирской культурной среде прошло детство писателя и историографа Николая Михайловича Карамзина; идеолога «Северного Общества» Николая Ивановича Тургенева; поэта пушкинской поры Николая Михайловича Языкова, баснописца Ивана Ивановича Дмитриева.

Завершив административную реформу, Екатерина II приступила к реорганизации управленческого аппарата. Была упразднена Юстиц-коллегия, а вместо неё создан новый юридический орган — соединённый Департамент юстиции и Вотчинной коллегии, которому были переданы дела, касающиеся крепостного письма.

В губерниях эта процедура закреплялась за палатами гражданского суда, в уездах — за уездными судами. За оформление нотариальных актов отвечали всё те же крепостных дел писцы и надсмотрщики. Составленный акт они вносили в «докладную книгу», которая поступала в органы присутствия данного суда. После проверки права продавца или залогодателя при условии отсутствия в акте чего-либо противозаконного он передавался под грифом «совершить по закону» опять надсмотрщику, а тот записывал его в крепостные книги⁸⁹.

⁸⁹ Фемелиди А.М. Указ. соч. — С. 149.

Герб Симбирска

Одна из статей Учреждений касалась городских магистратов. Им предписывалось заносить купчие на приобретение недвижимости в городах в специальные книги при магистратах, а также вывешивать на дверях суда объявления о покупке городских домов и дворовых мест.

На таких условиях составлена купчая крепость на дом с садом в Симбирске, в приходе церкви Николая Чудотворца, данная отставным прапорщиком Егором Ивановичем Кротковым полковнице Елизавете Васильевне Толстой:

«Лета 1781-го, октября в 28 день, отставной лейб-гвардии прапорщик Егор Иванович сын Кротков, в роде своём не последний, продал полковнице Елизавете Васильевне дочери Толстой впрок, вечно и бесповоротно, крепостной свой дом с каменным и деревянным в нём всяким строением, состоящий в городе Симбирске, на горе, в приходе церкви Николая Чудотворца, доставшийся мне, Егору, в 1756 году по купчей от дворянина Василия Ивановича Наумова, и стоит в межах, идучи в него, с лица да и по правую сторону порожняя улицы, а по левую — на углу двор помещика князя Трубецкого.

А притом, к тому ж моему дому, на горе, прикосновенное порожнее место майора Бориса Макаровича сына Бестужева и против самого всего дома, мой же Егоров, по вышеописанной купчей, под гору яблонный сад с разными деревьями, имеющийся в межах, с правой стороны возле садов же симбирских купцов: Ивана Королькова, Плеханова, Таланина и Степана Ермильева, а с левой, идучи на гору к тому дому, такие же яблонные сады, а именно: священника Никифора Никифорова, симбирского купца Петра Истомина... А взял я, Егор, с неё, полковницы Толстой, за оный свой дом, за каменное и за всякое в нём деревянное строение и яблонный сад денег тысячу шестьсот рублей, с которой цены платить пошлины ей, госпоже Толстой. Напредь сей купчей оный мой дом никому не продан, не заложен... При написании сей купчей указ о неустойке пошлин как продавцу, так и покупщице объявлен (подписи). К сей купчей отставной лейб-гвардии прапорщик Егор Иванович сын Кротков, что я вышеписанный свой дом каменный с деревянным в оном строением и яблонным разных дерев садом полковнице Елизавете Васильевне дочери Толстой продал и денег тысячу шестьсот рублей получил, в чём и руку приложил. У сей купчей

Писатель, историограф Н.М. Карамзин

А притом, к тому ж моему дому, на горе, прикосновенное порожнее место майора Бориса Макаровича сына Бестужева и против самого всего дома, мой же Егоров, по вышеописанной купчей, под гору яблонный сад с разными деревьями, имеющийся в межах, с правой стороны возле садов же симбирских купцов: Ивана Королькова, Плеханова, Таланина и Степана Ермильева, а с левой, идучи на гору к тому дому, такие же яблонные сады, а именно: священника Никифора Никифорова, симбирского купца Петра Истомина... А взял я, Егор, с неё, полковницы Толстой, за оный свой дом, за каменное и за всякое в нём деревянное строение и яблонный сад денег тысячу шестьсот рублей, с которой цены платить пошлины ей, госпоже Толстой. Напредь сей купчей оный мой дом никому не продан, не заложен... При написании сей купчей указ о неустойке пошлин как продавцу, так и покупщице объявлен (подписи). К сей купчей отставной лейб-гвардии прапорщик Егор Иванович сын Кротков, что я вышеписанный свой дом каменный с деревянным в оном строением и яблонным разных дерев садом полковнице Елизавете Васильевне дочери Толстой продал и денег тысячу шестьсот рублей получил, в чём и руку приложил. У сей купчей

свидетелем секунд-майор Пётр Васильев сын Верёвкин был и руку приложил (далее подписи остальных свидетелей: капитана Дмитрия Борисовича Мертваго, председателя палаты уголовного суда князя Ивана Михайловича Баратаева, коллежского асессора того же суда Тимофея Григорьевича Масленицкого, артиллерии поручика Андрея Ивановича Нечаева, коллежского советника Степана Степановича Пасевьева, премьер майора Николая Ивановича Кислинского, верхнего земского суда заседателя Михаила Ивановича Назарьева, его коллеги Луки Матвеевича Ляхова, секунд-майора Якова

Петровича Алашеева)...Сию купчую писал и в книгу записал крепостных дел писец подканцелярист Дмитрий Шапошников. Запрещений нет.

1781 года, октября 28 дня, сия купчая Симбирского Наместничества в Палате Гражданского Суда писана и в книгу записана; пошлин за письмо рубль шестьдесят копеек, от записки двадцать копеек, штатных рубль, процентных девяносто шесть рублей, на расход сорок девять копеек, на гербовую бумагу рубль двадцать копеек принял и совершил надсмотрщик Данила Калашников.

1781 года, ноября 19 дня, сия купчая Симбирского наместничества в Симбирском Городовом Магистрате, в сходственность состоявшегося в 7 день ноября месяца прошлого 1775 года Всемилостившаго учреждения для управления губерний Всероссийской Империи, главы 20, статьи 290, явлена и с неё копия принята; что оный дом куплен сказанною госпожою полковницей Толстой, то по предписанию в помя-

нутой статье к судейским дверям прибит лист и сия купчая сею надписью обратно возвращена. Бурмистр Иван Климентов, подканцелярист Иван Масленников»⁹⁰.

Как и в предыдущие годы, самые распространённые обращения в крепостное отделение губернской палаты Гражданского суда в крепостной России были связаны с покупкой и продажей недвижимости и крепостных крестьян, составлением завещаний и дарственных.

Пётр Никифорович Ивашев

⁹⁰ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 175. — Симбирск, 1904 г. — С. 451—452.

«Лета 1806 года, декабря в 4 день, титулярный советник Степан Иванов сын Нюхтилов, продал я господину генерал-майору и кавалеру Петру Никифорову Ивашеву крепостного дворового моего человека Николая Трофимова, доставшегося мне по купчей от гвардии капитана Фёдора Антипова сына Соханского, написанного в списках по нынешней ревизии в Казанской губернии, Тетюшском уезде, деревни Нечасовой, с землёй, состоящей в Буинской округе в деревне Тюках двумя четвертями в поле, а в дву потому ж, со всеми принадлежащими к ней угодьями, доставшиеся мне также по купчей от поручика Ефима Иванова сына Мотовилова. А взял я, Нюхтилов, у него, у господина Ивашева, за оного своего человека с землёй денег медною монетою девяносто пять рублей. Наперёд сей купчей оный мой человек с землёю иному никому не продан, не заложен, и ни у кого ни в каких крепостях не укреплён и не за что не описан. А если кто до оного человека почему-либо будет с землёю и угодьями вступаться, то от тех вступщиков и от всяких крепостей очистку иметь мне, Нюхтилову, и наследникам моим по указу. А ежели моею и наследников моих неочисткою оной мой человек с землёю почему-либо отойдёт, то взять ему, господину Ивашеву, и наследникам его с меня, и наследников моих вышеписанные данные мне деньги с пошлинами и с убытками все сполна. При написании сей купчей о неутайке цены, состоявшегося в 1752 году, июля 29 дня указу, от продавца и покупателя поверенным объявлено — к сей купчей вместо титулярного советника Степана Иванова сына Нюхтилова, что он господину генерал-майору и кавалеру Петру Никифоровичу Ивашеву вышенаписанного своего человека с землёй продал и денег 95 рублей получил в этой поданной от него доверенности губернский секретарь Яков Михайлович сын Бушуев руку приложил; а что в сей купчей на первой странице — сверху, то во второй строке по чищенному написано: тому верить. У сей купчей свидетель был и руку приложил коллежский асессор Василий Филиппов сын Филиппов. У сей купчей свидетель был и руку приложил коллежский регистратор Алексей Юрлов. У сей купчей свидетель был и руку приложил титулярный советник Василий Иванов сын Степанов. Сию купчую писал и с записной крепостной книгой сличал крепостных дел писец Григорий Мальтийский. Запрещений нет.

1806 года, декабря в 4 день. Сия купчая писана в Симбирской палате гражданского суда и в книгу подлинников записана. С неё пошлин пятикопеечных 4 рубля 75 копеек, от письма 15 копеек, от записки 5 копеек, на расход 2 копейки с половиной взято. Принял и совершил за болезнью надсмотрщика губернский секретарь Ефим Скворцов. Симбирской палаты Гражданского суда секретарь Пётр Левитский. В книгу записано подлинником под № 125-м»⁹¹.

Личности двух из вышеназванных чиновников — вершителей нотариального дела в Симбирской губернии заслуживают особого внимания.

⁹¹ УКМ. — ПОЗ — 17. — № 7847.

Григорий Отрепьев, он же Мальтийский

Сколь необычна для крепостного писца была его фамилия, так же необычна была и его жизнь, поднявшая человека из разряда «подлых людишек» до чиновника высокого ранга, снискавшего признание и уважение в среде чопорного симбирского дворянства.

Григорий Иванович Мальтийский появился на свет около 1783 года. По рождению он принадлежал к самому бесправному словию — был дворовым человеком Авдотьи Фёдоровны Аристовой, помещицы из села Комаровка Симбирского уезда. И родная фамилия у Григория была соответствующая — Отрепьев. Достигнув совершеннолетия, он получил от барыни вольную, заслужив её, вероятно, усердием и почтением, что особенно ценилось в холопах их владельцами.

Время появления Григория Отрепьева в Симбирске и первые шаги его на свободе навсегда останутся тайной, окутанной мраком, как и прошлое его знаменитого тёзки, провозгласившего себя Лжедмитрием I.

Симбирский Отрепьев так далеко не зашёл, но фамилию свою он сменил, как только получил свободу, взяв более благозвучную — Мальтийский. В марте 1806 года под этой фамилией его зачислили копиистом в штат Симбирской палаты гражданского суда, но, спустя всего несколько недель, он стал «крепостных дел писцом и при исправлении разного рода дел повытчиком»⁹². В июне того же года его произвели в канцеляристы, а в 1807 году — в губернские регистраторы.

Способного и ловкого малого вскоре заметило губернское начальство. 22 декабря 1810 года из палаты гражданского суда Мальтийский был переведён в Губернское правление и через год службы получил чин коллежского регистратора (14 класса «Табеля о рангах»).

В 1814 году он был назначен «приходчиком и расходчиком» Губернского правления. «В продолжении движения денежных сумм прошло через его руки более миллиона рублей, а никакого начёта не было» — записано в его формулярном списке.

За усердную службу в конце того же 1814 года он получил новый чин — губернского секретаря, а через четыре года Симбирский губернатор Михаил Леонтьевич Магницкий представил его к должности стряпчего палаты уголовных дел. В представлении на Мальтийского, посланном в Министерство юстиции, он написал: «По отличным способностям и опытности в делах я признаю его к тому совершенно способным»⁹³. Мальтийский оправдал доверие. В последующие 15 лет жизни он дослужился до титулярного советника (что для бывшего крепостного весьма солидный чин) и должности секретаря канцелярии гражданского губернатора.

⁹² Должностное лицо, ведавшее делопроизводством в судах.

⁹³ ГАУО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 694. — Л. 1—3.

Успешная карьера выходца из крепостного сословия в те годы, как правило, не могла проходить без участия высокого покровителя из среды «сильных мира сего». Можно предположить, что с молодых лет Мальтийского опекал кто-то из симбирских дворян, принадлежавших к обществу масонов, а таковых в Симбирске в первой четверти XIX века было довольно много. Косвенным подтверждением этому служат новая фамилия Мальтийского и воспоминания симбирянина Гавриила Никитича Потанина⁹⁴ о похоронах Мальтийского, как об одном из памятных событий сентября 1834 года в Симбирске: «Тогда весь город Симбирск был масон, — писал Потанин. — Губернский предводитель дворянства князь Баратаев — масон, уездный предводитель — воспитатель Павла I Порошин — масон, граф Толстой — масон. Понятно, что такое замечательное и важное собрание масонов, желающих похоронить своего собрата, тем более что Мальтийский был одним из известных членов общества — носил перстень с особым таинственным знаком, было немаловажным событием»⁹⁵.

Упоминания Г.Н. Потанина о принадлежности высокопоставленных лиц губернии к обществу масонов имеют под собой основание. На смену первой масонской ложи «Золотой Венец», существовавшей в Симбирске в конце XVIII века, осенью 1817 года появилась новая ложа под названием «Ключи к добродетели», основателем которой считается известный в России тех лет масон, симбирский дворянин князь Михаил Петрович Баратаев, исполнявший долгое время должность Симбирского губернского предводителя дворянства. Ложа пользовалась большой популярностью среди дворян не только города, но и губернии. «Будучи многочисленной, она состояла из тридцати девяти действительных членов и двадцати одного почётного члена... Как было характерно для масонства начала XIX века, деятельность симбирской ложи в основном сводилась к заботам об образовании и нравственном воспитании своих членов, а также к благотворительности»⁹⁶.

Все члены ложи регулярно вносили значительные средства на учреждение стипендий для сирот из дворянских семей, обучавшихся в Казанской гимназии, Царскосельском лицее, Симбирском народном училище; выкупали из крепостной зависимости наиболее талантливых детей и помогали им устроиться в жизни. На средства масонской ложи в Симбирске были открыты два благотворительных заведения: Дом трудолюбия (1820 г.) для девиц-сирот из дворян и пансион при Симбирской мужской классической гимназии (1834 г.). Последний открылся уже после указа Александра I от 1822 года, на-

⁹⁴ Гавриил Никитич Потанин (1823–1910), педагог, писатель. Родился и умер в Симбирске. Автор романа о крепостном праве «Старое старится, молодое растёт», автобиографических повестей «Год жизни», «Штатный смотритель» и др. произведений.

⁹⁵ Сытин С.Л. Симбирские контрасты // Ульяновская правда. — 1994. — 19 мая.

⁹⁶ Беспалова Е.К. Симбирское масонство конца XVIII — начала XIX вв. // Краеведческие записки. — Ульяновск, 2004 г. — С. 30. Ложа «Ключи к добродетели» просуществовала до 1822 года, когда вышел указ о закрытии всех масонских лож в России.

ложившего запрет на деятельность масонских лож. Официально масонская ложа в Симбирске закрылась, но члены братства ещё долго поддерживали дружбу и устраивали тайные встречи.

Хотя фамилии Мальтийского не обнаружено в списках симбирских масонов, куда в основном принимались только потомственные дворяне, но Григорий Иванович, к этому времени достигший значительного благосостояния, мог наравне со всеми участвовать в благотворительной деятельности масонов, оказывать им посильную помощь, пользуясь своей осведомлённостью о действиях губернской администрации.

То, что Мальтийский не был бедным чиновником, свидетельствует его завещание, составленное незадолго до смерти. Согласно ему в Симбирске, на улице Московской, он имел дом, «полный редких книг и художественных полотен»⁹⁷. Кроме этого, у него имелись лесная дача в Казанской губернии, денежный капитал в 100 тысяч рублей и благоприобретённое имение с 54 крепостными крестьянами мужского пола, оцененное при продаже в 20 тысяч рублей в селе Загоскино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии⁹⁸.

Улица Московская. Слева лавка и дом Жарковых. Открытка 1908 г.

Наличие имения позволяет предположить, что благодаря чинам и наградам он мог получить личное дворянство.

Всё имущество он завещал своим воспитанникам: Алексею, Николаю, Петру и Любви — детям мещанки Федосьи Ивановой,

⁹⁷ Сытин С.Л. Указ. соч.

⁹⁸ ГАУО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 1377. — Л. 1–10.

с которой жил вне брака. Московскому опекунскому совету, распоряжавшемуся имуществом малолетних наследников, Мальтийский поручил определить его сыновей в гимназию, а потом в Московский университет, а дочь — в пансион или в благородное семейство.

По разделу с братьями обширную усадьбу на Московской улице унаследовала дочь Мальтийского Любовь Григорьевна Жаркова, которая владела ею почти 60 лет — до 1893 года. Её муж-купец, общественный деятель и меценат Кузьма Яковлевич Жарков слыл «симбирским Елисеевым», так как вёл самую крупную в городе бакалейную торговлю. В пожаре 1864 года дом Мальтийского сгорел, но в 1866 году был вновь отстроен Жарковыми и сохранился до наших дней⁹⁹.

ЧИЧИКОВ ПОНЕВОЛЕ, или ДЕЛО О «МЁРТВЫХ ДУШАХ»

Симбирское губернское правление (присутственные места). Фото начала XX в.

12 октября 1803 года симбирский губернатор Василий Михайлович Хованский обратился к министру юстиции Гавриилу Романовичу Державину с письмом. В нём он просил наградить новым чином секретаря Симбирской палаты гражданского суда Петра Левитского:

⁹⁹ Историко-архитектурные памятники Симбирска-Ульяновска. — Ульяновск, 2004. — С. 194.

«Милостивый Государь

Гавриил Романович!

Симбирская палата гражданского суда относится ко мне, что штата её секретарь коллежский секретарь Левитский во время службы своей, которая продолжается двадцать пять лет в штрафах и подозрениях не был, ото всех мест, где он служил, имел аттестаты, из которых видно, что и там узнан в совершенном знании судопроизводства, ревностью и усердием к службе. Сиё удостоверение аттестатов доказал он на опыте своём неусыпными трудами и в Палате; ибо через усердие своё, а паче знание, делает великий успех в производстве дел; что дознавши бывший в здешней губернии губернатор Сушков представлял Правительствующему Сенату в 1802 году; но оным в награждении отказано за тем только, что не дослужил Левитский годов; но Палата, убеждаясь трудами и ревностью его, просит ныне меня о исходатайствовании ему награждения. В конце подтверждаю, что убедился лично в усердии его»¹⁰⁰.

В Симбирске коллежский секретарь Пётр Алексеевич Левитский появился незадолго до этого письма. Начав службу в 1777 году копиистом в бывшей Инсарской воеводской канцелярии, он дослужился до секретаря городского суда Саранской нижней расправы. После её упразднения был принят в канцелярию генерал-прокурора князя Алексея Борисовича Куракина (служил в Экспедиции для свидетельствования счетов), где исполнял должность экспедиторского помощника, и оттуда в конце 1798 года был переведён секретарём в Саранский уездный суд, а в 1803 году — в Симбирскую гражданскую палату секретарём¹⁰¹.

Женившись и решив навсегда обосноваться в городе на Волге, он купил с торгов за 2 000 рублей описанное за долги небольшое имение генерала от кавалерии Ивана Репина в селе Сара Алатырского уезда. По купчей за имением значилось 50 четвертей с половиной земли и 37 крестьянских душ мужского и женского пола, на поверку же семеро из них (пять мужчин и две женщины) оказались «мёртвыми душами». Узнав об этом только после вступления во владение имением, Левитский был возмущён и подал в суд иск о возмещении ему нанесённого ущерба в 113 рублей серебром или выдачи из имущества генерала Репина других крестьян взамен умерших.

Губернское правление для устранения подобного конфуза отправило в Алатырский уездный суд прошение разобраться в этом деле. Суд выяснил: крестьяне действительно являются «мёртвыми душами», но заменить их живыми никак нельзя, потому что оные стоят уже 393 рубля серебром, и если живых крестьян передать Левитскому, то будут ущемлены имущественные права Репина, а также других его кредиторов.

Дело поступило к губернскому прокурору, и тот вынес резолюцию: *«Так как в сём деле вышел беспорядок от Алатырского нижнего*

¹⁰⁰ ГАУО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 1.

¹⁰¹ Там же. — Д. 94. — ЛЛ. 1—4.

земского суда (ведал всеми нотариальными делами уезда. — Прим. авт.), который по учинении описи крестьянам, будучи обязанным иметь их под своим надзором, о смерти их в продолжении дела не донёс Губернскому правлению, тем допустил Левитского к покупке их, за что и подвергается тот суд по указам 1766 года марта 31 дня и 1797 года декабря 31 дня взысканию в пользу секретаря Левитского, почему от прокурора на основании учреждения 405 ст. о том решении уездного и о поступке нижнего земского судов предложено на рассмотрение Симбирского губернского правления»¹⁰². Но и после этого дело с «мёртвыми душами» тянулось ещё несколько лет.

Не дожидаясь его окончания, Левитский купил в селе Чердаклы Ставропольского уезда Симбирской губернии другое имение (700 десятин) у помещиков Дмитриевых. Это имение Дмитриевы несколько десятилетий подряд сдавали в аренду соседям, так что вскоре все позабыли, где чья земля. И когда уездный землемер отмерил Левитскому землю одним куском в чересполосном владении, все соседи возмутились, объявив Левитского самозванцем, захватившим их собственность. Началось новое судебное дело, в которое потребовалось вмешательство Сената и даже самого императора¹⁰³. Дело Левитский всё же выиграл, и после его смерти (около 1830 г.) имение в Чердаклах досталось по завещанию его дочери.

ПО СТРАНИЦАМ ШНУРОВАННЫХ КНИГ

В начале 1780-х годов Екатерина II делает попытку децентрализовать учреждения нотариального характера, распределив их функции между крепостными палатами, магистратами и управами благочиния. 8 апреля 1782 года ею был утверждён «Устав благочиния или полицейский», который, среди прочего, предполагал наличие в каждой полицейской части города частного маклера. В «Уставе» о нём было сказано: «Кто в части дом построить или ломать хочет, или иное строение, или место купит, продаст, закладывает, в заклад берёт, дарит или инако укрепит, да объявит о том частному маклеру ради записания в частной книге...»¹⁰⁴. Эту книгу маклер должен был по первому требованию показывать городничему, честному приставу и квартальному надзирателю.

В 1785 году вышла «Жалованная грамота городам», сохранившая за городовыми магистратами только судебно-административные функции, необходимые для защиты интересов торгово-ремесленного слоя горожан, блюсти которые должны были маклеры и публичные нотариусы.

Итак, в городах появились сразу два вида маклеров — частных от управы благочиния и маклеров от магистратов. Нотариальные функ-

¹⁰² ГАУО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 115. — ЛЛ. 1–8об.

¹⁰³ Там же. — Д. 403.

¹⁰⁴ Российское законодательство X–XX вв. — Т. 5. — М., 1987. — С. 409–410.

ции между ними распределялись так: маклер при магистрате имел право оформлять сделки только между горожанами, частный маклер не был ограничен пространственными и сословными рамками.

Письмо, данное женою цехового Домной Уваровой мещанину Ивану Рукавишникову на продажу дома в г. Симбирске, в приходе церкви Успения Богородицы

«1783 года, июля “ ” дня. Симбирского цеха Василия Иванова сына Уварова, жена его Домна Гаврилова дочь, дала сие письмо Симбирскому мещанину Ивану Михайлову сыну Рукавишникову в том, что состоящий в Симбирске, в приходе церкви Успенья Богородицы, двор, со всяким хоронным строением и усадьбою, с приказанья мужа своего, продала я ему, Рукавишникову, ценою за сто за десять рублей и при написании сего деньга от него, Рукавишникова, получила сполна, на который, если потребует он, Рукавишников, от крепостных дел купчую, то должна дать я или муж и по нас наследники его, Рукавишниковым, коштом, на что для верности и данную прежнюю купчую, писанную в 1762 году на имя Симбирского цеха Афонасия Григорьева сына Оловянишникова, выдала... и сие письмо впредь до крепостных дел дала, в том по её прошению свидетель подписал...»

1785 года, июля 1 дня, сие письмо в Симбирске, в Маклерской книге под № 89 записано. В должности маклера Симбирского Городового Магистрата копиист Фёдор Фёдоров»¹⁰⁵.

Предварительное условие о продаже дома в г. Симбирске на берегу Волги, выданное мещанкой Татьяной Киреевой мещанину Ивану Рукавишникову

«1808 года мая 15 дня вдова, симбирская мещанка жена Татьяна Иванова по мужу Киреева, дала сие условие, впредь до совершения законной купчей, симбирскому мещанину Ивану Иванову сыну Рукавишникову в том, что продала я, Киреева, ему, Рукавишникову, собственное своё усадебное место, доставшееся мне по законному наследству после покойного мужа моего, симбирского мещанина Семёна Иванова Киреева, состоящее в Симбирске под горою, в Успенском приходе, в межах, идущи в оное, по правую сторону двор его Рукавишникова, а по левую — пойменный берег реки Волги, в котором мерою длиннику двадцать одна, поперечнику десять с половиной сажень, ценою за шесть рублей с полтиною, которые при написании сего условия и получила от него все сполна, в вечное и потомственное его владение. И наперёд его оное моё усадебное место иному никому не продано, не заложено, ни в каких крепостях не укреплено и ни за что не отписано, а если кто в оное будет вступаться, в том очистку иметь мне, Киреевой, а до него, Рукавишникова, никаких ответов не доводить; а если по каковы обстоятельствам оное моё усадебное

¹⁰⁵ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 177. — Симбирск, 1904 г. — С. 453–454.

место от владения его, Рукавишникову, отойдёт, то получить ему с меня и с наследников моих полученные мною деньги и с понесёнными им убытками. При совершении купчей в казну пошлины платить, гербовую бумагу и прочие издержки иметь ему, Рукавишникову, от себя, а до меня, Киреевой, в оном ничего не доставить. И по силе устава благочиния записать в книгу частного маклера и впредь ничем не опрачивать и содержать свято и не нарушимо. И прежнее условие при сём выдала (подпись). К сему условию вместо вышеписанной вдовы Татьяны Ивановой Киреевой по её прошению воспитанник Иван Михайлов руку приложил.

1808 года, мая 15 дня, сие условие... у маклера в книгу подлинником записано... в чём свидетельствую частный маклер Василий Утехин»¹⁰⁶.

По той же форме написано и «Условие, данное от титулярной советницы Надежды Александровны дочери Дмитриевой, в том, что продала она господину Александру Васильевичу Толстому в 1815 году в селе Головине ревизских мужского пола 30 душ, земли 17 четвертей с половиной за 18 000 рублей. В задаток получила 4 000 рублей. Условие в Симбирске у маклерских дел того же числа явлено и в первой книге под № 50 записано. **Маклер Пётр Сапожников»¹⁰⁷.**

По сведениям ульяновского краеведа А.С. Сытина, в первой четверти XIX века в Симбирске значились частные маклеры **Александр Арефьевич Сахаров** (родоначальник известной симбирской купеческой династии) и **Емельян Карачев**. В 1860-е годы в первой части города, на Тихвинской улице, в собственном доме работал частный маклер **Асаф Михайлович Балакирев** (Балакиршиков).

В уездных городах Симбирской губернии нотариальные функции распределялись между уездными судами и магистратами. Например, в Карсуне в начале 1790-х годов записи по переходу недвижимости и протестам векселей в маклерских книгах вёл служащий нижнего земского суда мещанин **Семён Иванович Николотов**, исполнявший обязанности маклера¹⁰⁸. Спустя десять лет его сменил маклер **Иван Позаркин**. Известно составленное им 24 июля 1800 года условие (договорное письмо) о продаже прапорщиком Ефремом Михайловичем Бедриным статскому советнику Илье Петровичу Татаринову крепостного имения в селе Станичная Слобода Карсунского уезда Симбирской губернии¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 198. — Симбирск, 1904 г. — С. 477–478.

¹⁰⁷ Там же. — № 126. — Симбирск, 1904 г. — С. 383. Головино, бывшее село Сызранского уезда Симбирской губернии, ныне находится в Новоспасском районе Ульяновской области.

¹⁰⁸ ГАУО. — Ф. 747. — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 60.

¹⁰⁹ Поливанов В.Н., Красовский В.Э. Материалы исторические и юридические района Бывшего Приказа Казанского дворца. — Т. IV. — № 197. — Симбирск, 1904 г. — С. 477.

В то же время в Сенгилее, с переводом его в 1797 году в заштатный город (с 1802 года вновь стал уездным городом), все присутственные места, кроме городского магистрата, были закрыты. Поэтому сделки с недвижимостью, протесты векселей и иные процедуры нотариального характера совершались в магистрате силами его служащих, распределивших между собой все положенные по закону обязанности. Должность частного маклера в Сенгилеевском магистрате в 1803–1815 годах (вероятно, и позднее) занимал ратман **Степан Александрович Уфимцев**.

Одновременно с частными маклерами в городах появляются маклеры слуг и рабочих людей. Вызвано это было ростом в стране рынка рабочей силы и получивших распространение договоров найма.

В «Уставе благочиния» о маклерах слуг и рабочих людей сказано: «*Буде городничий или городской магистрат усмотрит многое число людей мужского или женского пола в городе находящихся или приходящих в оной ищущих наниматься в услужение или работать или прокормление, тогда городской магистрат или ратуша имеет определить одного или более (смотря по надобности) маклера слуг и рабочих людей*».

Там же разъяснялось, что двери дома маклера слуг всегда должны быть открытыми и над ними должна висеть надпись «*здесь живёт маклер слуг и рабочих людей*», чтобы те, кто ищет работу, могли обратиться к нему за помощью. Он также обязан был знать, кто в городе в каких услугах нуждается. Когда пришедший человек устраивался по его рекомендации на работу, составлялся договор найма, который заносился в «Маклерскую книгу слуг и рабочих людей», заведённую при магистрате. Если человек устраивался на работу без помощи маклера, то при возникновении у него с нанимателем спорных вопросов маклер не обязан был ему помогать. Лишался такой слуга и помощи городского словесного суда. Поскольку в те годы усилился полицейский надзор за населением городов, то городничий или исправник мог выслать из города любого приехавшего в него наниматься на работу, но не записавшегося в магистрате в книгу слуг¹¹⁰.

В Сенгилеевском городском магистрате должность маклера слуг в 1800–1803 году исполняли поочерёдно ратманы: купеческий сын **Лука Дмитриевич Ежов** и мещанин **Степан Александрович Уфимцев**, а с 1812 года **Павел Вязмитинов** и подканцелярист **Николай Барышников**.

По сохранившимся маклерским книгам слуг можно судить о количестве людей, искавших и находивших работу в том или ином российском городе тех лет. Так, в маклерской книге слуг Сенгилеевского магистрата с 5 февраля по 4 декабря 1803 года оставлено 20 записей о найме на работу. И это в городе с населением в две с половиной тысячи человек.

¹¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. — Т. 5. — М., 1987. — С. 362–364.

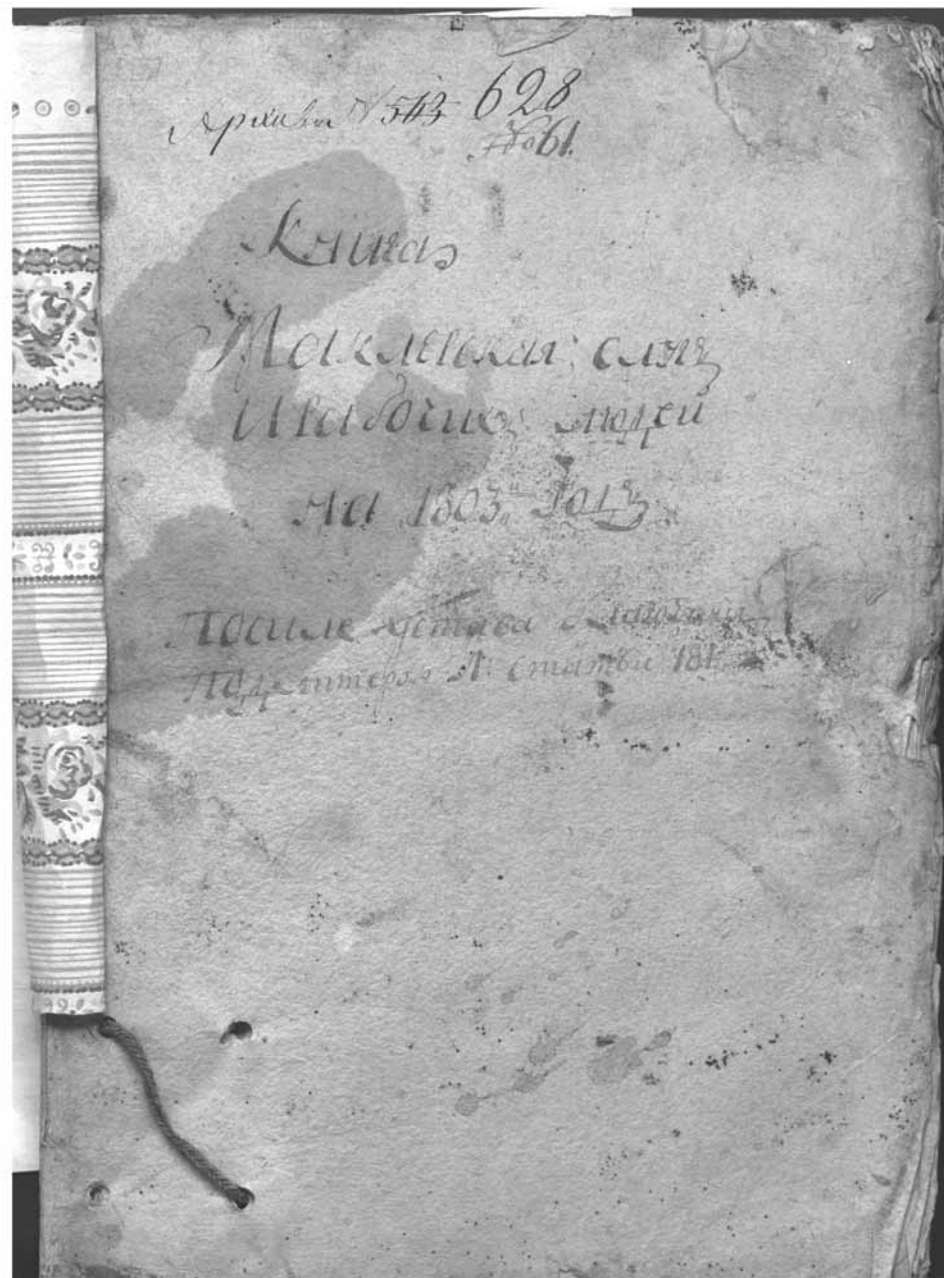
Вид Сенгилея, уездного города Симбирской губернии. Фото 1915 г.

Контракт из «Маклерской книги слуг Сенгилеевского городского магистрата». 1803 г.

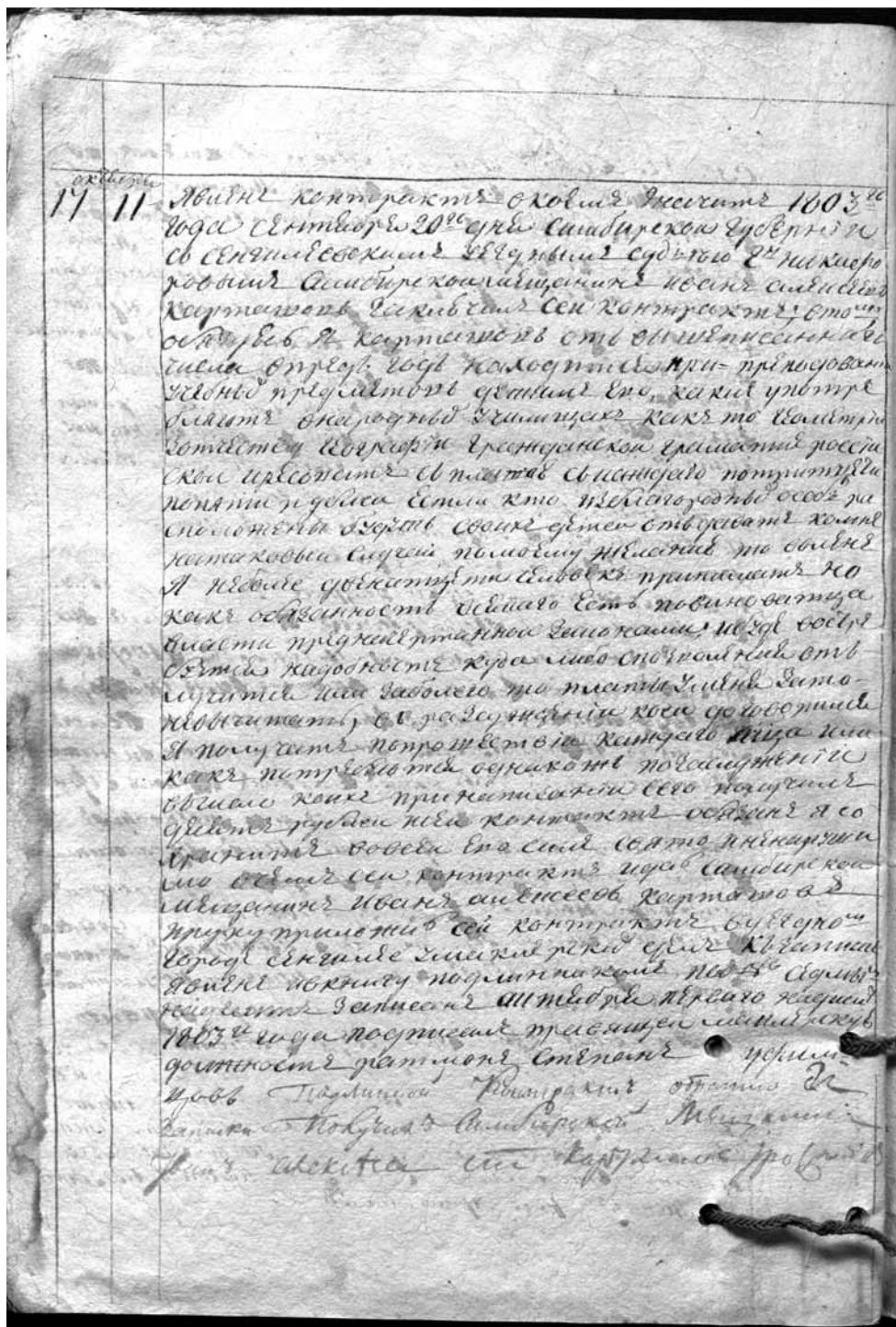
«Октября 11 дня, 1803 года явлен контракт, в коем значится: 1803-го года сентября 20 дня Симбирской губернии с сенгилеевским уездным судьёй господином Никифоровым Симбирский мещанин Иван Алексеевич Карташёв заключил сей контракт; в том, что я, Карташёв, от вышеписанного числа впредь год буду находиться при преподавании предметов детям его, кои употребляются в народных училищах, как то: геометрии, зодчеству, географии гражданской, грамматики российской и рисования с платой с каждого по тридцати пяти рублей. Ежели кто из благородных особ расположен будет своих детей отвести ко мне, на таковые случаи по моему желанию, то волен я не более двенадцати человек принять, но как обязанность всякого есть повиноваться власти предначертанной законами; и буде востребуется надобность куда-либо с позволения отлучиться или заболелю, то платы у меня за то не вычитать; в рассуждении коего договора получать мне по прошествии каждого месяца или как потребует, однако, по заслужению; в числе коих при написании сего получил десять рублей. Тот контракт обязан я сохранить во всей своей силе свято и не рушимо, о чём сей контракт и дал симбирский мещанин Иван Алексеевич Карташёв руку приложил. Сей контракт в уездном городе Сенгилее у маклерских дел слуг к записи явлен и в книгу подлинником записан; октября первого на десять 1803-го года. Подписал правящий маклерскую должность **ратман Степан Уфимцев**. Подлинный контракт обратно от записи получил симбирский мещанин Иван Алексеевич Карташёв руку приложил»¹¹¹.

¹¹¹ ГАУО. — Ф. 746. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 20.

Документ № 9. Обложка «Маклерской книги слуг Сенгилеевского городского магистрата». 1803 г.

Документ № 9 (продолжение). Контракт из «Маклерской книги слуг Сенгилеевского городского магистрата». 1803 г.

При городских магистратах было несколько книг, в которые заносились те или иные нотариальные акты: маклерская книга регистрации договоров, контрактов и условий; маклерская книга слуг и рабочих людей; книга регистрации духовных завещаний; маклерская книга протестов векселей. Если город был небольшой, то часто все эти книги вёл один человек, как, например, ратман Степан Александрович Уфимцев в Сенгилеевском городском магистрате в 1801—1815 годах.

Протест по заёмному долговому письму А.И. Самойлова

«28 августа 1803 года явлено к протесту заёмное домовое письмо, в коем значится: 1801-го года июня в третий день я, нижеподписавшийся, майор Александр Иванович сын Самойлов занял у госпожи губернской секретарши, Алёны Максимовны Петровой, денег государственными ассигнациями двести пятьдесят рублей за указные проценты сроком на год, то есть до будущего тысяча восемьсот второго года июня третьего числа, на которое должен всю ту сумму сполна заплатить. А буде сего не заплачу, то вольна она, госпожа Петрова, просить о взыскании и поступлении по законам на оное рукоприкладство. К сему заёмному письму майор Александр Иванов сына Самойлов рuku приложил.

1801 года июня третьего дня сие домовое заёмное письмо в губернском городе Симбирске у нотариусских дел явлено и в книгу под № 86 записано, подпись: **публичный нотариус Алексей Рыбников**. Сие домовое письмо в Сенгилеевском городском магистрате у вексельных маклерских дел 1802 года августа 28 дня протестовано того ради и в книгу подлинником под № 19 записано. А в протесте написано: 1802-го года августа 28 дня в уездном городе Сенгилее по требованию госпожи губернской секретарши Алёны Максимовны Петровой ходил я, нижеименованный, за неимением в здешних местах публичного нотариуса, правящий должность вексельного маклера Сенгилеевского городского магистрата, с подписным заёмным домовым письмом, с которого взята копия, списанная, за неимением в Уставе о банкротах, составленном 1800 года декабря 19 дня, во второй части на сей случай формы, по силе Вексельного устава, изданного 1729-го года мая 16 дня, главы 3, образца 12-го, к Александру Иванову сыну Самойлову господину майору для требования от него по тому письму платежа. Я, при нижеподписавшихся, по неимению его в сём городе Сенгилее, к отысканию его по оному письму в урочное время для охранения заключённого порядка протестовал. И сей протест с подлинным письмом именованной госпоже Петровой обратно выдан. Подписал правящий должность **вексельного маклера Степан Уфимцев**. Алексей Тюрин, сенгилеевский купецкий сын свидетель был и подписал»¹¹².

По закону у векселедателя должны были быть поручители. В случае, если он не мог заплатить по векселю, а вексель был вове-

¹¹² ГАУО. — Ф. 746. — Оп. 1. — Д. 100. — Л. 11об.—12.

мя опротестован, за него необходимую сумму обязаны были внести данные поручители. И такие случаи известны.

В 1804 году к министру юстиции поступила жалоба на Симбирское губернское правление от комиссионера 12 класса, симбирского дворянина Ипполита Жилина. В ней он писал, что в 1793 году он выступил поручителем векселедателя симбирского дворянина Христофора Дражича, выдавшего вексель на четыре тысячи рублей сроком на год иностранцу Бефурту. Но прошло 11 лет. Ипполит Жилин по службе находился в другом городе, когда узнал, что его имение в Симбирской губернии, в Ардатовском уезде, в селе Серлинеи и деревне Манадыш выставлено на продажу за 5 025 рублей для оплаты векселя Дражича и набежавших по нему процентов, так как к тому времени сам Дражич был полный банкрот. Апеллируя к министру, Ипполит Жилин просил его дать поручение Симбирскому губернскому правлению разобраться в этом деле и взыскать деньги с тех, кто по долгу службы обязан был предотвратить подобную ситуацию. Виновником он считал Курмышский уездный суд, где фиксировались протесты векселя Дражича, и суд должен был наложить запрет на его имения. Одно из них находилось в Симбирской губернии, в Курмышском уезде, в селе Борятино, второе — в Уфимской губернии. Кроме того, у его жены, которая была вторым поручителем по данному векселю, было имение в Симбирской губернии, в Ардатовском уезде. За одиннадцать лет Дражич и его жена спустили все свои имения, а Курмышский уездный суд не нашёл ничего лучше, как принять решение о взыскании денег с Ипполита Жилина, чтобы заплатить по векселю Бефурту¹¹³.

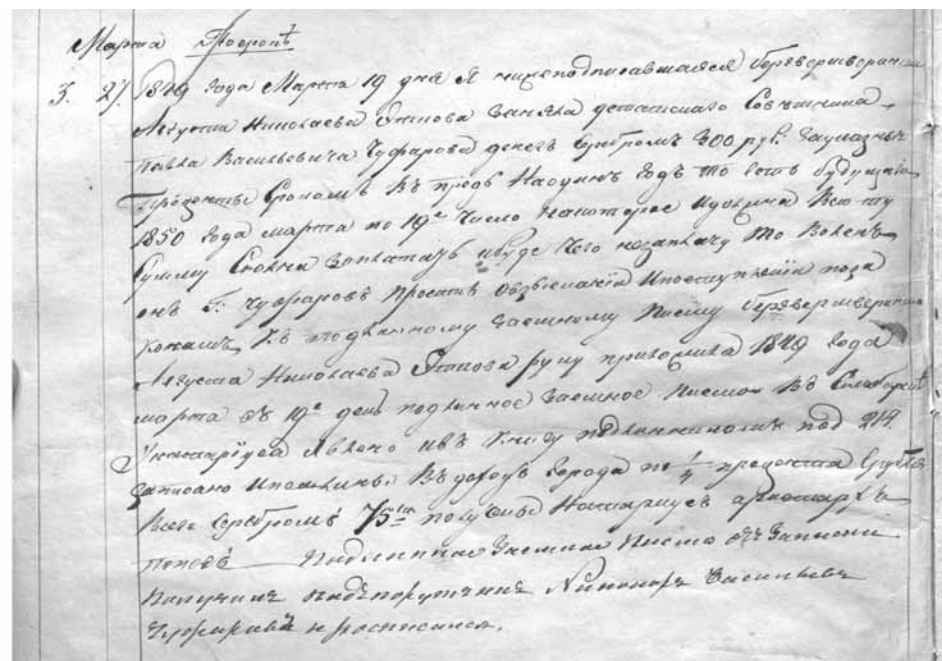
А ведь ещё в 1802 году в Правительствующий Сенат из Симбирска от дворянина Василия Афанасьевича Киндякова уже поступала жалоба на поручика Дражича. Киндяков писал, что год назад Дражич заложил ему 175 человек крепостных крестьян (из 249 человек) при селе Борятино. Закладная была совершена в Симбирской гражданской палате, в конторе крепостных дел. Когда Киндяков в положенный срок потребовал вернуть ему по закладной деньги, оказалось, что все имения должника Дражича находятся в опеке, и долги всем кредиторам будут возвращены после продажи его оренбургского имения, оцененного в 10 тысяч рублей серебром. Но Сенат оказался не лучше Курмышского суда. Дело о продаже имения поручика он волокитил девять лет. При этом на имение не был даже наложен запрет, и Дражич продолжал им пользоваться, пока не разорил вконец¹¹⁴.

В Симбирске, как во всех губернских городах, с конца 1780-х годов работали и публичные нотариусы, имевшие право оформлять протест векселей и заемных писем. Выше называлась фамилия одного из первых симбирских публичных нотариусов — **Алексея Рыбникова**, практиковавшего в городе в первое десятилетие XIX века. В до-

¹¹³ ГАУО. — Ф. 109. — Оп. 1. — Д. 177. — Л.Л. 1—3об.

¹¹⁴ Там же — Д. 12. — Л.Л. 1—2об.

Документ № 11. Заёмное письмо А.Н. Этковой. Из «Маклерской книги Карсунского городского магистрата». 1849 г. ГАУО (публикуется впервые)

кументах по Симбирску за 1840—1859 годы упоминается фамилия другого публичного нотариуса (иногда писался секретарём Симбирского магистрата. — Прим. автора) — **Аристовула Петровича Попова**. Ниже приведено заёмное письмо карсунской дворянки А.Н. Этковой, «явленное» к протесту 19 марта 1850 года в его симбирской маклерской конторе и зарегистрированное в маклерской книге Карсунского городского магистрата 27 марта того же года под № 3.

«Я, нижеподписавшаяся, бергшворинша Августа Николаевна Эткова заняла у статского советника Павла Васильевича Чуфарова денег серебром триста рублей за указные проценты сроком впредь на один год, то есть будущего 1850 года марта по 19 число, на которое и должна всю эту сумму сполна заплатить. И буде чего не заплачу, то волен он, господин Чуфаров, просить о взыскании и поступлении по законам. К подлинной записи бергшворинша Августа Николаевна Эткова руку приложила 1849 года марта в 19 день. Подлинное заёмное письмо в Симбирске у нотариуса явлено и в книгу подлинником под № 214 записано и пошлины по одной четвёртой процента с рубля всего семьдесят пять копеек получено. Нотариус Аристарх Попов. Подлинное заёмное письмо от записи получил поручик Никанор Васильевич Чуфаров и расписался»¹¹⁵.

¹¹⁵ ГАУО. — Ф. 747. — Оп. 1. — Д. 306. — Л. 1об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК СИМБИРСКИХ КРЕПОСТНЫХ ДЕЛ ПИСЦОВ
И ГОДЫ УПОМИНАНИЯ ИХ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Александр Тихомиров – (1701)
 Конон Иванов – (1704)
 Афонасий Забелин (1704–1717)
 Семён Игумнов (1706–1714)
 Пётр Мантуров (1711)
 Никита Кашкин (1711)
 Борис Лукьянчиков (1717–1720)
 Иван Феокистов (1721–1729)
 Алексей Тихомиров (1722)
 Фёдор Афонасьев (1717)
 Степан Астраханцев (1722)
 Василий Попов (1723)
 Михаил Попов (1731)
 Иван Суровцев (1733–1735)
 Артемон Попов (1736–1739)
 Владимир Сосин (1740)
 Иван Чичагов (1748)
 Алексей Ильин (1749)
 Гаврило Поспелов (1762)
 Григорий Ростов (1764)
 Алексей Арбузов (1776–1787)
 Дмитрий Шапошников (1781–1782)
 Пётр Соболев (1779)
 Василий Емельянов (1789)
 Иван Астраханцев (1789)
 Данила Иванов (1790)
 Григорий Рожанский (1795, 1804)
 Фёдор Скворцов (1806)
 Григорий Мальтийский (1806–1808)
 Иван Амерняков (1810)
 Тимофей Михайлов (1812–1845)
 Иван Фёдоров (1812–1813)
 Никита Максимов (1824)
 Павел Винокуров (1833), губ. секретарь
 Иван Михайлович Ладынин (1861–1863)
 Власий Артемьевич Зефилов (1863)
 Николай Сергеевич Андреев (писец 2 разряда, 1864)
 Николай Иванович Плешивцев (1863–1864)
 Степан Александрович Орловский (регистратор, 1864)
 Константин Николаевич Лавров (архивариус, 1864)

Надсмотрщики:

Василий Уфинцев (Уфимцев) (1703–1714)
 Иван Бабушкин (1704)
 Семён Игумнов (1714–1725)
 Яков Астраханцев (1729–1733)
 Григорий Змейкин (1727–1731)
 Иван Тихомиров (1728)
 Пётр Соколов (1733–1735)
 Иван Гнездов (1736)
 Иван Наумов (1739)
 Алексей Бузовлев (1740)
 Никита Первухин (1748)
 Иван Белоусов (1750)
 Иван Баженов (1753–1767)
 Платон Лебедев (1764)
 Иван Баскаков (1776)
 Иван Попов (губ. регистратор, 1778–1779)
 Данила Калашников (1781–1782)
 Игнатий Болдырев (1786–1790)
 Василий Сухово (1795–1813)
 Ефим Скворцов (1808–1812)
 Фёдор Скворцов (1810–1823)
 Иван Фёдоров (1824–1837)
 Иван Жильцов (1845)
 Андрей Фёдорович Ховрин (1861–1864)
 Иван Михайлович Ладынин (1868–1869)

Секретари:

Иван Ведерников (1767–1787)
 Иван Тархановский (1767–1790)
 Пётр Левитский (1799–1806)
 Ефим Скворцов (1812)
 Фёдор Васильевич Скворцов (1824–1834)
 Никита Сергеев (1845)
 Андрей Фёдорович Ховрин (1869–1870)

ПРАВДА И МИЛОСТЬ ДА ЦАРСТВУЮТ В СУДАХ

От Александра I до Александра II

В начале XIX века на российский престол взошёл император Александр I. Настроенный весьма либерально, на деле он оказался не готов к серьёзным преобразованиям. Все усилия графа М.М. Сперанского направить российские законы в европейское русло оказались напрасными. Но по его предложению в нотариальное законодательство всё же были введены существенные дополнения. Например, 7 октября 1820 года Государственный Совет постановил избирать в нотариусы только государственных служащих, имеющих положительные рекомендации с прежнего места работы¹¹⁶.

При Николае I М.М. Сперанский продолжил работу над российским законодательством. К 1832 году им был подготовлен 15-томный «Свод законов», в который вошли все действующие на территории страны законодательные акты, систематизированные в определённом порядке. Государственный Совет признал его *«единственным официальным руководством в практике органов правосудия и управления»*¹¹⁷.

В соответствии со «Сводом» нотариальное законодательство обогатилось ещё одним дополнением. 2 февраля 1838 года было утверждено Положение о повсеместном взимании в доход городов определённых процентов с протестов векселей, засвидетельствований и явок заёмных писем. С векселей должен был взиматься один процент, с остальных долговых обязательств — по четверти процента. В документе также указывалось, что *«сбор сей производится в одинаковом количестве как в столицах, так и во всех городах: губернских, уездных<...>, где только существуют присутственные места или лица, коим представляются помянутые акты для засвидетельствования <...>»*. Этот же «Свод законов» оговаривал,

¹¹⁶ Сазонова М.И. Указ. соч. — С. 240.

¹¹⁷ Зуев М.Н. История России. — Т. 1. — М., 1995. — С. 269.

что 25 процентов от суммы, собранной маклером и нотариусом в доход города, выделять на их собственное содержание, канцелярские расходы, *«на заготовление книг и на уплату установленной 516 ст. того же Свода пошлины в казну»*. Нотариусы и маклеры не позднее пятого числа каждого месяца должны были вносить собранные деньги в соответствующие финансовые учреждения. За несвоевременную передачу денег они подвергались крупным штрафам¹¹⁸.

На первую половину XIX века выпало немало важных для страны событий. Главными из них были Отечественная война 1812–1814 годов и восстание декабристов на Сенатской площади, которые во многом изменили ход дальнейшей российской истории.

Панорама Симбирска. Соборная площадь. 1900-е гг.

После войны в результате сожжения и разграбления наполеоновскими солдатами многих городов и селений, расположенных к западу от Москвы, дворяне из западных губерний вспомнили о своих поволжских вотчинах. Бывшие офицеры, участники сражений, уйдя в отставку, уезжали на Волгу, в частности, в Симбирскую губернию, где царили довольствие и покой. Вспоминая угар былых сражений, отставные вояки тешили свой боевой азарт псовыми охотами, которые тогда являлись любимейшим занятием помещиков. К зиме уездные дворяне обычно съезжались в губернский город

¹¹⁸ Сазонова М.И. Указ. соч. — С. 305–307.

*Памятник Н.М. Карамзину (1845 г.).
Скульптор С.И. Гальберг*

Симбирск. Начиналась череда званых обедов и ужинов, салонных бесед, музыкальных вечеров и посещений театра. Это время можно назвать «золотым веком» симбирского дворянства.

Ради справедливости следует сказать, что симбирское дворянство умело не только устраивать развлечения для собственного удовольствия. Прославило оно себя и добрыми делами, щедрыми пожертвованиями на общую пользу. Благодаря значительным личным вложениям отдельных дворян в Симбирске были построены общедоступная для всех вместительная Александровская губернская больница (1801–1804 г.), Троицкий кафедральный собор (1824–1841), Дворянский пансион. В 1845 году стараниями дворян в городе был установлен памятник Николаю Михайлови-

Дворянский пансион в Симбирске. Фото 1903 г.

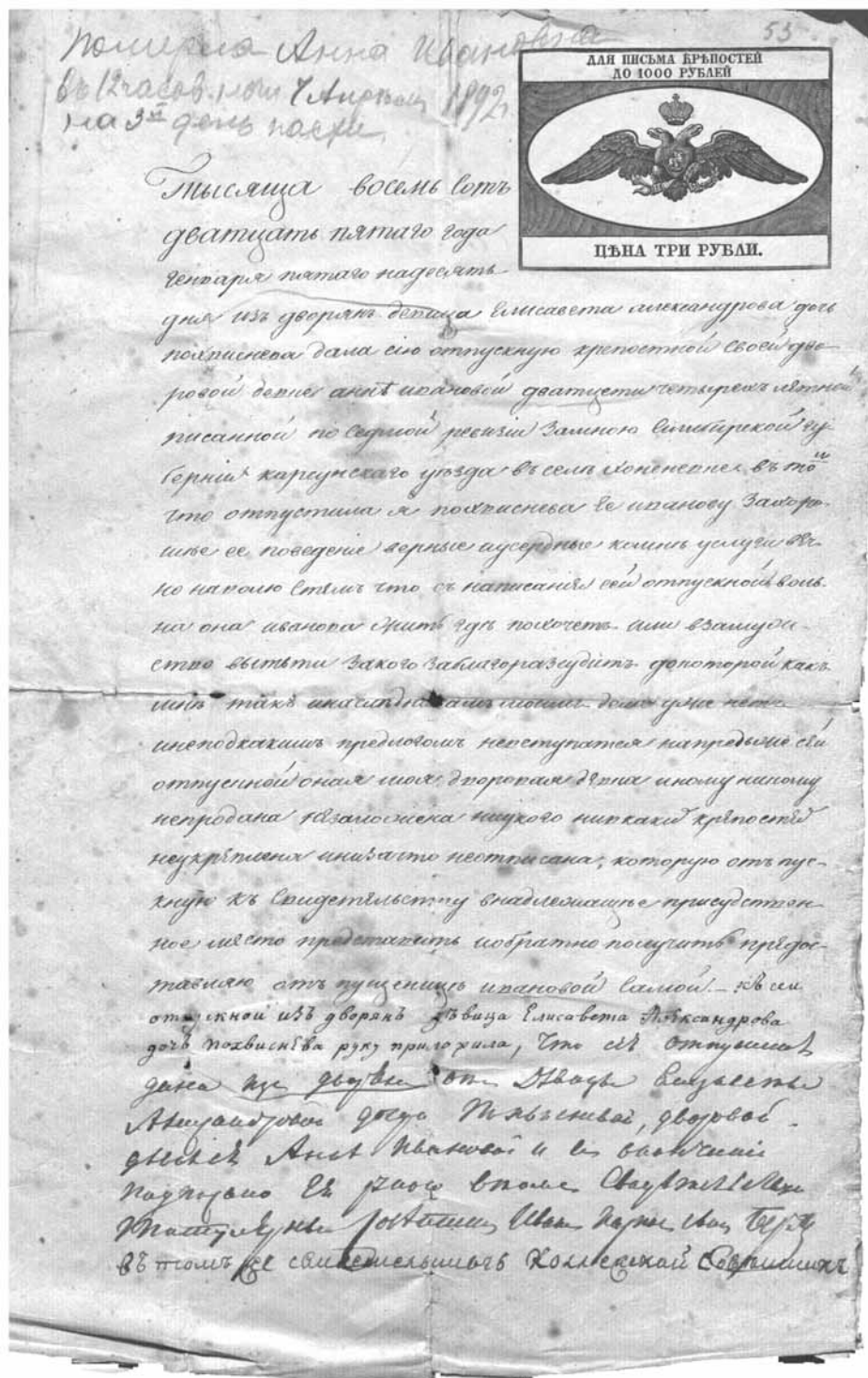
чу Карамзину (один из первых памятников писателям в России), в 1848 году было выстроено здание Благородного собрания и открыта при нём общественная Карамзинская библиотека (ныне отдел Областной научной библиотеки), книги для которой дворяне передавали из собственных имений. И сейчас в её редком фонде хранятся личные книжные собрания Языковых, Анненковых, Соловцовых, Ознобишиных, Минаевых и многих других симбирян. По всей губернии в собственных имениях помещики строили церкви, открывали больницы и школы для крестьян.

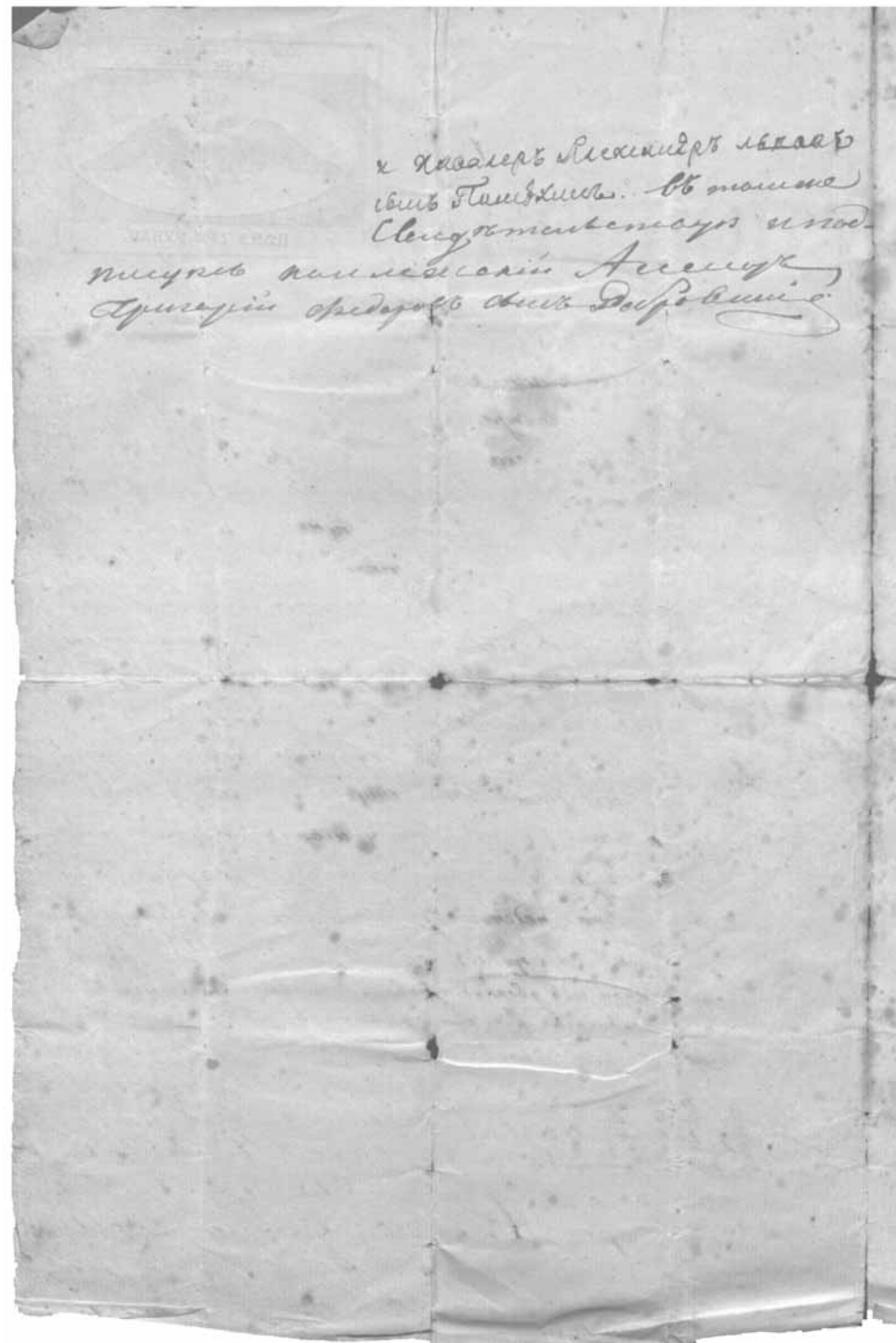
Александровская больница в Симбирске. Фото начала XX в.

Но при этом они мало задумывались о нравственной стороне своего экономического благополучия, основанного на эксплуатации труда того же крепостного крестьянства. Отпуск крестьян на волю был очень редок. Обычно помещики отпускали дворовых людей, личной преданностью заслуживших благодарность хозяина. Отпущенный крестьянин получал на руки отпускное свидетельство. Такие свидетельства были просты по форме, их дозволялось писать произвольно самому помещику в домашних условиях даже без участия нотариуса, но обязательно при свидетелях.

Документ № 12. Отпускное свидетельство на крепостную крестьянку Иванову.
1825 г. УКМ (публикуется впервые)

Документ № 12 (окончание)

«1825 года января 15 день из дворян девица Елизавета Александрова дочь Похвиснева дала сию отпускную крепостной своей дворовой девке Анне Ивановой двадцати четырёх лет, писанной по седьмой ревизии за мною в Симбирской губернии, Карсунского уезда, в селе Хонееве, в том, что отпустила я, Похвиснева, её, Иванову, за хорошее её поведение, верное усердные ко мне услуги вечно на волю с тем, что с написанной сей отпускной вольна она жить, где похочет или в замужество выйти за кого заблагорассудит, до которой как мне, так и наследникам моим дела уже нет. И не под каким предлогом не вступаться и наперёд же сей купчей отпускной она моя дворовая девка иному никому не продана, не заложена, ни у кого ни по каким крепостям не укреплена и ни за что не отписана, которую отпускную к свидетельству в надлежащее присутственное место представить и обратно получить представляю отпущенной Ивановой самой.

К сей отпускной из дворян девица Елизавета Александрова дочь Похвиснева руку приложила. Что сия отпускная дана из дворян от девицы Елизаветы Александровой дочери Похвисневой дворовой девке Анне Ивановой... свидетельствую титулярный советник Иван Карлович Берг. В том свидетельствую коллежский советник и кавалер Александр Львович сын Потехин. В том свидетельствую и подписуюсь коллежский асессор Григорий Фёдорович сын Ребровский»¹¹⁹.

Отпускное свидетельство крестьянки Семёновой

«Лета 1858 года июля 17 дня я, нижеподписавшийся коллежский асессор Василий Васильев сын Обухов, отпустил на волю за верные услуги крестьянскую девку Марину Семёнову, числящуюся за мной по десятой ревизии Симбирской губернии Сызранского уезда по селу Елшанке при семействе крестьянина моего Антона Григорьева, бывшего под № 31. До которой как мне, равно и наследникам моим дела нет и не почему не вступаться. А вольна она, Семёнова, избрать род жизни, законами дозволенный. Приметами она, Семёнова: от роду имеет пятнадцать лет, росту два аршина один вершок, волосы на голове и брови русые, глаза чёрные, нос, рот и подбородок обыкновенные, лицо малорябоватое. Особые приметы не имеются. В уверении чего и дана от меня сия отпускная за подписом моим и благородными свидетелями с приложением герба моего фамильной печати. К сей отпускной коллежский асессор Василий Васильев сын Обухов руку приложил. При совершении сей отпускной свидетелем был и руку приложил титулярный советник, князь Пётр Алексеевич Хованский. Июля восемнадцатого дня 1858 года. В том свидетельствую гвардии отставной полковник и кавалер Михаил Дмитриевич Маслов»¹²⁰.

Иногда подобное собственноручное «произведение» становилось причиной курьёза и судебного разбирательства. Примером может служить дело «Об отыскивающем вольность от господина

¹¹⁹ УКМ. — ПОЗ—49. — № 13991—51.

¹²⁰ УКМ. — ПОЗ—34. — № 13950.

Рогачёва дворовом человеке Никифоре Соколове», которое рассматривалось в Симбирском окружном суде в 1858 году. Суть его заключалась в том, что помещик села Архангельского «Кункино тож», Буинского уезда Симбирской губернии, коллежский регистратор Петр Фёдорович Рогачёв, дал в 1856 году отпускную своей дворовой крестьянке Наталье Александровне Соколовой. Она с семьёй покинула село, уехала в Казань и приписалась к казанскому мещанству. Но тут выяснилось, что данное свидетельство не освобождало от крепостной зависимости её мужа Никифора Яковлевича Соколова. В связи с чем он подал прошение прокурору Казанской губернии о предоставлении и ему свободы от крепостного состояния на том основании, что закон запрещает разлучать мужа и жену. Казанский прокурор послал запрос в Симбирское губерн-

Симбирск до пожара. Рис. А.П. Боголюбского. 1863 г.
По журналу «Мономах» № 2, 2004 г.

ское правление, действительно ли дана Наталье Соколовой отпускная, и засвидетельствована ли она губернской крепостной палатой. Получив подтверждение и затрудняясь вынести по данному вопросу определение, прокурор отправил дело в Буинский уездный суд на обсуждение. В чём же, собственно, состояла проблема? А в том, что Рогачёв, предоставляя свободу Соколовой, не упомянул в отпускной о её семейном положении. Уездный суд обратился в Санкт-Петербургскую управу благочиния с просьбой взять у Рога-

чѣва, проживавшего в то время в столице, объяснение по данному поводу. Рогачѣв ответил, что, отпуская на волю Наталью Соколову, он в отпускном свидетельстве назвал её женщиной, не девкой и не вдовой, будучи уверенным, что слово «женщина» точно определяет её семейное положение, и он никак не предполагал, что в этом отношении могут возникнуть сомнения. Суд удовлетворился таким ответом. 25 августа 1858 года он вынес решение о предоставлении Никифору Соколову также свободу от крепостной зависимости¹²¹.

А в 1861 году в России отменили и само крепостное право.

Спустя три года после этого эпохального события в Симбирске случился крупный пожар. Он начался жарким днём 13 августа 1864 года и бушевал с перерывами девять дней. В огне сгорели 12 церквей и до 1 500 других зданий, в том числе и здания, где раз-

Троицкая церковь в руинах после пожара 1864 г. УКМ

мещались городские архивы, включая и архив палаты крепостных дел. За две недели огонь уничтожил ценнейшие документы, собираемые в течение двух столетий со дня основания Симбирска.

Имел пожар и другие негативные последствия. Потеряв свои городские дома, уже не располагая средствами на их восстановление, многие дворяне навсегда покинули Симбирск, разъехались

¹²¹ Архив Симбирского окружного суда. Вып. 2. — Симбирск, 1905. — С. 402.

Устройство сквера на Карамзинской площади (на втором плане Спаский женский монастырь). 1867 г. УКМ

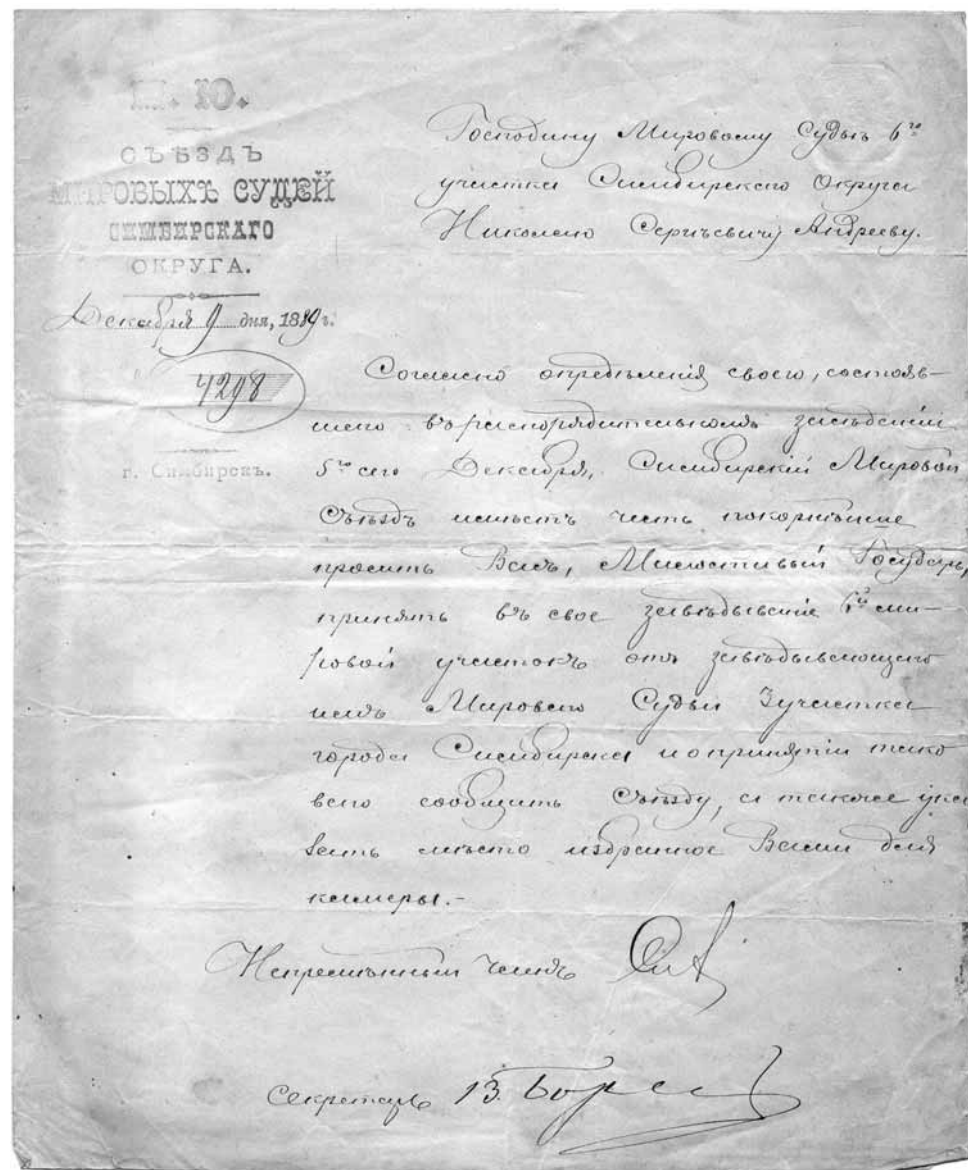
Н.С. Андреев, служащий крепостного отделения Симбирской палаты Гражданского суда. Фото 1870-х гг. УКМ

по сельским поместьям. Разорились вследствие пожара и симбирские предприниматели, часть из них перенесла свою деятельность в соседние губернии. Хотя город через два года практически был отстроен заново, многие дворовые места пустовали, а газеты пестрели объявлениями об их продаже.

Следствием пожара стало и то, что начавшаяся при Александре II судебная реформа в Симбирскую губернию пришла с большим опозданием. Когда в соседних губерниях создавались окружные суды с нотариальными отделениями, в Симбирске всё шло по-прежнему, и крепостные акты оформляли крепостные писцы и надсмотрщики.

В год пожара в крепостном отделении Симбирской палаты гражданского суда работали шесть человек. Вот их имена: надсмотрщик и казначей, титулярный советник Андрей Фёдо-

Документ № 13. Уведомление Съездом мировых судей Симбирского округа Н.С. Андреева о назначении его мировым судьёй 6-го участка. 1889 г. УКМ (публикуется впервые)

рович Ховрин, протоколист, писец 2-го разряда Николай Сергеевич Андреев, крепостных дел писцы, коллежские секретари Иван Иванович Ладыгин и Николай Иванович Плешивцев, регистратор, губернский секретарь Степан Александрович Орловский и архивариус, губернский секретарь Константин Николаевич Лавров¹²².

¹²² Памятная книга Симбирской губернии на 1864 год. — Симбирск. — С. 19.

Протоколист крепостного отделения **Николай Сергеевич Андреев** (1848—1919) принадлежал к потомственным симбирским дворянам. При селе Солдатская Ташла Симбирского уезда у него имелись земельные владения. Склонность к служению Фемиде передалась ему от деда, Ефима Фёдоровича Андреева, симбирского городничего и полицмейстера, а позже председателя Симбирской палаты уголовного суда.

После окончания гимназии и юридического факультета Казанского университета со степенью кандидата Николай Сергеевич поступил писцом в крепостное отделение Симбирской палаты гражданского суда. Когда был учреждён Симбирский окружной суд, он подал прошение о занятии должности судебного следователя. Долгие годы он служил следователем в Курмышском, затем в Сенгилеевском и Сызранском уездных судебных округах. В 1889 году по состоянию здоровья Николай Сергеевич ушёл в отставку, но продолжил работу в земских органах — избирался мировым судьёй и земским начальником Симбирского уезда¹²³.

ОТКРЫТИЕ СИМБИРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

Зерцало. УКМ

Правление императора Александра II стало временем великих преобразований российского общества. Интересы страны потребовали коренного изменения всех установок самодержавной системы. Отмена крепостного права, реформы земского и городского самоуправления, судопроизводства, реорганизация армии и другие начинания происходили почти одновременно.

20 ноября 1864 года император подписал указ о судебной реформе и новые Судебные уставы, распространяемые на 44 губернии. В соответствии с ними в России появились судебные учреждения в виде судебных палат и окружных судов (страну разделили на 108 судебных округов), общих для всех сословий и с общим порядком судопроизводства в них.

Согласно судебной реформе впервые в стране были введены суды присяжных, созданы как самостоятельные институты адвокатура и нотариат, не входившие в систему государственных органов, но действующие под контролем судебных палат.

¹²³ УСЭ. — Т. 1. — Ульяновск, 2000. — С. 33; Громова Т.А. Городской голова. — Ульяновск, 2003. — С. 120.

Специально для обеспечения нотариальной деятельности было разработано Положение о нотариальной части. Появление его предварял спор между реформаторами. Одни настаивали на включении нотариальной службы в судебную систему, другие предлагали полностью отделить её от суда. *«В этой связи стоит отметить, — пишут Н.А. Попова и А.А. Ерёмченко, — что независимость от суда предполагала не только отсутствие факта административного подчинения судам нотариальных учреждений. Речь шла о самостоятельности нотариата как правового института»*¹²⁴.

Победили сторонники первого направления, и нотариальная служба оказалась в одной упряжке с судебными учреждениями, хотя и стояла несколько особняком от неё.

Открытие Симбирского окружного суда состоялось 15 ноября 1870 года. Все заботы по организации нового для губернии учреж-

Здание Симбирского окружного суда (дом Чебоксаровых). Фото начала XX в.

дения легли на плечи председателя суда, действительного тайного советника Богдана Петровича Крейтера. Главной из них стал поиск подходящего здания для суда. Сделать это было нелегко, так как город ещё не восстановился после пожара. На первое время представители Казанской судебной палаты заключили договор с женой губернского секретаря Марией Александровной Жиркевич, двухэтажный кирпичный дом которой находился на Новом Венце, недалеко от дома Дворянского Собрания и здания Губернских присутственных мест. Но площадь дома оказалась слишком мала, и некоторые отделения суда как архивное, адвокатское и нотариальное

¹²⁴ Попова Н.А., Ерёмченко А.А. Три лика Донского нотариата. — Ростов-на-Дону, 2008. — С. 18.

разместили в других частных домах, расположенных поблизости. Для нотариального архива арендовали дом Алатырцевой, для прокуратуры — дом Скорнякова.

Такая разбросанность судебных учреждений мешала нормальной работе Симбирского окружного суда. Поэтому летом 1875 года Б.П. Крейтер повёл переговоры с купцами Чебоксаровыми об аренде их просторного кирпичного дома на углу главных городских улиц — Большой Саратовской и Дворцовой (ныне улицы Гончарова и Карла Маркса). Первого сентября контракт на аренду здания был подписан. По его условиям оно арендовалось на десять лет, плата за аренду составляла 5 тысяч рублей в год.

Н.В. Чебоксаров. Владелец дома, в котором размещался окружной суд. Фото конца XIX в. УКМ

Доходный дом Чебоксаровых имел три этажа. На первом размещались магазины, а 21 комнату второго этажа и семь комнат антресольного третьего этажа занял окружной суд. На втором этаже расположились уголовное отделение, камера прокурора, нотариат и библиотека, на антресольном этаже — гражданское отделение и консультации присяжных поверенных.

Появился у суда и вместительный зал заседаний, на столе — зеркало¹²⁵ со словами «Правда и милость да царствуют в судах». В 1889 году в память 25-летнего юбилея со дня появления Судебного устава в зале

заседаний на средства, собранные членами суда (700 руб.), был установлен бюст Александру II, изготовленный в Петербурге по специальному заказу. В этом здании суд находился до революции и в первые годы Советской власти¹²⁶.

Контроль над исполнителями нотариальных действий в соответствии со ст. 249 Учреждения судебных установлений возлагался на губернские окружные суды, которые должны были проводить ревизии нотариальных контор подведомственного им округа и рассматривать жалобы на нотариусов, если таковые возникали. Назначением нотариусов ведали судебные палаты. Количество нотариусов для каждой губернии утверждалось Министерством юстиции исходя

¹²⁵ Эмблема «законности» в дореволюционной России. Треугольная призма, увенчанная орлом, на сторонах которой были наклеены экземпляры петровских указов. Ставились на столы судов и др. государственных учреждений (СЭС. — М., 1982. — С. 468).

¹²⁶ Мартынов П.Л. Симбирский окружной суд (1870–1900) / Адрес-календарь Симбирской губернии на 1901 г. — Симбирск. — С. 154–165.

Зал заседания Симбирского окружного суда. Фото начала XX в.

из численности её населения. Обычно в губернских городах разрешалось иметь не более четырёх нотариальных контор, в уездных — не более двух. Первоначально в Симбирской губернии открылись четыре нотариальные конторы, обслуживающие восемь уездов. Две из них находились в губернском городе, одна — в Алатыре и одна — в Сызрани. Нотариусами в них были назначены Давид Осипович Колосов, Валентин Иванович Суров (Симбирск), дворянин из Устюга Дмитрий Семёнович Трусков (Алатырь) и «бывший студент Казанского университета» Виктор Николаевич Умнов (Сызрань).

Со временем количество нотариальных контор в Симбирской губернии увеличилось, и к 1900 году достигло одиннадцати, а к 1916 году — четырнадцати. В преддверии революции четыре нотариуса постоянно работали в Симбирске, три — в Сызрани, по два — в Ардатове и Алатыре, по одному — в остальных уездных городах. Только в уездном городе Курмыш с 1897 по 1907 год эта должность оставалась вакантной из-за отсутствия желающих её занять.

СТАРШИЕ НОТАРИУСЫ СИМБИРСКА

Одновременно с открытием Симбирского окружного суда при нём был создан нотариальный архив и введена должность старшего нотариуса.

Нотариальный отдел в суде занимал два кабинета. Один предназначался для старшего нотариуса, другой — для его канцелярии и архива, где несли службу архивариус и письмоводитель.

Обстановка кабинетов не отличалась излишествами, соответствовала требованиям других подобных казённых учреждений. В кабинете старшего нотариуса центральное место занимал ковер со стоящим на нем письменным столом. На столе находились чернильница на мраморной подставке, песочница и колокольчик. Здесь же размещались два подсвечника, пресс-папье, пепельница; лежали счета, хрустальный валик, печать и механический гаситель марок. Помимо стола, были в кабинете и другие предметы мебели: конторка, умывальный шкаф с принадлежностями, четыре книжных шкафа, восемь мягких кресел и венских стульев. На стене висели часы, портреты императоров и икона Спасителя в медной ризе.

В канцелярии архива, занимавшей комнату солидного размера, стояли почти те же самые предметы, только в большем количестве: три больших и три маленьких письменных стола, двенадцать венских и шесть гнутых стульев, две конторки, девять книжных шкафов для хранения дел. Здесь же находились посудный шкаф, половые щётки для уборки, бутыл для чернил и жестянка для керосина (для заправки четырех керосиновых ламп).

В отличие от «младших» нотариусов, которые работали в своих частных конторах, старший нотариус находился на государственной службе и получал плату, установленную окружным судом, то есть имел твёрдый оклад¹²⁷. Так, содержание в год старшего нотариуса Симбирского окружного суда Е.И. Троицкого (годы службы — 1870—1892) составляло 2 200 рублей, а Э.А. Зеленецкого (годы службы 1908—1910) — 3 000 рублей. В эту сумму входили оклад (с годами сумма его росла), столовые 500 рублей и квартирные 500 рублей.

Старший нотариус избирался в Общее собрание окружного суда и обязательно присутствовал на экзаменационных испытаниях нотариусов при приёме их на работу.

Но главной его обязанностью было наблюдение за нотариальным архивом. Он отвечал за хранение крепостных и запретительных книг, реестров, актов, документов с образцами печатей и личных подписей всех нотариусов подведомственного ему округа.

Старший нотариус давал распоряжения о выдаче из архива выписей, копий и других документов по требованию клиентов. Он же утверждал крепостные акты, предъявляемые в суд для вынесения постановления о вводе в наследство. Что касается иной нотариальной деятельности, не связанной с имущественным правом, то чаще всего старший нотариус был мало о ней осведомлён.

В силу этого должность старшего нотариуса занимали бывшие следователи, криминалисты, выпускники высших учебных заведений (поскольку в старшие нотариусы принимались только люди с высшим образованием) без знаний и опыта нотариальной работы.

¹²⁷ Сазонова М.И. Нотариат Санкт-Петербурга. — Кн. 2. — М., 2003. — С. 28—29.

Но эта должность служила неплохим трамплином для скорейшего продвижения по службе в судебном ведомстве¹²⁸.

В своей деятельности старшие нотариусы руководствовались специально разработанными для них законодательными актами. Они были общими для нотариусов всей страны, но в каждой губернии при окружных судах с учётом местных особенностей принимались ещё и свои «особые указы». В 1872 году вышел «Особый наказ Симбирского окружного суда», где имелся раздел «О нотариальном архиве и нотариусах». В нём чётко, по пунктам, прописывался порядок работы старших нотариусов, а его главный пункт предполагал, что нотариусы в своих действиях должны «сноситься с Симбирским окружным Судом представлениями и получать от Суда предписания».

Трижды в год старший нотариус подавал отчёт в окружной суд о проделанной работе. Составлялись отчёты на основе третних ведомостей, которые каждые четыре месяца, в определённые числа, уездные нотариусы пересылали старшему нотариусу. Ведомости включали сведения обо всех совершённых за отчётный период в их конторах нотариальных действиях. Кроме этого, в ведомостях указывались суммы гербового сбора и доходов в пользу города; суммы перечислений в казначейство на пополнение залога, размер вознаграждения нотариуса, жалобы на него клиентов.

В январе 1907 года к старшему нотариусу Симбирского окружного суда Алексею Алексеевичу Катаеву поступило 13 ведомостей за сентябрьскую треть (с сентября по декабрь) 1906 года¹²⁹.

Для сравнения основных количественных показателей сведения по нотариальным конторам приведены в таблице 1.

Таблица 1

Ф.И.О. нотариуса	Количество соверш. дел	Сбор в доход города	Плата нотариусу	На пополнен. залога
Кубышкин Николай Александрович (Симбирск)	822	67 руб. 03 коп.	1 490 руб. 74 коп.	—
Цимбалин Василий Александрович (Симбирск)	186	2 руб.	740 руб. 66 коп.	113 руб. 55 коп.
Диевский Валериан Петрович (Симбирск)	1 267	128 руб. 45 коп.	1 278 руб. 36 коп.	220 руб.

¹²⁸ Смыкалин А.С. История становления и развития нотариата на Среднем Урале. — М., 2007. — С. 22–23, 31.

¹²⁹ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 38. — Д. 33.

Окончание таблицы 1

Ф.И.О. нотариуса	Количество соверш. дел	Сбор в доход города	Плата нотариусу	На пополнен. залога
Попов Сергей Алексеевич (Симбирск)	1 348	589 руб. 42 коп.	3 188 руб. 99 коп.	800 руб.
Черенков Иван Александрович (Алатырь)	410	38 руб. 88 коп.	178 руб. 74 коп.	—
Карачаров Михаил Семенович (Алатырь)	1 125	66 коп.		100 руб.
Милованов Николай Фёдорович (Ардатов)	1 036	31 руб. 63 коп.	306 руб. 90 коп.	—
Ермаков Василий Арсентьевич (Буинск)	651	80 коп.	375 руб. 5 коп.	—
Дамиров Михаил Андреевич (Карсун)	235	5 руб. 20 коп.		—
Остолопов Александр Васильевич (Курмыш)	123	13 руб. 78 коп.		—
Севрюгов Сергей Иванович (Сенгилей)	588	4 руб. 25 коп.	421 руб. 80 коп.	—
Максимов Николай Александрович (Сызрань)	1 033	213 руб. 89 коп.	1 075 руб. 40 коп.	—
Софотеров Василий Львович (Сызрань)	1 949	195 руб. 05 коп.		—

Как видно из таблицы, количество совершённых нотариальных дел в губернском городе и уездных городах сильно разнилось, как и вознаграждения самих нотариусов и другие показатели. В крупных городах с большим количеством населения и развитой торговлей, как Симбирск и Сызрань, нотариальные конторы не испытывали недостатка в клиентах, и заработки нотариусов были выше, чем в остальных конторах. В малых же городах, со слабо развитой промышленностью и торговлей, как Буинск и Курмыш, нотариальные конторы владели жалкое существование.

Из отчётных сводных ведомостей, подаваемых старшим нотариусом в окружной суд, было видно, сколько и каких нотариальных действий было совершено в губернии и сколько дел поступало от

старшего нотариуса в нотариальный архив. В 1880 году, например, в нотариальный архив поступило на рассмотрение и утверждение 1 070 дел, в 1897 году – 1 176, в 1898 году – 1 561.

Что это были за дела, можно понять из описи 1898 года, составленной старшим нотариусом Владимиром Алексеевичем Миловзоровым¹³⁰. Опись включает три раздела. В одном из них указано количество дел, касающихся только уездных городов, во втором – количество дел, касающихся самих уездов, в третьем (в сокращённом виде приведён ниже) – содержатся сводные сведения по всем нотариальным конторам Симбирской губернии. В таблице приведены акты, утверждённые старшим нотариусом, и те, которые он отметил в реестре крепостных дел.

Таблица 2

Утверждено старшим нотариусом

Название актов		Число	Сумма
Купчих крепостей		659	3 757 081 руб. 74 коп.
Записей	Раздельных	21	633 486 руб.
	Дарственных	33	485 235 руб.
Закладных		123	437 267 руб.
Итого по губернии		836	5 313 069 руб. 74 коп.

Отмечено в реестре крепостных дел

Актов	Укрепления права собственности	37	
	Прочих (из них на заповедные имения)	65 (51)	
Данные	По публичной продаже имений	141	299 084 руб. 96 коп.
	По выкупу имений	34	
Прочих записей		6	
Исполнительных листов		64	
Выдано свидетельств на имения	Поступившие в залог в кредитные учреждения	376	
	Обеспеченные по договорам с казной	2	
Итого		725	

¹³⁰ ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 30. – Д. 22. Всё дело.

В нотариальном архиве велся журнал старшего нотариуса, в который записывались отдельными статьями поступавшие по каждому делу документы. Без его резолюции ни один акт не должен был вноситься в крепостные книги, так же как и выдаваться копия с него. При увольнении с должности старший нотариус должен был по описи передать своему преемнику весь нотариальный архив. Вот перечень лишь немногих обязанностей старшего нотариуса окружного суда.

По мере увеличения количества документов в нотариальных архивах страны в помощь старшему нотариусу при окружных судах ввели должность помощника старшего нотариуса. В Симбирском окружном суде эта должность появилась в 1907 году. Во время болезни или отпуска старшего нотариуса помощник имел право замещать его на весь срок отсутствия. А при увольнении с должности старшего нотариуса его помощник выступал кандидатом на замещение этой вакансии. Не всегда она доставалась ему сразу. Так, Александр Семёнович Зеленков прежде, чем получил место старшего нотариуса Симбирского окружного суда, был помощником у старших нотариусов С.И. Дроздова, Б.К. Саранского и М.А. Павлова. Помощниками старшего нотариуса Симбирского окружного суда в разные годы также служили **Виктор Владимирович Никольский** (1912–1918) и **Анатолий Дмитриевич Порецковский** (октябрь 1916).

За 48 лет существования Симбирского окружного суда в нём сменилось около десяти старших нотариусов. Ниже приводятся краткие сведения о службе каждого из них.

Ефим Иванович Троицкий

Первым старшим нотариусом Симбирского окружного суда стал Ефим Иванович Троицкий, по прошению переведённый сюда из Устюженского окружного суда.

Происходил он из семьи священника, и сам какое-то время учился в Новгородской духовной семинарии, но, не окончив её, в 1856 году поступил в Новгородскую палату гражданского суда канцелярским служащим второго разряда. В том же году он получил благодарность от начальства за успешное ведение дел и порядок в ведении канцелярских книг. Не прошло и года, как он стал столоначальником, в 1859 году его повысили до протоколиста, в 1861 году дали коллежского регистратора. 4 августа 1861 года Троицкого перевели в крепостных дел писцы, а 27 апреля 1865 года определили в надсмотрщики и «приходорасходчики».

Когда началась судебная реформа, его назначили секретарём в Устюженский окружной суд. К 1869 году он уже имел чин титулярного советника и должностное жалование в 600 рублей. Вместе со столовыми и квартирными деньгами (по 300 рублей каждые) его годовая заработная плата составляла 1 200 рублей. В 1870 году, узнав об открытии в Симбирске окружного суда, Троицкий ушёл в отстав-

ку с прежней должности и подал прошение в Казанскую судебную палату о назначении его в Симбирский окружной суд.

Вначале его приняли на должность секретаря суда, но 8 декабря 1870 года по распоряжению председателя суда Б.П. Крейтера он был назначен исполнять должность старшего нотариуса. Было ему в ту пору 35 лет. За 22 года безупречной службы в должности старшего нотариуса Ефим Иванович поднялся по служебной лестнице от коллежского асессора до статского советника, получил в награду за службу орден Святого Станислава 2 степени (1880 г.). Представляя его к награде, председатель Симбирского окружного суда писал: «Вполне полезная, усердная и ревностная служба исправляющего должность старшего нотариуса председательствуемого мною суда, коллежского асессора Троицкого, в течение десятилетнего исправления им этой должности, в чём я убедился как из произведённой мною ревизии нотариального архива, так и из весьма лестных отзывов об отличном состоянии делопроизводства архива г.г. старших председателей Казанской Судебной палаты: бывшего Н.Н. Орлова и настоящего Н.М. Окулова, тоже ревизовавших архив, обращает на себя особое внимание и заслуживает по справедливости поощрения. Во внимание к примерной службе г. Троицкого я беру на себя смелость ходатайствовать перед Вашим Высочайшеуважаемым о награждении г. Троицкого знаком орденом Святого Станислава (оставлено место) степени. При сём прилагается копия с формулярного о службе его списка»¹³¹.

Летом 1892 года Ефим Иванович подал прошение об отставке. Её он мотивировал ухудшением здоровья. Прошение было удовлетворено, а поскольку за многолетнюю службу Троицкий уже имел право на пенсию, она и была ему учреждена Министерством юстиции 26 мая 1893 года в сумме 700 рублей¹³².

Но на этом служебная деятельность Ефима Ивановича не закончилась. Оставив должность старшего нотариуса, он подал прошение в суд о приёме его на должность младшего нотариуса Симбирска. Пройдя, как и положено, испытание перед членами суда, произнеся клятву, заплатив залог в 6 тысяч рублей, он был принят на желаемую должность и 27 сентября 1892 года открыл свою нотариальную контору прямо в здании суда.

К тому времени репутация честного и знающего юриста прочно закрепилась за Ефимом Ивановичем. Горожане избрали его в состав Симбирской городской думы, где он несколько лет возглавлял комиссию по управлению городским детским приютом, а также входил в комиссию по управлению городской бесплатной больницей¹³³.

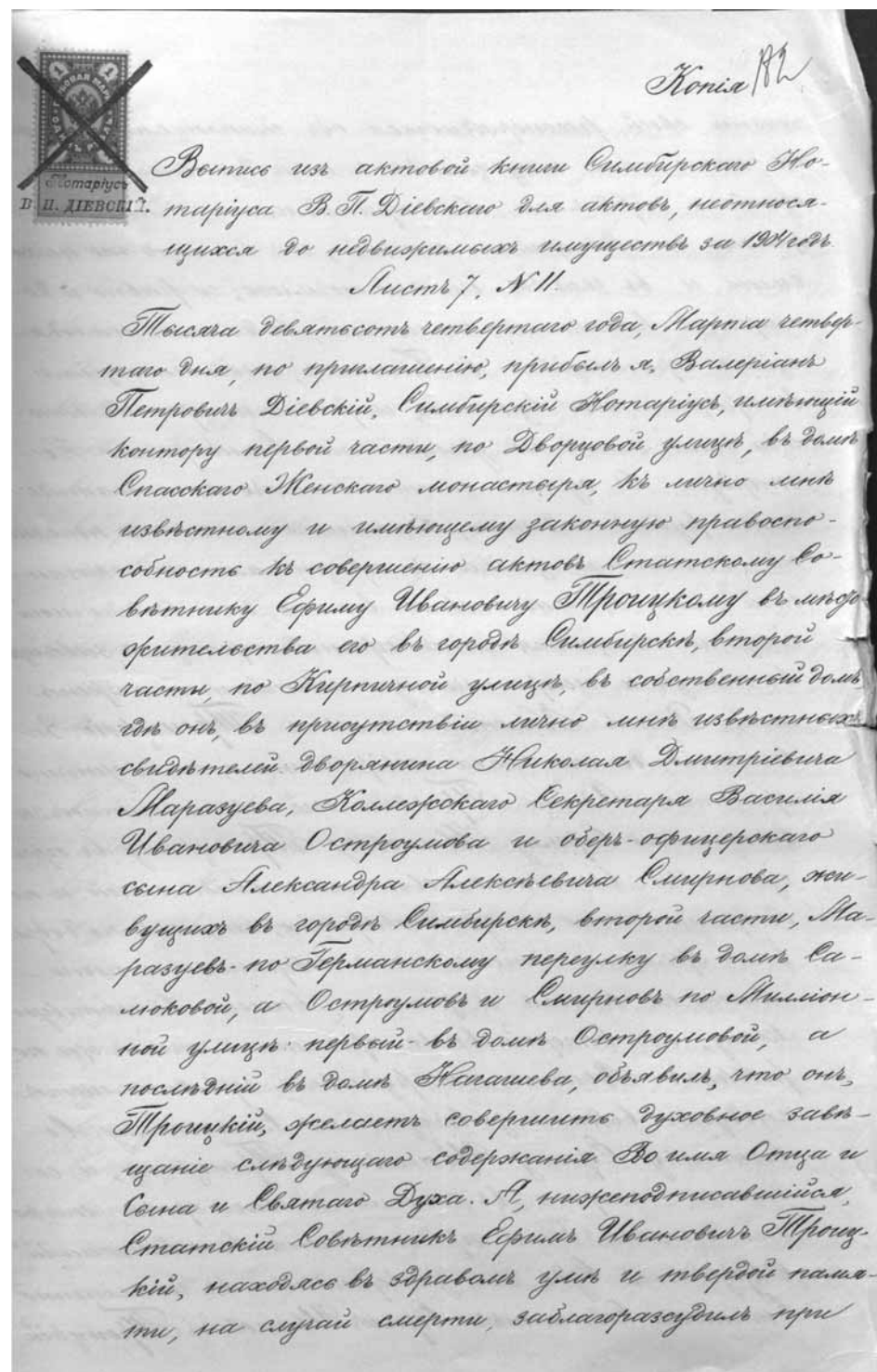
В марте 1904 года Троицкий занемог и, чувствуя приближение смерти, пригласил к себе домой молодого коллегу, нотариуса В.П. Диевского, чтобы продиктовать ему завещание.

¹³¹ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 82–82 об.

¹³² Там же. Всё дело.

¹³³ Список служащих всех ведомств в Симбирской губернии. — Симбирск, 1895 г. — С. 10.

Документ № 14. Духовное завещание Е.И. Троицкого, составленное нотариусом В.П. Диевским. 1904 г.

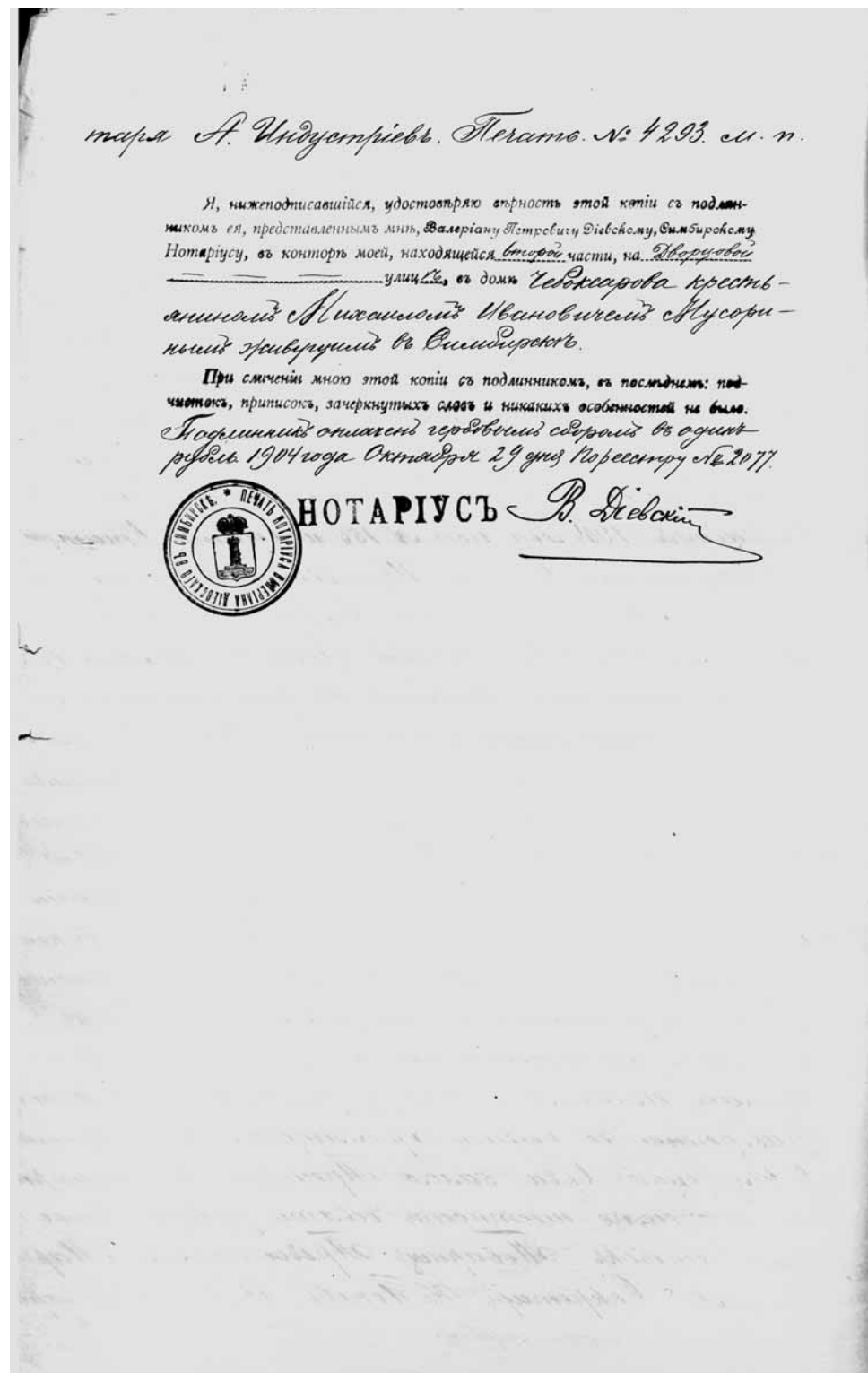
Документ № 14 (продолжение)

показан своей распорядиться объ принадлежащих остано-
 вля послѣ меня имущество и силъ духовнымъ завѣ-
 щаніемъ опредѣлено: все принадлежащее мнѣ дви-
 жимое и недвижимое имѣніе, гдѣ бы оно ни нахо-
 дилось и въ гдѣ бы ни заключилось, а равно и де-
 ловой капиталъ: наличный, въ долгахъ находя-
 щійся, хранящійся въ Банкахъ, заключающійся
 въ процентномъ бумагахъ, а равно и принадлежа-
 щій мнѣ залогъ по долговѣстности Сибирскаго Ад-
 министра въ суммѣ шести тысячъ ста пятиде-
 сати рублей и денотъ, внесенная мною на помяну-
 тое означеннаго залога съ процентами на указан-
 ной залогъ, однимъ словомъ все то, что въ день моей
 смерти окажется мнѣ принадлежащимъ, завѣщан-
 въ пачую и неограниченную собственность сына
 моего Дмитръ Константиновичъ Троицкой. За-
 вѣщанія, до сего числа совершенныя, силъ утѣже-
 раются. Аминь. Прочитъ сего акта публична-
 вѣщателью Сергію Ивановичу Троицкому въ при-
 сутствіи вѣдомостившихся свидѣтелей и по
 одобренію оного и удостовѣренію, что онъ одобри-
 вать желаетъ этотъ актъ совершить и поим-
 наетъ по слову и значенію, внесенъ въ актовую
 книгу, изъ которой вновь прочитанъ тѣмъ же по-
 рядкомъ. Засѣданіе на рублевомъ гербовомъ листѣ
 слѣдуетъ вѣдать завѣщателью Статскому Со-
 вѣтнику Сергію Ивановичу Троицкому, а со-
 дня со смерти въ теченіе годового срока, тако-
 вая долговѣстность представлена въ подписку
 Окружного Суду для утвержденія къ исполненію.
 Статскій Совѣтникъ Сергій Ивановичъ Троицкій.

Документ № 14 (продолжение)

183
 При совершеніи сего духовнаго завѣщанія свидѣ-
 телями были и удостовѣряли, что завѣщатель Стат-
 скій Совѣтникъ Сергій Ивановичъ Троицкій нахо-
 дится въ здравомъ умѣ и твердой памяти и что
 завѣщаніе это имъ подписано собственноручно. Дво-
 раникъ Николай Дмитриевичъ Марасуевъ. Ко-
 мандирскій Секретарь Василий Ивановичъ Остроушковъ.
 Овер-офицерскій сынъ Александръ Алексѣевичъ Кир-
 новъ. Нотариусъ В. Діевскій. Засѣданіе это, а сово-
 въ слово сходная съ подписаннымъ актомъ, внесена
 въ реестръ 1904 года подъ № 155 и вѣдана Статско-
 му Совѣтнику Сергію Ивановичу Троицкому по-
 вѣрною Марта тысяча девятисотъ четвертаго
 года. Нотариусъ В. Діевскій. Подпись. 13 Мая 1904
 года надпись эта одѣлана въ гражданскомъ от-
 дѣленіи Сибирскаго Окружного Суда въ томъ,
 что настоящее духовное завѣщаніе опредѣленнымъ
 Суду, отъ 11 Мая 1904 года, утверждено къ исполне-
 нію и вѣдано вѣдомъ Статскаго Совѣтника
 Дмитръ Константиновичъ Троицкой, по внесенію
 въ 3 руб. актовыхъ, 3 руб. на публикацію, 60 коп.
 канцелярскихъ пошлинъ и пятидесяти шести
 рублей тринадцати коп. наследственныхъ
 пошлинъ, наследственныхъ же пошлинъ въ
 суммѣ сорока шести рублей девяти коп.
 разсрочено до вѣдана хранящегося въ депозитѣ
 Окружного Суда залога Троицкаго въ разсчетъ
 сими тысяча шестисотъ девяти рублей чести-
 рахъ копѣекъ. Товарищъ Предсѣдателя Мар-
 теновъ. Секретарь Н. Поповъ. У. Д. пом. Секр.

Документ № 14 (окончание)

«Выпись из актовой книги Симбирского нотариуса В. П. Диевского
для актов, не относящихся до недвижимых имуществ за 1904 год

Лист 7. № 1л.

Тысяча девятьсот четвёртого года, марта четвёртого дня, по
приглашению, прибыл я, Валериан Петрович Диевский, симбирский
нотариус, имеющий контору первой части по Дворцовой улице, в до-
ме Спасского женского монастыря, к мною лично известному и име-
ющему законную правоспособность к совершению актов статскому
советнику Ефиму Ивановичу Троицкому, в местожительство его в
городе Симбирске, второй части по Кирпичной улице, в собственном
доме, где он, в присутствии лично мне известных свидетелей, дво-
рянина Николая Дмитриевича Маразуева, коллежского секретаря
Василия Ивановича Остроумова и обер-офицерского сына Александра
Алексеевича Смирнова, живущих в городе Симбирске второй части,
Маразуев по Германовскому переулку, в доме Салюковой, а Остров-
ский и Смирнов по Миллионной улице, в доме Нагишева, объявил,
что он, Троицкий, желает совершить духовное завещание следующе-
го содержания: Во имя Отца и Сына и Святого духа я, нижеподпи-
савшийся статский советник Ефим Иванович Троицкий, находясь в
здравом уме и твёрдой памяти, на случай смерти, заблагорассудил
при жизни своей распорядиться об имеющем остаться после меня
имуществе и сим духовным завещанием определяю: всё принадлежа-
щее мне движимое и недвижимое имение, где бы оно не находилось
и в чём бы не заключалось, а равно и денежный капитал: наличный,
в долгах находящийся, хранящийся в банках, заключающийся в про-
центных бумагах, а равно и принадлежащий мне залог за должность
симбирского нотариуса в сумме 6 150 рублей и деньги, внесённые мною
на пополнение означенного залога с процентами на означенный залог,
одним словом всё то, что в день моей смерти окажется мне при-
надлежащим, завещаю в полную и нераздельную собственность же-
не моей Раисе Константиновне Троицкой. Завещания, до сего числа
совершённые, сим уничтожаются. Аминь. Проект сего акта читан
завещателю Ефиму Ивановичу Троицкому в присутствии вышепои-
менованных свидетелей и по одобрении оного и удостоверении, что он
по доброй воле желает этот акт совершить и понимает его смысл
и значение, внесён в актовую книгу, из которой вновь прочитан тем
же порядком. Выпись на рублёвом гербовом листе следует выдать за-
вещателю — статскому советнику Ефиму Ивановичу Троицкому, а со
дня его смерти в течение годового срока таковая должна быть пред-
ставлена в надлежащий Окружной суд для утверждения к исполне-
нию. Статский советник Ефим Иванович Троицкий. При совершении
сего завещания свидетелями были и удостоверяем, что завещатель,
статский советник Ефим Иванович Троицкий находится в здравом
уме и твёрдой памяти и что завещание им подписано собственноруч-
но: дворянин Николай Дмитриевич Маразуев. Коллежский секретарь
Василий Иванович Остроумов. Обер-офицерский сын Александр Алек-
сеевич Смирнов. Нотариус В. Диевский. Выпись эта, слово в слово
сходная с подлинным актом, внесена в реестр 1904 г. под № 155 и вы-

дана статскому советнику Ефиму Ивановичу Троицкому четвёртого марта тысяча девятьсот четвёртого года. Нотариус В. Диевский. (Печать). В мае 1904 года надпись эта сделана в гражданском отделе Симбирского окружного суда в том, что настоящее духовное завещание определением суда от 11 мая 1904 года утверждено к исполнению и выдано вдове статского советника Раисе Константиновне Троицкой, по внесении ею трёх рублей актовых, трёх рублей на публикацию, шестидесяти копеек канцелярских пошлин и пятьдесят шесть рублей тринадцать копеек наследственных пошлин. Наследованные же пошлины в сумме семидесяти шести рублей девяносто копеек рассрочены до выдачи хранившегося в депозите окружного суда залога Троицкого в размере семи тысяч шестисот девяти рублей четырёх копеек. Товарищ председателя Мартынов. Секретарь Н. Попов. И.д. помощника секретаря А. Индустриев. Печать № 4293 м.п.»¹³⁴.

После смерти Е.И. Троицкого в апреле 1904 года Министерство юстиции назначило его жене и дочери Конкордии пенсию в 350 рублей в год, которая составляла половину его прижизненной пенсии.

С 1892 года исполнять дела старшего нотариуса Симбирского окружного суда был назначен **Владимир Алексеевич Миловзоров (годы службы 1897–1902)**.

Сын священника В.А. Миловзоров родился 15 июля 1850 года. Окончил в 1872 году юридический факультет Петербургского Императорского университета с дипломом действительного студента и был определён Министерством юстиции кандидатом на судебные должности к прокурору Саратовской судебной палаты. Проработав там какое-то время, был откомандирован в 1876 году в распоряжение прокурора Тамбовского окружного суда и в том же году получил свой первый чин губернского секретаря. В последующие годы он работал защитником по уголовным делам в городе Борисоглебск, помощником следователя 2-го участка Борисоглебского уездного суда, затем 1-го участка Кирсановского уездного суда и 2-го участка Аткарского уезда Саратовской губернии; был помощником прокурора Саратовского окружного суда, в 1877 году — помощником секретаря того же суда. Самостоятельно он начал исполнять должность судебного следователя с 1880 года в Усть-Медведицком, затем в Пензенском окружном суде. В 1886 году он получил чин титулярного советника и несколько лет был мировым судьей в разных уездах Виленской губернии.

16 ноября 1892 года В.А. Миловзоров получил назначение исполняющего должность старшего нотариуса Симбирского окружного суда. К обязанностям он приступил 7 июля 1893 года. В Симбирске он жил в собственном доме, купленном у жены действительного статского советника Александра Николаи.

¹³⁴ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 23. — Д. 80. — Л. 182–183.

Проработав в должности старшего нотариуса восемь лет и дослужившись до чина статского советника, он подал прошение об отставке и 5 июля 1901 года согласно Высочайшему приказу был уволен со службы по болезни и с «мундиром». К этому времени его стаж в органах юстиции составил 25 лет. После освидетельствования врачебной комиссией, признавшей у него «катар желудка и грудную жабу», В.А. Миловзоров получил годовую пенсию в 381 рублем 20 копеек, вскоре замененную «на усиленную по болезни» в сумме 750 рублей в год. На постоянное место жительства он переехал в Пензу¹³⁵.

А в Симбирск на его место прибыл **Алексей Алексеевич Катаев (годы службы 1902–1908)**¹³⁶.

Как и два предыдущих старших нотариуса, он тоже был из семьи священнослужителей, родился 2 октября 1869 года в селе Ивановское Вятской губернии. В 1893 году окончил юридический факультет Московского университета с дипломом 1 степени, был причислен к Казанской судебной палате и определён ею кандидатом на судебные должности. Попеременно работал в гражданском и уголовном отделениях помощником следователей, прокурора, секретаря Вятского, затем Нижегородского окружных судов, мировым судьёй Игуменского уезда Минской губернии. В соответствии с законоположением Госсовета от 12 июля 1889 года «о преобразовании крестьянских и судебных учреждений в Виленской, Минской и Могилёвской губерниях» остался за штатом. Но уже 11 января 1902 года получил новое назначение исполняющего обязанности старшего нотариуса Симбирского окружного суда. В 1908 году А.А. Катаева назначили уездным членом Екатеринбургского окружного суда по Камышловскому уезду, и он покинул Симбирск¹³⁷.

Следующим старшим нотариусом Симбирского окружного суда стал **Эраст Александрович Зеленовский (годы службы 1908–1910)**.

Он родился 5 января 1873 года в семье мещан. В 1898 году окончил Киевский университет с дипломом 2 степени. По окончании университета был назначен младшим кандидатом на судебные должности в уголовный департамент Киевской судебной палаты, откуда переведен в Уманский окружной суд судебным следователем 4 участка. 17 ноября 1908 года получил должность старшего нотариуса в Симбирском окружном суде.

В Симбирск он приехал с женой Надеждой Захарьевной Шкуриной и четырьмя детьми. Помимо работы в суде, с 1909 года он стал вести уроки законоведения в мужской гимназии. Но к тому времени Э.А. Зеленовский уже был очень болен. Зимой 1910 года он поехал лечиться на черноморский курорт, а 24 февраля его брат со-

¹³⁵ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 23. — Д. 79.

¹³⁶ До прибытия А.А. Катаева должность старшего нотариуса временно исполнял М.А. Емельянов.

¹³⁷ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 33. — Д. 59.

обшил телеграммой Надежде Захарьевне, что ее муж умер в клинике Одессы¹³⁸.

После получения известия о смерти старшего нотариуса Э.А. Зеленецкого Казанская судебная палата назначила исполнять эту должность местного дворянина **Сергея Иннокентьевича Дроздова (годы службы 1910–1914)**, который приступил к обязанностям 29 марта 1910 года.

Сергей Иннокентьевич принадлежал к потомственным симбирским дворянам. Род Дроздовых был записан в 3-ю часть Симбирской дворянской родословной книги. Дворянство получил его дед, надворный советник, штаб-лекарь Нил Ефремович Дроздов, он же купил и небольшое имение в 33 крепостные души при селенье Малый Сиуч «Погибелки тож» Симбирского уезда, которое его сын благополучно продал в 1872 году, вскоре после рождения Сергея¹³⁹.

Сергей Иннокентьевич окончил юридический факультет Казанского университета и 14 июля 1897 года постановлением Казанской судебной палаты был откомандирован младшим кандидатом на судебные должности в Симбирский окружной суд. В течение последующих 13 лет он исполнял разные судебные должности. В первые годы служил помощником секретаря гражданского отделения суда, в 1898 году стал кандидатом на судебные должности. В 1900 году в Симбирском окружном суде его «подвергли испытанию» на звание старшего кандидата на судебные должности. Экзамен он выдержал успешно, и члены суда постановили: *«Младший кандидат на должность по судебному ведомству Сергей Иннокентьевич Дроздов приобрёл вполне достаточную практическую подготовку для самостоятельных занятий, о чём и выдать ему удостоверение по представлению надлежащих пошлин»*.

С 1903 по 1908 год он несколько раз исполнял обязанности судебного следователя в Сенгилее и Симбирске, городского судьи (1904 г.) в городе Ардатове.

В Ардатове он поехал с женой, дочерью статского советника, Анной Кузьминичной Саранской. В 1907 году у них родился сын Борис, и вскоре семья вернулась в Симбирск. В 1910 году Сергея Иннокентьевича назначили исполнять должность старшего нотариуса

¹³⁸ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 50. — Д. 82.

¹³⁹ Н.Е. Дроздов (ок. 1792–1875.), сын священника. Окончил Казанскую семинарию, в 1821 году — Московскую медико-хирургическую академию. С 1825 года находился на службе в гг. Верхнеудинск, Якутск. В 1829 году, находясь в чине титулярного советника, был определен в Симбирскую врачебную управу. Первая жена — дочь купца Александра Степановна Костромитинова. Дети: Николай (1826 г., Якутск), Константин (1828 г., Якутск), Иннокентий (22.07.1830 г., Якутск), Владимир (1838 г., Симбирск), Михаил (1844 г., Симбирск). Дети от брака с Еленой Яковлевной (дочь отставного капитана Якова Григорьева): Александр (1850 г., Симбирск), Пётр (1852 г., Симбирск), Виктор (1857 г., пригород Юшанск).

И.Н. Дроздов — сын Н.Е. Дроздова и отец С.И. Дроздова. Жена Елена (Элеонора) Карловна (лютеранка). Дети: Сергей (1.03.1872 г., Симбирск), Александра (1870 г., Симбирск), Елена (1875 г., Симбирск). ГАУО. — Ф. 45. — Оп. 1. — Д. 21. Все дело.

Симбирского окружного суда. Согласно паспортной прописке в эти годы Дроздовы жили в доме № 21 по Мартыновой улице (ныне ул. Радищева).

В свободное от основной службы время с разрешения Казанской судебной палаты С.И. Дроздов давал уроки законоведения во 2-ой Симбирской мужской гимназии и Землемерном училище. Но зарабатываемых средств, видимо, было недостаточно для обеспеченной жизни в губернском городе, и в 1913 году С.И. Дроздов, получив чин коллежского советника, обратился с прошением о переводе его нотариусом в Сызрань на место ушедшего в отставку по болезни нотариуса Василия Львовича Софотерова. В октябре 1914 года С.И. Дроздов подает прошение об освобождении его от должности члена суда и уходит в отставку «с мундиром» (так как уже прослужил 10 лет на судебных должностях), после чего получает разрешение работать нотариусом в Сызрани. В то же время решается вопрос о начислении ему пенсии от казны. С 22 мая 1915 года он получает пенсию в сумме 1 100 рублей¹⁴⁰.

Вместо С.И. Дроздова старшим нотариусом Симбирского окружного суда Казанская судебная палата утвердила его шурина Бориса Кузьмича Саранского.

Борис Кузьмич Саранский (годы службы 1913–1915) был сыном статского советника Кузьмы Николаевича Саранского. Он родился в Симбирске 13 декабря 1876 года. Окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию, в 1901 году — юридический факультет Казанского университета с дипломом 2 степени. В июне того же года Казанской судебной палатой был определён в Симбирский окружной суд кандидатом на судебные должности. Спустя год он женился на дочери симбирского купца Ольге Алексеевне Петровой. Работая в суде, как и другие кандидаты на судебные должности, он исполнял разные обязанности, пока в 1907 году его не назначили членом уездного суда по Буинскому уезду. В Буинске он проработал до конца 1912 года. 7 января 1913 года Казанская судебная палата утвердила его в должности старшего нотариуса Симбирского окружного суда вместо переведённого в Сызрань С.И. Дроздова. Заменил он его и в Землемерном училище, давая уроки законоведения. 13 августа 1915 года Б.К. Саранский в чине коллежского асессора ушёл в отставку с должности старшего нотариуса и занял место судебного следователя. В 1916 году за службу в судебном ведомстве Б.К. Саранский получил первый орден — Анну II степени¹⁴¹.

В августе 1916 году исполнять дела старшего нотариуса был назначен **Михаил Александрович Павлов**, но проработал он на этой должности всего год.

Последним старшим нотариусом Симбирского окружного суда стал **Александр Семёнович Зеленков**.

¹⁴⁰ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 29. — Д. 30.

¹⁴¹ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 32. — Д. 50.

Нотариус А.С. Зеленков с женой. Нач. XX в.
Фонды ГИМЗ «Родина Ленина»
(публикуется впервые)

Он был младшим сыном богатого купца Семёна Ивановича Зеленкова, у которого в Симбирске была крупная бакалейная торговля. После окончания юридического факультета Казанского университета по распоряжению Казанской судебной палаты и по личному прошению А.С. Зеленков с 23 июня 1907 года был определён младшим кандидатом на судебные должности в Симбирский окружной суд.

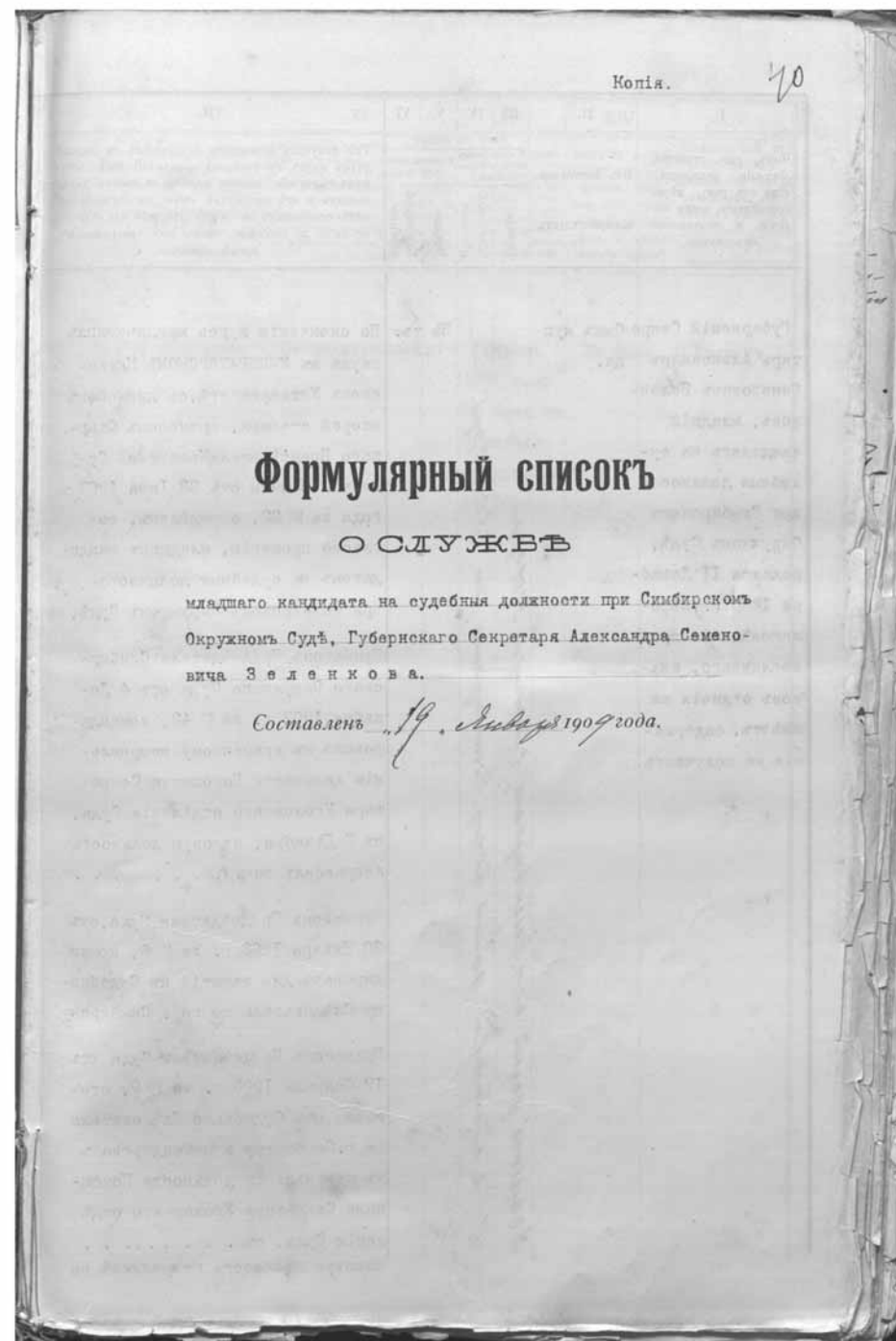
За десять лет службы ему пришлось быть и помощником секретаря уголовного суда, и по-

Дом купцов Зеленковых на ул. Гончарова (конец 1920-х гг.)

мощником судебного следователя, и самим судебным следователем, а также городовым судьёй по Симбирску. В конце 1909 года его назначили временно исполнять обязанности находившегося на

Документ № 15. Формулярный список А.С. Зеленкова. ГАУО
(публикуется впервые)

Документ № 15 (окончание)

[illegible][illegible]

лечения старшего нотариуса Э.А. Зеленецкого. Когда старшим нотариусом был назначен С.И. Дроздов, Александр Семёнович стал его помощником. Оставался он им и при старших нотариусах Борисе Кузьмиче Саранском и Михаиле Александровиче Павлове. Наконец, 20 ноября 1917 года Александр Семёнович сам стал старшим нотариусом Симбирского окружного суда, и оставался им до упразднения этой должности в 1918 году. К этому времени он уже имел чин коллежского советника. С женой Марией Степановной (по отцу Голчина) и сыном Андреем он жил в собственном доме на улице Шатальной¹⁴². После революции след старшего нотариуса Александра Семёновича Зеленкова затерялся.

«ПОЛОЖЕНИЕ О НОТАРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ»

«Положение о нотариальной части», утверждённое Государственным Советом 14 апреля 1866 года, явилось отправной точкой в деятельности всех нотариальных контор. Оно содержало основные требования, предъявляемые к этой категории лиц.

Согласно Положению в нотариусы принимались только российские подданные, совершеннолетние, не состоявшие под судом и не занимавшие никакой иной государственной или общественной должности. Желавшие заступить на вакантное место нотариуса должны были подать заявку в соответствующую судебную палату, затем с её одобрения выдержать испытание перед Общим собранием губернского окружного суда на знание нотариального делопроизводства¹⁴³. Если комиссия находила, что испытуемый имеет хорошую подготовку, то после прохождения процедуры утверждения в судебной палате он получал право открыть свою нотариальную контору в указанном месте, предварительно приняв присягу и внеся денежный залог «на случай неправильных его по должности действий». Сумма залога утверждалась Министерством юстиции и Министерством внутренних дел и была различной для каждой местности. В губернских городах первичная сумма залога не превышала 6 тысяч рублей, в уездных городах она была в два раза ниже. Деньги вносились как наличными, так и в ценных бумагах какого-либо банковского учреждения и хранились в Государственном казначействе. Ежегодно нотариус должен был пополнять сумму залога до установленного размера, перечисляя на личный счёт определённый процент от заработка. Верхняя граница залога в губернских городах составляла 15 тысяч рублей, в уездных — 10 тысяч. Залог за должность был основной гарантией для клиентов нотариальных контор, поскольку государство за деятельность нотариусов не несло никакой материальной ответственности.

¹⁴² ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 38. – Д. 48.

¹⁴³ Руководящий совещательный орган окружного суда. Собрание состояло из председателя, его заместителя, секретаря, прокурора и нескольких членов суда.

Таким образом, изначально младшие нотариусы в отличие от старших оказывались в двойственном положении. С одной стороны, они считались государственными служащими с чином VIII класса Табеля о рангах, но не имели прав на производство в дальнейшие чины и на получение пенсии по возрасту. За выслугу лет и добросовестную службу они могли получать ордена Святой Анны и Святого Владимира, а после десяти лет безупречной службы им разрешалось присуждать звание «личный почётный гражданин», но не более того. С другой стороны, нотариусы занимались своей деятельностью на коммерческой основе и были независимы от произвола чиновников. Из собственных средств они платили за аренду конторы, производили необходимые закупки книг, чернил, бумаги, оплачивали заказ на изготовление личной печати. Кроме этого с доходов конторы они отчисляли гербовые и местные сборы. Вознаграждение за труд нотариус получал либо по взаимной договорённости с клиентом, либо, если таковая не была согласована, рассчитывал по таксе, утверждённой правительственным распоряжением от 27 июня 1867 года. Обычно годовой заработок нотариуса не превышал 25 процентов от общего дохода его нотариальной конторы.

Первоначальный вариант Положения о нотариальной части был далек от совершенства, поэтому его решено было доработать с учётом пожеланий нотариусов страны. Постановление об этом Министерство юстиции приняло 27 апреля 1871 года, а в мае 1871 года из его законодательного отделения на имя председателя Симбирского окружного суда пришёл циркуляр. В нём содержалось распоряжение о проведении опроса среди нотариусов Симбирской губернии о том, как на практике ими применяется Положение о нотариальной части, и что, на их взгляд, необходимо изменить в данном документе.

До октября в Окружной суд приходили ответы нотариусов. Кто-то из них, как, например, старший нотариус Ефим Иванович Троицкий и нотариус Давид Осипович Колосов, посвятившие многие годы нотариальной службе, не высказали никаких замечаний в отношении нового Положения, как они пояснили, «из-за краткости его пользованием». У нотариуса из Симбирска Валентина Ивановича Сурова было одно замечание, которое он сформулировал так: «о стеснительности при совершении засвидетельствования подлинности подписей по установленной форме». Он считал, что просителю при подписании нотариального акта приходится засвидетельствовать свою подпись ещё в нескольких документах (в реестре, в книге сборов пошлин), на что тратится лишнее время как клиента, так и нотариуса. По мнению Сурова, достаточно было бы оставить одну запись: «удостоверяю, что документ этот подписан таким-то, нотариус такой-то, и затем записать засвидетельствование в одну книгу сборов, собственно ввиду необходимости учёта сборов»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 26.

Наиболее пространные предложения прислали нотариусы Виктор Николаевич Умнов из Сызрани и Дмитрий Семёнович Трусов из Алатыря.

Трусова, поскольку он работал в уездном городе с небольшим количеством населения, волновали те пункты Положения, где говорилось о предоставлении отпусков ежегодных и по болезни. Он считал, что порядок ухода нотариуса в отпуск только лишь при условии, что он найдёт себе на срок отсутствия подходящую замену, кому бы он смог доверить контору, не совсем удобен. «Там, где найти подобного человека почему-либо окажется невозможным и отпуск нотариуса невозможен», — резюмировал он. И предлагал в ст. 39 Положения включить следующую запись: «предоставить нотариусу право пользоваться шестинедельным вакантным временем и, кроме этого, отпуск ему разрешить на общем основании, как для всех должностных лиц, с возложением обязанностей нотариуса на одного из кандидатов на судебные должности данного суда».

В статье, где говорилось о порядке удостоверения правоспособности, Трусов также усмотрел недочёты. «Личное удостоверение в правоспособности сторон нотариус едва ли сделает неосмотрительно и поставит себя в ответственность за лицо, оказавшееся неправоспособным. Удостоверение в правоспособности сторон через свидетелей никого не гарантирует ввиду того, что большинство свидетелей, удостоверяющих правоспособность лиц, неизвестны нотариусу, в случае неправильного удостоверения в правоспособности лица не рискуют ничем (обычным свидетелям нотариуса рисковать нечем). Убедиться же нотариусу лично относительно лица незнакомого, соответствует ли он тем требованиям закона, ссылки на который содержатся в статьях 20 и 22 Указа от 3 ноября 1867 года, не представляется возможным...»¹⁴⁵. По его мнению, в удостоверении правоспособности лица необходимо брать с него только подписку. Он также считал, что надо упростить и удешевить обряд утверждения крепостных актов.

9 октября 1871 года на совместном заседании Общего собрания Симбирского окружного суда и прокурора А.А. Головинского были рассмотрены все полученные предложения нотариусов. Заслушав их, присутствующие высказали своё к ним отношение. Большинство предложений были расценены как несущественные. Предложение Д.С. Трусова в отношении отпусков нотариусов члены суда посчитали «возможным всегда разрешить в рабочем порядке», не внося изменения в законодательство. Два замечания были признаны «существенными», в том числе и второе замечание Д.С. Трусова. «Исключить из Нотариального Положения пункт о порядке установления правоспособности через свидетелей, ничем не ответствующих за ложные показания, ограничившись при совершении и засвидетельствовании актов лишь удостоверением в самоличности лица, в удостоверении же правоспособности брать только личную о том подпись». С предложением В.И. Сурова члены суда также согласились,

¹⁴⁵ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 2. — Д. 2. — Л. 5—5об.

внеся своё уточнение: «при записи засвидетельствования только в книгу сборов необходимо, чтобы при помете на надписи о засвидетельствовании номер одного означал, что этот номер относится именно к книге сборов».

Одобрённые в процессе заседания изменения и дополнения к Положению о нотариальной части были переправлены в Министерство юстиции¹⁴⁶.

Как и старшие нотариусы, рядовые нотариусы Симбирской губернии в своей работе руководствовались правилами, напечатанными в «Особом наказе Симбирского окружного суда».

Правила для нотариуса

238

Нотариусы обязаны ежедневно находиться в своих нотариальных конторах от 9 часов утра до 3 часов пополудни.

239

Перед наступлением каждого года нотариусы обязаны представить в Окружной Суд для скрепы и приложения печати реестры, в которых с наступлением каждого года нумерация начинается с № 1. Если реестр будет исписан до истечения года, то нотариусу выдаётся новый реестр, в котором продолжается нумерация текущего года.

240

При представлении нотариусом новых актовых книг заготавливается им и новый реестр, хотя бы прежний не был ещё исписан и хотя бы это случилось до истечения года. В этом случае нумерация в новом реестре начинается с номера, непосредственно следующего за тем, под которым записана последняя статья в прежнем реестре.

241

В реестре, в 4-ой графе, при означении количества внесённого сбора указывается, под какую статью поступление этого сбора записано в книги сборов; а в расписке, в графе пятой реестра, расписавшийся означает и место своего постоянного жительства.

242

На каждом проекте нотариального акта (положение о нотар. части ст. 88 и 92) должно быть означено «проект акта».

243

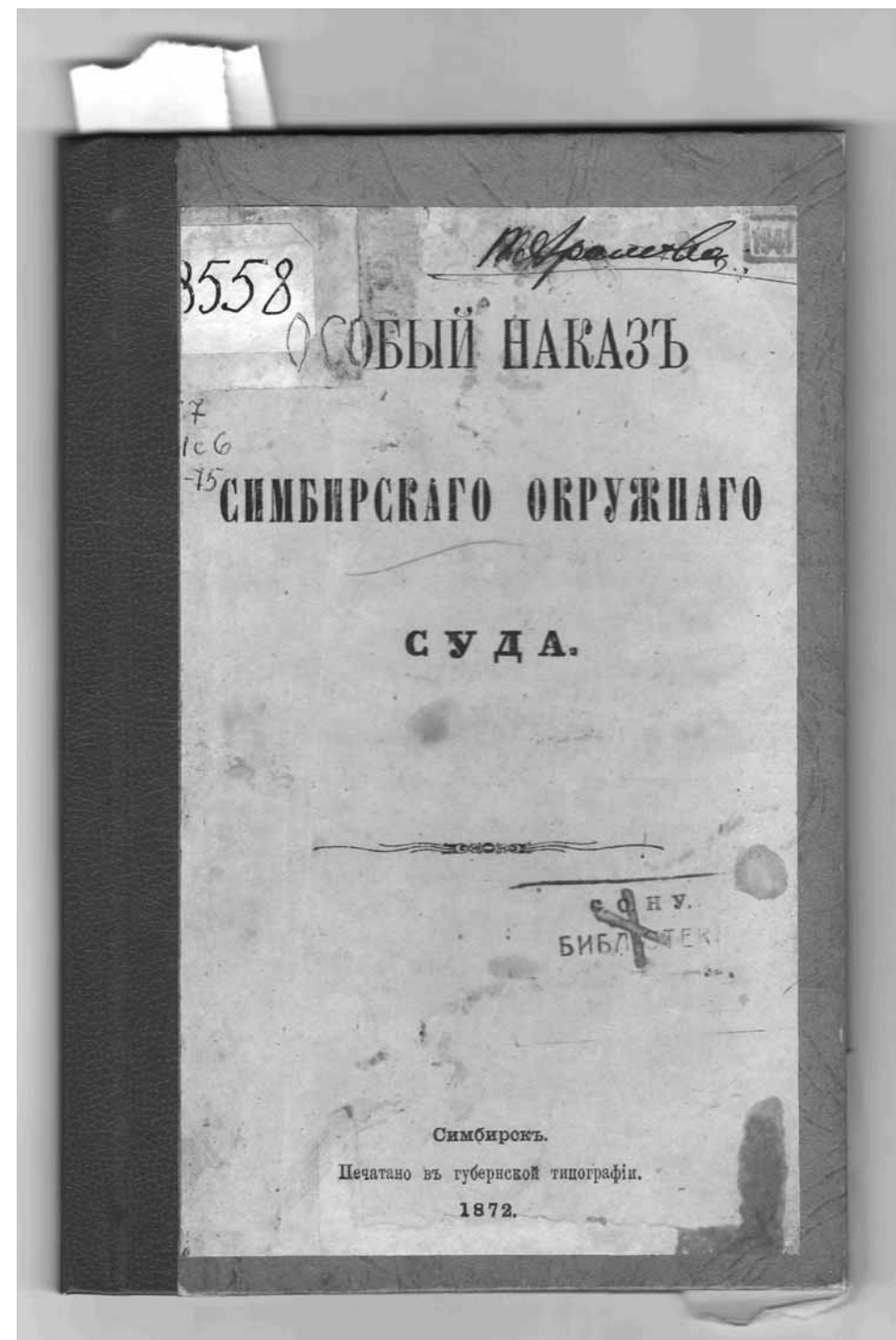
Подписание акта в актовой книге всеми участвующими в совершении акта лицами и свидетелями должно происходить одновременно и в одном и том же месте.

244

Совершение нотариального акта записывается в реестр в тот день, когда акт подписан договаривающимися лицами, свидетелями и нотариусом в актовой книге.

¹⁴⁶ ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 25–26.

Документ № 16. Обложка книги «Особый наказ Симбирского окружного суда». УОНБ, краеведческий отдел

245

Выдача первоначальных выписей не отмечается в реестре под особым номером, а получатель такой выписи даёт расписку в 5-ой графе реестра, против того номера, под которым записано совершение акта. Выдача вторичных и последующих выписей, а также копий актов, внесённых в актовую книгу, означает в реестре особою статьею.

246

В 4-ой графе актовой книги при означении, кому и когда выдана копия или вторичная, или последующая выпись, отмечается, в какой статье реестра имеется расписка получателя.

247

В случае совершения или засвидетельствования акта не в конторе своей, а на дому (положение о нотар. части ст. 114) нотариус обязан в самом акте или надписи о засвидетельствовании, а также и в реестре означить, где именно совершены акт или засвидетельствование.

248

При засвидетельствовании верности копии с представленного документа (положение о нотар. части, п. 1 ст. 128 и ст. 132) нотариус обязан означить на подлиннике, кому и когда выдана копия.

249

При отказе в совершении требуемого засвидетельствования или акта нотариус, по желанию просителя, должен выдать ему за своего подписью письменное удостоверение о причине отказа с указанием времени объявления отказа.

250

Нотариус обязан по требованию лица, передавшего ему документ для засвидетельствования, протеста или другой цели, выдать расписку в получении документа.

251

В случае необходимости получить при составлении акта или засвидетельствовании сведений из дел судебного или правительственного установления или должностного лица, либо получить копию или выписку из акта находящегося в делах какого-либо присутственного места или должностного лица. Нотариус может выдать, по применению к 452 ст. уст. гражд. судопр., лицу, для которого совершается акт или засвидетельствование, свидетельство в том, что сведения или копия с акта необходимы.

252

При представлении в нотариальный архив актовых книг с реестрами (положение о нотар. части ст. 34) представляются туда и алфавитные указатели.

253

В конторе нотариуса должна быть на видном месте вывешена печатная такса вознаграждения нотариусов, ВЫСОЧАЙШЕ утверждённая 27 июня 1867 года.

254.

Нотариусы обязаны ежемесячно доставлять в отделение Государственного Банка ведомость о совершённых в истекшем месяце протестах векселей с показанием, кем, кому и на какую сумму выданы вексели и когда протестованы¹⁴⁷.

Из приведённых выше Правил видно, что они не содержали ничего лишнего. Деятельность нотариусов в них была прописана чётко и лаконично.

ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ

Общий вид Алатыря, уездного города Симбирской губернии. С открытки начала XX в.

Согласно Положению о нотариальной части окружные суды должны были регулярно проводить ревизии нотариального архива и подведомственных нотариальных контор. Как это осуществлялось на деле, рассмотрим на нескольких примерах.

9 октября 1879 года Общее собрание Симбирского окружного суда слушало предложение председателя суда Б.П. Крейтера о производстве ревизии в конторах нотариусов Сызрани, Алатыря и Ардатов. В постановлении говорилось: «Принимая во внимание:

1) что в силу 420 ст. Учр. Суд. Уст., 54 ст. Пол. о нотар. части и циркуляра Мин. юст. от 31 мая 1874 года за № 10473 Окружному суду принадлежит надзор за исполнением нотариусами своих обязанностей;

¹⁴⁷ Особый наказ Симбирского окружного суда. — Симбирск, 1872. — С. 43–56.

2) что, на основании 58 ст. Пол. о нотар. части книги и дела нотариусов могут быть во всякое время освидетельствованы по усмотрению Окружного суда лицами, которые сие от него поручено будет;

3) что обревизование нотариальных контор в городах Сызрани, Алатыре и Ардатове представляется полезным как в видах надзора, так и предупреждения со стороны нотариусов каких-либо неправильных действий. Окружной суд согласно с заключением прокурора определяет: произвести ревизию делопроизводства в городе Сызрани через члена суда П.С. Хлопонина, в Алатыре — через председательствующего на сессии члена суда С.Г. Победаша и Ардатове — через председательствующего на сессии члена суда Г.И. Алякринского»¹⁴⁸.

Во время сессии суда в городе Ардатове с 1 по 14 ноября 1879 года Г.И. Алякринский ревизовал нотариуса Николая Валентиновича Сурова. Для ревизии были взяты его книги с 1878 год по октябрь 1879 года. Осмотрев их, проверяющий обнаружил несколько ошибок. Где-то неверно были указаны суммы, оговоренные в документе, где-то выявлены ошибки в записях фамилий клиентов. Проверка также показала, что Н.В. Суров несвоевременно вносил налоги в городскую кассу. Резюме проверяющего было жёстким: «Порядок ведения дел не соответствует требованиям законодательства, и объяснения Ваши по этому предмету не заслуживают уважения». Видя, что самостоятельно заниматься нотариальной деятельностью ему ещё рановато, Н.В. Суров перевёлся в Симбирск, в контору отца Валентина Ивановича Сурова, которая находилась на Большой Саратовской улице, в доме Конурина¹⁴⁹. Он помогал отцу оформлять документы и нередко замещал его во время отпусков.

При ревизии симбирских нотариусов Николая Сергеевича Фёдорова и Давида Осиповича Колосова также были выявлены серьёзные упущения в работе. В их книгах обнаружены были приписки, хотя и «оговоренные законным порядком». Кроме того, у них хранились опротестованные векселя, «но не выданные предъявителям». У Колосова их оказалось на сумму в 5 362 рубля, у Фёдорова — на 1 575 рублей¹⁵⁰.

6 октября 1879 года проверка коснулась двух сызранских нотариусов: Владимира Ивановича Балдина и Александра Титовича Макарова. Проверял их член суда, опытный юрист Павел Семёнович Хлопонин.

В работе А.Т. Макарова, нотариальный стаж которого составлял пять лет, он нашёл много недочётов. Его залоговая пошлина за должность 2 500 рублей за всё время ведения дел практически не пополнялась, хотя в год вознаграждение нотариуса составляло 1 200 рублей, столько же, сколько получал за свой труд старший нотариус в окружном суде. В конторе Макарова не велись ведомости «для росписи документов, для записи входящих и исходящих бумаг». Отметил

¹⁴⁸ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 10. — Д. 8. — Л. 1—10б.

¹⁴⁹ Там же. Л. 2—7, Л. 34, 44об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 12—13.

проверяющий ещё один настораживающий факт: «в конторе у Макарова присутствуют постоянно три-четыре лица, которые получают за свидетельство актов вознаграждения, они являются постоянными свидетелями совершения всех актов, в том числе и духовных завещаний». Привёл Хлопонин в отчёте и фамилии этих свидетелей — провинциального секретаря Николая Фёдоровича Быстрова, запасного унтер-офицера Ивана Наумовича Гурьянова и отставного унтер-офицера Фёдора Сафоновича Лейбовича. «Они расписались во всех случаях, где требуется за неграмотностью. В реестре Макарова масса случаев такого рода: свидетельствуются явка или протест векселя, подписанные за неграмотных векселедателей бланкоподписателем, означенным выше Быстровым, который расписывается и за неграмотного предъявителя векселя в получении последнего обратно от нотариуса. При таких условиях возможны всякие подлоги и другие злоупотребления», — записал в ревизионном отчёте 22 декабря 1879 года Хлопонин¹⁵¹.

Забегая вперёд, нужно сказать, что вскоре так и случилось. В том же году А.Т. Макарова обвинили в подлоге векселя на сумму в 2 000 рублей. Правда, в тот раз дело для него завершилось благополучно.

В конце 1882 года А.Т. Макарову было указано на совершённое им новое «противозаконное действие». Оно заключалось в том, что 9 ноября 1882 года он выдал в своей конторе расписку о проданной лошади крестьянину Ивану Мазину от имени Афанасия Мазина, «не удостоверившись в тождестве лиц», от имени которых была совершена расписка (ст. 462 Улож. о наказ.). С продажей лошади вышел скандал, дело разбиралось в суде и завершилось лишь 3 марта 1884 года. Пока длилось следствие, А.Т. Макаров не был даже отстранён от должности и успел попасть ещё в одну историю.

5 января 1883 года дворянин Пиотрович подал на него жалобу, в которой написал, что А.Т. Макаров отказался выдать ему копию с документа, да к тому же не принял письменную жалобу на свои действия, сославшись, что это дело он ведёт не как нотариус, а как частное лицо.

А всё началось с того, что Пиотровича уволил от управления своим имением сызранский землевладелец, титулярный советник Алексей Николаевич Амбразанцев-Нечаев, не заплатив ему положенных 5 400 рублей 47 копеек. Письменным заявлением через А.Т. Макарова он предложил Пиотровичу получить всего 3 674 рубля 66 копеек. Оформлять заявление в имение Амбразанцева-Нечаева в село Новоспасское А.Т. Макаров поехал по старой дружбе, как дворянин к дворянину.

Получив жалобу, окружной суд указал нотариусу, что он покинул свою контору не в выходной день, «не испросив разрешения у вышестоящего начальства», что являлось нарушением статей 37—39 Положения о нотариальной части и предусматривало наказание по статьям 469, 338 и 343 Уложения о наказаниях. А так как А.Т. Мака-

¹⁵¹ Там же. Л. 8—9об., 34, 44об.

ров передал заявление Пиотровичу в своей конторе, то обязан был предоставить и копию с него, раз того пожелал посетитель конторы. И это тянуло на нарушение статьи 142 Положения о нотариальной части. Согласно статье 62 того же документа нотариус не должен был отказывать клиенту в принятии письменной жалобы на себя.

Впрочем, Макарову всё сходило с рук до 1887 года. Осенью того года в селе Жемковке Сызранского уезда умирал крестьянин. С ним случился «удар», и он потерял речь. Прибывший к нему местный священник пытался «приобщить его к Святому Таинству», но тщетно. Не отвечал больной и на обращения соседей, пришедших к нему проститься. Когда городской полицейский Яков Николаевич Бирюков привёз к больному вечером того же дня нотариуса А.Т. Макарова и тот уединился с ним в избе, больной якобы пришёл в себя и надиктовал нотариусу три заёмных письма на имя своего племянника, вышеупомянутого городского полицейского Бирюкова, и дальних своих родственников: Саломиноиды Ефрасовой и Василия Борцова.

Спустя несколько дней крестьянин умер. Когда его сёстры узнали о составленных заёмных письмах, то подали в суд иск на нотариуса и других участников сделки. 24 августа 1888 года на Александра Титовича Макарова и его «подельников» завели уголовное дело. Разбирательство длилось два года. И хотя за неимением прямых улик уголовное обвинение с него опять сняли, окружной суд отправил в Казанскую судебную палату определение об увольнении А.Т. Макарова от должности. В нём говорилось: «Окружной суд находит, что целый ряд из года в год повторяющихся случаев привлечения нотариуса Макарова к ответственности, то в уголовном, то в дисциплинарном порядке, уже сам по себе служит достаточным доказательством, что он, Макаров, своими действиями не оправдывает того доверия, которое по закону и в глазах местного населения, обращающегося к содействию нотариуса, представляется нераздельным с этой должностью».

4 августа 1889 Макаров был уволен¹⁵².

Проверка нотариальных контор уездных городов Алатыря и Ардатова, проведённая в 1890 году членом Симбирского окружного суда Павлом Любимовичем Мартыновым, охватывала 1888—1889 годы и вскрыла недочёты в работе нотариусов Вениамина Михайловича Трапицына, Павла Петровича Лобанова и князя Дмитрия Николаевича Тенишева.

Вениамин Михайлович Трапицын открыл свою контору в Алатыре 5 февраля 1888 года. Князь Тенишев имел две собственные конторы. Первую он открыл в Ардатове и содержал её до первого сентября 1889 года, а 15 сентября он открыл контору уже в Алатыре. Поэтому П.Л. Мартынов ревизовал сразу две его конторы.

Чтобы нагляднее представить состояние дел в вышеназванных конторах, он по итогам проверки каждой из обязательных в конторе нотариусов книг составил небольшие сводные таблицы. Некоторые из них приведены ниже.

Документ № 17. Из материалов проверки П.Л. Мартыновым деятельности нотариальных контор Алатыря и Ардатова. ГАУО (публикуется впервые)

грамотного лица, а именно: поименованных рукоприкладчиков и свидетелей, с/у/у
в присутствии, когда
своими собственными актами являлись повторными, не нотариусами удостоверяемого само-
лично, а также повторными и правоспособности его, а не его доверенным, о чём имели нотариус
совершённый акт, на чём и следовало по 73-ей статье о нотариате и роли от 1878 г. № 254.

Также были замечены, касающиеся всех нотариусов, конторы коих были
имея обременены. По таковым, в том числе, следовало из них, за последние два
года, представлять в суд следующие виды:

1. Актовые книги для актов на недвижимые имущества.

	Число совершённых актов	
	1888 г.	1889 г.
Нотариусы: Трапицын	20	43
Лобанов	78	103
Князь Тенишев { по Алатырской конторе	"	21
{ по Ардамовской конторе	42	56

Всё акты подписаны авторами, свидетелями и нотариусами и имеют печать
о видах выписки.

2. Актовые книги для актов, не относящихся до недвижимых имущества.

	Число совершённых актов	
	1888 г.	1889 г.
Нотариусы: Трапицын	19	18
Лобанов	28	35
Князь Тенишев { по Алатырской конторе		по данному табл. по актам
{ по Ардамовской конторе	2	1

Нотариусы Трапицын и Лобанов (свою контору в Ардамовской конторе, по недвижимым имуществам)
указав, не указав на то, что большинство записанных, касающихся одного только недви-
мого имущества или движимого и недвижимого имущества выписки (Князь Тенишев) с/у-
рого разграничивая акты, касающиеся недвижимых имуществ, с/у-актов, совершае-
мых относительно только движимого имущества

¹⁵² ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 19. — Д. 46.

Таблица 3

Ф.И.О. нотариуса		Число совершённых актов			
		1888 год	1889 год		
Актовые книги для актов на недвижимое имущество					
В.М. Трапицын П.П. Лобанов		20 78	43 108		
Кн. Д.Н. Тенишев	по Алатырской конторе	—	21		
	по Ардаатовской конторе	42	56		
Актовые книги для актов, не относящихся к недвижимости					
В.М. Трапицын П.П. Лобанов		19 28	18 35		
Кн. Д.Н. Тенишев	по Алатырской конторе	—	Не совершалось		
	по Ардаатовской конторе	2	1		
Ф.И.О. нотариуса		Число статей			
		1888 год	1889 год		
Реестры					
В.М. Трапицын П.П. Лобанов		407 2257	1293 2795		
Кн. Д.Н. Тенишев	по Алатырской конторе	—	516		
	по Ардаатовской конторе	1941	1317		
Книги сборов					
Ф.И.О. нотариуса	Число статей	Сумма актов	Взыскано		
			За гербовую бумагу	По месту соверш. актов	Плата нотариусу
1888 г.					
В.М. Трапицын П.П. Лобанов	907 2 257	235 814 руб. 34 к. 418 109 руб. 16 к.	602 руб. 85 к. 1 079 руб. 10 к.	150 руб. 30 к. 128 руб.85 к.	607 р. 75 к. 1 135 р. 44 к.
Кн. Д.Н. Тенишев:		по Алатырской конторе сведения не представил			
		по Ардаатовской конторе сведения не представил			
1889 г.					
В.М. Трапицын П.П. Лобанов	1 293 2 795	278 736 руб. 25 к. 676 063 руб. 83 к.	921 руб.65 к. 1 398 руб. 65 к.	280 руб. 35 к. 206 руб. 05 к.	857 руб. 85 к. 1 716 руб. 11 к.

Окончание таблицы 3

Кн. Д.Н. Тенишев:	по Алатырской конторе	516	139 964 руб. 57 к.	298 руб. 81 к.	57 руб.	141 руб. 15 к.
	по Ардаатовской конторе	сведения не представил				

Замечания, общие и частные для всех проверяемых нотариусов, были обстоятельно записаны П.Л. Мартыновым и предоставлены окружному суду. Суть их сводилась к следующему.

В нотариальных конторах Алатыря и Ардатова, как и в других уездных конторах, находились постоянные рукоприкладчики.

Лица, являвшиеся к нотариусу, никогда не представляли готовых проектов, они писались сразу в конторах, что, по словам проверяющего, нарушало статьи 92 и 93 Положения о нотариальной части.

Нотариусы, вопреки ст. 94 Положения, в большинстве случаев не сохраняли у себя копии тех документов, которые представлялись для совершения актов, и не *«отбирали расписки в обратном получении их лицами, коим они были представлены»*.

Занося акты в реестры, нотариусы брали с клиентов только подпись, а расписки в получении акта не брали. Иногда в реестрах указывались только фамилии клиентов без имени и отчества.

Далее П.Л. Мартынов подчеркивал, что нотариус Трапицын получил вознаграждение больше установленной таксы и отметил в книге сборов не ту сумму, которую получил, а плату, следуемую по таксе. Наоборот, Лобанов и князь Тенишев записали в книгу сборов все взятые ими суммы, но они тоже не соответствовали таксе. Тенишев брал всегда выше таксы, Лобанов — очень часто ниже её.

Отметил П.Л. Мартынов и небрежность князя Тенишева в записях и на расписках. Например, такую: *«Сбор уплатила Осипова»*, а расписался Осипов. У него же по Ардаатовской конторе проверяющий нашёл пять актов, не оплаченных гербовым сбором. Был и ещё целый ряд замечаний¹⁵³.

На все замечания нотариусы должны были предоставлять объяснительные записки в суд, а там уже решался вопрос о вынесении им порицания.

¹⁵³ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 21. — Д. 5.

Очень часто ревизия заканчивались увольнением нотариуса от должности, если во время неё вскрывались серьёзные нарушения, как это было с А.Т. Макаровым.

Пристально следило судебное начальство и за моральным обликом подчинённых, очищая свои ряды от людей нечестных и авантюрных.

В 1884 году от должности нотариуса города Сызрани был уволен землемер-таксатор Кирилл Осипович Стрельников, на которого в 1883 году было заведено дело о присвоении им после умершего дворянина Николая Ивановича Базилева векселей на сумму 7 500 рублей, доверенных Стрельникову якобы как частному лицу. Симбирский окружной суд усмотрел в этом деле должностное преступление. Казанская судебная палата, отстаивая «честь мундира», в возбуждении дела по обвинению Стрельникова в должностном преступлении отказала и передала дело в уголовный суд¹⁵⁴.

Но А.Т. Макаров и К.О. Стрельников были все же исключением из правил, большинство нотариусов оставались людьми честными, исправно исполняли свои обязанности.

За неполных полвека, с 1870 до 1918 года, в Симбирской губернии сменилось около 70 младших нотариусов.

Среди нотариусов попадались люди случайные и те, кто отдал нотариальной службе большую часть жизни. Некоторые из нотариусов имели университетское юридическое образование, а кто-то осваивал азы профессии частным порядком. Так же различна была и социальная принадлежность нотариусов. В первые годы существования нотариальной службы среди нотариусов встречалось больше лиц из дворянского сословия, таких как Суров, Макаров, Куракинский, князь Тенишев, Симогулов, Саранский. В начале XX века в нотариусы пошли представители торгового класса, священники, дети офицеров.

Нотариальные конторы обычно располагались в самых людных и удобных для посетителей местах города.

Дворцовую улицу в Симбирске (ныне ул. Карла Маркса), по праву можно назвать улицей нотариусов, поскольку на ней размещалась большая часть нотариальных контор города. Одна из них находилась в здании окружного суда, другая — напротив него, в бывшем доходном доме купца Ивана Осиповича Буско.

О доме Буско следует сказать особо, так как редко кто из симбирских нотариусов не снимал в нём, хотя бы на время, помещение для своей конторы. Это трёхэтажное здание, стоявшее на углу улиц Большой Саратовской (позже ул. Гончарова) и Дворцовой, принадлежало семье Буско с первой половины XIX века. После большого симбирского пожара в здании разместились гостиница «Пассаж». В 1875 году со стороны двора Буско пристроил к дому большую террасу, вскоре переделав её в закрытое помещение. Одновременно по Дворцовой улице им был построен ещё один трёхэтажный дом, соединённый с

Дом И.О. Буско — А.П. Конурина (угол ул. Гончарова и Дворцовой ул.). 1880-е гг. Фото УКМ

первым аркой. После чего в просторном домовладении помимо гостиницы разместились многочисленные частные мастерские, магазинчики и конторы. В 1893 году наследники И.О. Буско продали доходный дом купцу А.П. Конурину, владельцу соседнего строения¹⁵⁵.

В начале Дворцовой улицы (на пересечении её со Спасской улицей), в доходном доме купца Андреева, размещалась ещё одна, третья по счету, нотариальная контора. А в нескольких десятках метров от неё, на территории Спасского женского монастыря, в помещении, сдаваемом монастырём в наём, находилась четвёртая городская нотариальная контора.

Такое расположение нотариальных контор не было случайным. Дворцовая улица и пересекавшая её улица Гончарова были центрами торговой и деловой жизни Симбирска. На этих улицах располагались самые крупные доходные дома известных симбирских купцов с многочисленными конторами, лавками и магазинчиками. На пересечении улиц стоял Гостиный двор, от него вниз по Дворцовой улице шли городской базар и Ярмарочная площадь, где всегда было шумно и многолюдно.

В уездных городах Симбирской губернии нотариальные конторы находились также вблизи торговых и деловых центров.

Следует отметить, что нотариальные конторы тех лет помимо основных своих функций часто занимались и страховой деятель-

¹⁵⁴ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 15. — Д. 8. — Л. 1—7.

¹⁵⁵ Историко-архитектурные памятники Симбирска—Ульяновска. — Ульяновск, 2004. — С. 239.

ностью. Нотариусы охотно брали на себя обязанности страховых агентов крупных российских страховых компаний.

Так, в 1895 году симбирский нотариус Михаил Васильевич Брызгалов был агентом страхового общества «Якорь». Нотариус города Ардатов Павел Петрович Лобанов являлся страховым агентом «Коммерческого страхового общества», Иван Иванович Бабушкин в Буинске – агентом «Русского страхового общества», сызранский нотариус Алексей Николаевич Куракинский – агентом страхового общества «Отечество».

Занимались нотариусы и общественной деятельностью. Как равноправные члены городского сообщества, разбирающиеся в имущественном законодательстве, они работали в органах городского самоуправления и попечительства, назначались в думские комиссии. Некоторые из них входили в попечительные советы при благотворительных учреждениях. Например, нотариус Валериан Петрович Диевский в годы Первой мировой войны был почётным попечителем Симбирского Мариинского засвияжского приюта.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

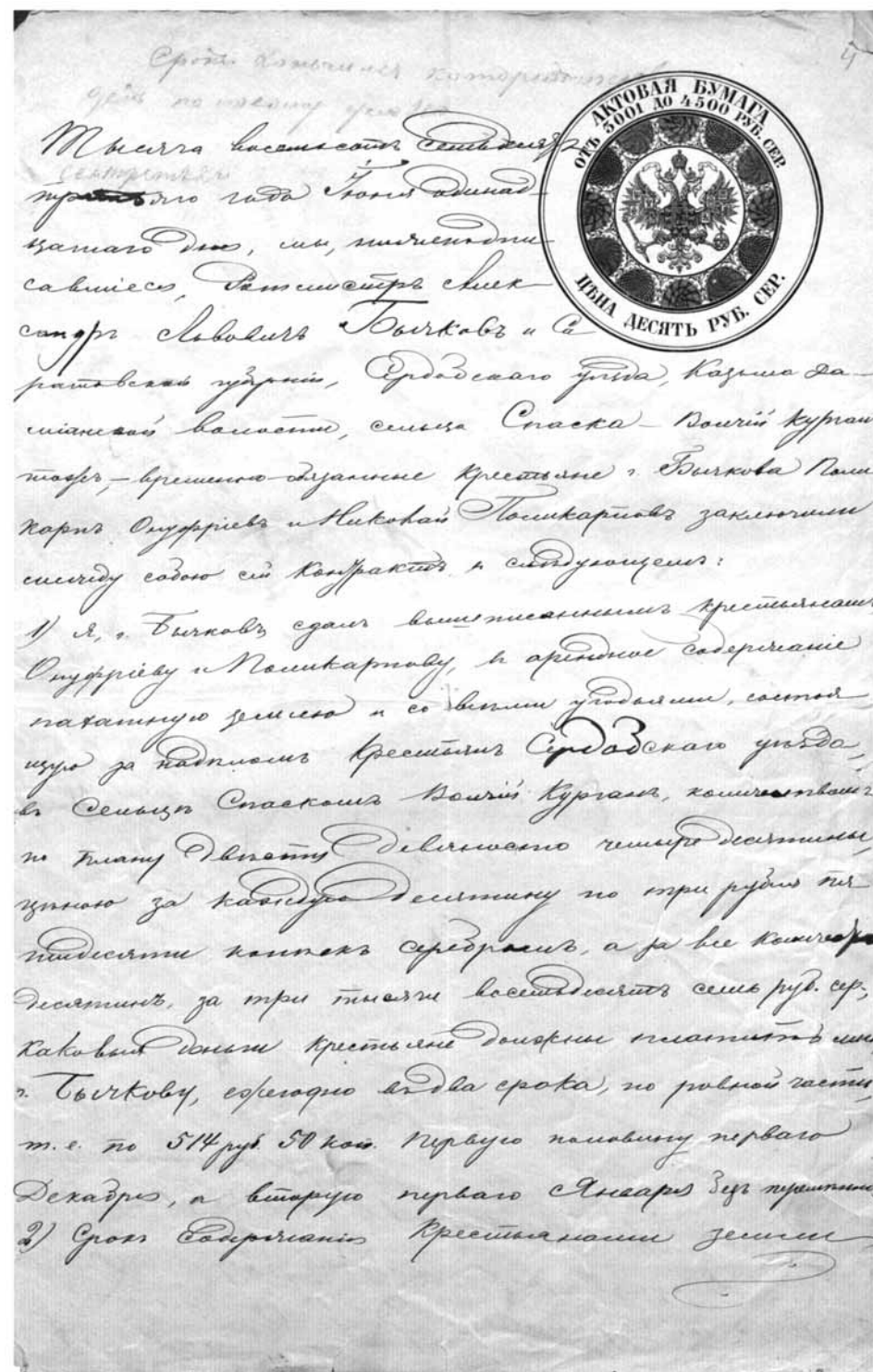
Давид Осипович Колосов

В 1862 году сын священника Давид Осипович Колосов окончил Московский университет с правом преподавания истории и географии в уездных училищах. Но, получив диплом, избрал для себя иную жизненную стезю. Когда открылся Симбирский окружной суд, Колосов подал прошение о замещении вакантного места младшего нотариуса по городу Симбирску. Его познания по нотариальному законодательству полностью удовлетворили членов Симбирского окружного суда, проводивших испытание, и в 1871 году, после уплаты положенных 6 тысяч рублей залога за должность (2 тысячи в ценных бумагах Государственного казначейства и 4 тысячи наличными), он был зачислен в штат нотариусов по городу Симбирску. Помещение под контору губернский секретарь Колосов арендовал за 400 рублей в год в доходном доме И.О. Буско и вскоре начал принимать первых клиентов.

В фондах Ульяновского краеведческого музея хранится составленный в 1873 году нотариусом Д.С. Колосовым контракт на аренду пахотной земли, взятой П. Онуфриевым и Н. Поликарповым у ротмистра А.Л. Бычкова.

«1873 год, июня 11 дня, мы нижеподписавшиеся, ротмистр Александр Львович Бычков и Саратовской губернии, Сердобского уезда, Козловской волости, сельца Спасское – Волчий Курган тож – временнообязанные крестьяне г. Бычкова Поликарп Онуфриев и Николай Поликарпов заключили между собой сей контракт в следующем: 1) я,

Документ № 18. Контракт на аренду пахотной земли. Симбирск, 1873 г. УКМ

г. Бычков, сдал вышеписанным крестьянам Онуфриеву и Поликарпову в арендное содержание пахотную землю со всеми угодьями, состоящую за наделом крестьян Сердобского уезда в сельце Спасском 94 десятины, ценой за каждую десятину по 3 рубля 50 копеек серебром, а за всё количество десятин за 3 087 рублей серебром, каковые деньги крестьяне должны платить мне, г. Бычкову, ежегодно в два срока по равной части, то есть по 514 рублей 50 копеек; первую половину — первого декабря, а вторую — первого января без перемен; 2) срок содержания крестьянской земли должен считаться на три года, начиная оный с первого января 1876 года и по первое января 1879 года, а по истечении трёхгодичного срока земля должна поступить в полное распоряжение г. Быčkova пахотной и ничем не засеянной и в трёхпольном хозяйстве так, чтобы из трёх полей одно поле оставалось под озимым на 1879 год; 3) исправный платёж крестьянами г. Бычкову арендных денег должен быть обеспечен их состоянием, а в противном случае, если крестьяне по какому-либо случаю будут уклоняться от платежа в срок денег, то г. Бычкову предоставляются права отобрать от них всю землю и с посеянным хлебом в свою пользу и прежде условленного срока, и условие это хранится свято и не порушимо. К сему контракту крестьянин Саратовской губернии Сердобского уезда, сельца Спасское — Волчий Курган тож Поликарп Онуфриев, а вместо него неграмотного по его личному приказанию сын его крестьянин того же сельца Николай Поликарпов как за отца, так и за себя руку приложил. 1873 год, июня 11 дня контракт этот явлен у меня, **Давида Осиповича Колосова**, симбирского нотариуса в конторе моей, находящейся первой части по Большой Саратовской, в доме Буско, ротмистром Александром Львовичем Бычковым, живущим первой части г. Симбирска на Покровской улице в собственном доме, и крестьянами Саратовской губернии Сердобского уезда, сельца Спасское — Волчий Курган Поликарпом Онуфриевым и Николаем Поликарповым, живущими в том же сельце, лично мне известными и имеющими законную правоспособность к совершению акта. Сбора в пользу города взыскано двадцать рублей по реестру № 2174. Нотариус Колосов»¹⁵⁶.

Давид Осипович Колосов пробыл в должности симбирского нотариуса почти десять лет, в 1880 году он умирает в самом расцвете сил¹⁵⁷.

Валентин Иванович Суров

Дворянин, титулярный советник Валентин Иванович Суров (1828—1886), приехал в Симбирск также в 1870 году. Он был коренной москвич. В 1848 году поступил в Московский университет, но ушёл с первого курса. В 1850 году его приняли в Московскую контору адресов. В ней он проработал десять лет, успел обзавестись семьёй — женой и четырьмя детьми. После рождения четвёртого

¹⁵⁶ УКМ. — ПО5—4. — № 8020.

¹⁵⁷ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 1. — Д. 43.

ребёнка в 1860 году В.И. Суров перешёл в Московскую Казённую палату на должность пристава Московского табачно-акцизного округа. Жить в большом городе с семьёй акцизному чиновнику стало трудно. В конце ноября 1870 года, прочтя объявление в газетах о том, что в Симбирске открывается окружной суд с нотариальным отделением, куда скоро потребуются нотариусы, он подал прошение в Казанскую судебную палату и 24 января 1871 года был утверждён нотариусом по городу Симбирску.

Вид г. Симбирска с Ярмарочной площади. Фото начала XX в.

В отличие от Д.О. Колосова он часто менял конторы, переезжая то в дом братьев Нестеровых и Ф.В. Красникова, где принимал клиентов до 1878 года, то в доходный дом Свешникова—Конурина (оба дома находились на Ярмарочной площади), то в дом Чебоксаровых, в здание окружного суда.

Во время ежегодных отпусков, которые год от года становились всё продолжительнее, В.И. Суров оставлял за себя в конторе исполнять должность нотариуса своих доверенных лиц: Николая Петровича Филиппова, семинариста Павла Осиповича Колосова и своего сына Николая Васильевича Сурова. Причиной частых отлучек В.И. Сурова была мучительная болезнь — «мрачная меланхолия» (так называли тогда душевное расстройство), прогрессирующая день ото дня. В связи с болезнью в августе 1887 года Симбирский окружной суд вынужден был уволить В.И. Сурова от должности, а 7 сентября 1888 года Василий Иванович скончался. Оставшийся после него залог в 8 тысяч рублей после выплаты всех долгов (280 рублей) разным лицам был передан детям покойного¹⁵⁸.

¹⁵⁸ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 1. — Д. 44.

Из обер-офицерских детей

Михаил Васильевич Брызгалов — один из самых известных симбирских нотариусов снискал уважение и доверие горожан своей безупречной, более чем двадцатипятилетней службой.

Он родился 4 августа 1846 года в Симбирске в семье обер-офицера. В 1854 году был зачислен в Симбирскую мужскую классическую гимназию, где учился довольно успешно. В 1866 году, пройдя курс семи классов, получил свидетельство об окончании гимназии. Подал прошение в Казанскую судебную палату о зачис-

Семья купчихи В.И. Бабушкиной. Фото конца XIX — начала XX вв. УКМ

лении его кандидатом на какую-либо судебную должность, Михаил Васильевич в 1874 году был принят в Симбирский окружной суд на должность частного поверенного, а 21 июля 1880 года, узнав о смерти нотариуса Давида Осиповича Колосова, попросился на его место. Первого августа он успешно выдержал испытание. Произнеся клятву в суде и заплатив 6 тысяч рублей залога за должность акциями Государственного казначейства и государственными кредитными билетами, он получил разрешение открыть в Симбирске нотариальную контору. Под неё Брызгалов арендовал помещение в доходном доме А.П. Конурина (бывший И.О. Буско) на Дворцовой улице, что было очень удобно как самому нотариусу, так и его посетителям. Ежегодные доходы конторы составляли более 8 тысяч руб-

лей (1895 г. — 8 365 руб., 1898 г. — 8 780 руб. 14 коп.), а доходы нотариуса — более трёх с половиной тысяч рублей.

В бумагах симбирского нотариального архива есть дела, оформленные М.В. Брызгаловым, например, выпись о продаже А.Г. Бабушкиным недвижимого имущества В.И. Бабушкиной.

Выпись из крепостного Симбирского нотариального архива книги по второй части города Симбирска за 1892 год

«По крепостной книге страницы 35, 36, 37 и 38, № 12. По реестру крепостных дел страницы 465–470, № 5035, 5036 и 5057 тысяча восемьсот девяносто второго года, марта десятого дня, явились к Михаилу Васильевичу Брызгалову, старшему нотариусу, в контору его первой части по Дворцовой улице, в доме Буско, известные ему лично и к совершению актов законную правоспособность имеющие симбирские мещане Александр Герасимович Бабушкин и Варвара Ивановна Бабушкина, живущие в Симбирске, по Кирпичной улице, в доме первом, в сопровождении лично ему известных свидетелей: губернского секретаря Василия Андреевича Андреева, коллежского секретаря Василия Ивановича Остроумова, и симбирского мещанина Александра Фёдоровича Петрова, живущие в Симбирске: Андреев первой части по Лосевой улице в доме Иванова, Остроумов второй части по Смоленскому спуску, в доме Остроумовых, и Петров той же части по Мало-Казанской улице, в доме Петровой с объявлением, что они, Бабушкины, заключили договор о продаже недвижимого имущества на следующих условиях: симбирский мещанин Александр Герасимович Бабушкин, продал я, симбирской мещанке Варваре Ивановне Бабушкиной следующее принадлежащее мне недвижимое имущество: а) деревянный дом с надворным строением и землёю, мерою: по улице шестнадцать сажень и во внутри двора двадцать три сажени, состоящего второй части города Симбирска, по Кирпичной улице, доставшее мне после матери моей Пелагеи Ивановны Бабушкиной по наследству, утверждённому Симбирским окружным судом тридцатого мая тысяча восемьсот восьмидесятого года, введённую мне во владение восьмого марта тысяча восемьсот девяносто второго года; б) каменную лавку с подвалом, коридором и землёю мерою: в ширину две сажени, а в длину девять сажень во второй части города Симбирска, по Дворянской улице, в северной части Гостиного двора, укрепленной за мною по давности владения свидетельством, отмеченном в реестре крепостных дел под № 1293; в) лавку каменную с принадлежавшим к ней верхом и подвалом и земельною мерою: в длину пять сажень, в ширину пять аршин десять вершков, под галереей в длину шесть аршин десять вершков и в ширину четыре с половиной аршина, состоящую во второй части города Симбирска в Гостином дворе, по Дворцовой улице, в линии железного ряда под № 44, доставшую мне после брата моего Михаила Герасимовича Бабушкина по наследству, утверждённому Симбирским окружным судом, тридцатого мая и тридцать первого октября тысяча восемьсот восьмидесятого года и введённую мне во владение шестнадцатого июня

и того ноября того же, тысяча восемьсот восемьдесяттого года. А взял я, Бабушкин, с неё, Бабушкиной, за те дом и лавки серебром три тысячи двести рублей. Да сей же купчей оный дом и лавки ни-где не застрахованы, никому другому не проданы, не заложены и ни в каких крепостях не укреплены, а если кто в оное почему-либо будет вступаться, то мне, продавцу и наследникам моим, её, покупщицу, и её наследников от тех вступщиков и от убытков, могущих быть от всего очищать как следует по законам. Акт сей совершён симбирским нотариусом и утверждён старшим нотариусом 13 марта 1892 го-да, причём взысканы пошлины: актовых три рубля, крепостных сто двадцать восемь рублей, канцелярских шестьдесят копеек, на публи-кацию три рубля и в доход города шесть рублей и определено выдать главную выпись на гербовом листе в пятнадцать рублей шестьдесят пять копеек симбирскому мещанину Александру Герасимовичу Бабуш-кину. Старший нотариус Троицкий. Выпись эта слово в слово сходная с актом, внесённым в крепостную книгу, записана в реестр 1892 года под № 170 и выдана симбирскому мещанину Александру Герасимовичу Бабушкину 13 марта 1892 года. Старший нотариус Троицкий»¹⁵⁹.

Как и другие нотариусы, каждый месяц Михаил Васильевич отчитывался перед Казначейством о гербовом сборе и раз в четыре месяца сдавал старшему нотариусу отчётные третные ведомости о своей работе. Так, за январскую треть 1904 года им было совершено 94 нотариальных акта, засвидетельствовано 196 явочных акта, сделано 1 199 прочих засвидетельствований, опротестовано 176 векселей. Общий сбор средств со всех совершённых дел составил 5 035 рублей 06 копеек. Плата нотариусу по таксе за должностные действия составила 1 515 рублей 65 копеек.

Поскольку Михаил Васильевич не отличался крепким здоровьем, то старался регулярно летом бывать в отпусках, оставляя за себя в конторе на это время своих доверенных лиц. С 1881 по 1895 год с дозволения окружного судебного начальства в конторе его замещал крестьянин из Алатыря Павел Васильевич Иванцов, с 1896 года — симбирский мещанин частный поверенный Михаил Николаевич Гусс.

*Выпись из крепостной Симбирской нотариального архива книги по
Сызранскому уезду за 1899 год*

«По крепостной книге, страницы 147—150, № 40 по реестру у крепостных дел (по Сызранскому уезду № 249 6, № 14, по Сенгилеевскому № 1169 № 9) 1899 года, сентября 18 дня, явились ко мне, Михаилу Васильевичу Брызгалову, симбирскому нотариусу, в контору его, первой части по Дворцовой улице в доме Конурина, лично известные мне личности и к совершению актов законную право способность имеющие: (барон) поверенный барона Клаас Карлова Стремфильдта, симбирский мещанин Михаил Николаевич Гусс и поверенный великобританской подданной Екатерины Максимилиановны Перси-Френч поселянин се-

¹⁵⁹ УКМ. – ПО-3–34. – № 41277.

Документ № 19. Список нотариусов Симбирского окружного суда на 1889 г.

Симбирскій окружный судъ.

г. Симбирскъ, (губернскій).

1. Брызгаловъ, Михаилъ Васильевичъ.
2. Діевскій, Валеріанъ Петровичъ.
3. Кубышкинъ, Николай Александровичъ.
4. Троицкій, Ефимъ Ивановичъ.

г. Сызрань (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Софотеровъ, Василій Львовичъ.
2. Стефанскій, Осипъ Адамовичъ.
3. Вакансія.

г. Алатырь (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Карачаровъ, Михаилъ Семеновичъ.
2. Черенковъ, Иванъ Александровичъ.

г. Ардатовъ (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Миловановъ, Николай Федоровичъ.
2. Севрюговъ, Сергій Ивановичъ.

г. Сенгилей (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Вакансія.
2. Вакансія.

г. Карсунъ (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Дамировъ, Михаилъ Андреевичъ.

г. Буинскъ (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Ермаковъ, Василій Арсеньевичъ.

г. Курмышъ (уѣздный, Симбирск. губ.).

1. Вакансія.

Уфимскій окружный судъ.

г. Уфа (губернскій).

1. Бехтеровъ, Александръ Михайловичъ.
2. Боголюбовъ, Николай Ильичъ.
3. Залужный, Константинъ Флоріановичъ.
4. Ляуданскій, Борисъ Никодимовичъ.

г. Бирскъ (уѣздный, Уфимск. губ.).

1. Соболевскій, Брониславъ Александровичъ.
2. Вакансія.

с. Березовка, Никольское тожъ, (Бирск. уѣзда).

1. Вакансія.

ла Шавгаузена Самарской губернии Карл Филиппович Гельд, живущие: первый — в Симбирске, по Большой Конной улице, в своём доме, и второй — на хуторе близ села Вырыпаевка Симбирского уезда, действующие на основании представленных ему подлинных доверенностей, явленных у него же, нотариуса, 14 сентября за № 1883 и 1884; в сопровождении лично ему известных свидетелей: губернского секретаря Василия Андреевича Андреева и коллежского секретаря Василия Ивановича Остроумова, живущих: первый части города Симбирска: Андреев по Овражному переулку (в доме Колосова) и Остроумов той же части по Большой Конной улице, в доме Остроумовой, с объявлением, что они, Гусс и Гельд, заключают договор о залоге недвижимого имущества на следующих условиях: поверенный барона Клаас Карлова Стремфельдта симбирский мещанин Михаил Николаевич Гусс, занял я для доверителя моего у великобританской подданной Екатерины Максимилиановны (Стрем.) Перси-Френч через её поверенного поселянина села Шавгаузена Карла Филипповича Гельд денег 225 тысяч рублей, сроком впредь на один год, то есть до будущего 1900 года сентября по 18 число, за 6 годовых процентов, уплачиваемых по истечению года, а в тех деньгах до одного срока заложил я, Гусс, ей, Перси-Френч, принадлежащее барону Стремфельдт следующие имущества: первое Сенгилеевского уезда при деревне что ныне село Русская Темрязань, заключающееся в земле разных угодий в количестве 609 десятин 1 200 сажень, или сколько окажется в натуре более или менее, в полном составе с строениями по ней, стекловаренным заводом и другими заведениями, и второе Сызранского уезда при деревне Поповке, что ныне село Вельяминовка, Трубетчина тож, в количестве, 2 813 десятин 1 116 сажень земли разных угодий, или сколько есть в натуре более или менее, в полном составе и со всеми к этой земле строениями, каковые имущества достались ему, барону Стремфельдт, по двум купчим крепостям, совершённым во втором Департаменте Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 23 апреля 1865 года, залог этот учинён со всеми имеющимися в имуществах промышленными и хозяйственными заведениями и с находящимися в них машинами, аппаратами и приспособлениями и с тем, что занятый капитал обеспечивается имуществом в Сенгилеевском уезде в размере 60 тысяч рублей, а имуществом в Сызранском уезде в остальной сумме 165 тысяч рублей. А буде он, барон Стремфельдт, тех в заём данных ему денег по на показанный срок ей, Перси-Френч, не уплатит, то вольна она закладную сию ко взысканию где следует явить и удовлетворение получить по закону. На предъ же сей закладной оные имущества никому не проданы, не заложены, ни в каких крепостях не укреплены. Акт сей совершён симбирским нотариусом 23 сентября 1899 года; причём взыскано пошлин актовых три рубля, канцелярских 60 копеек и на положенное запрещение шесть рублей и определено сделать главную выпись на гербовом листе в 781 рубль поверенному великобританской подданной Екатерины Максимилиановны Перси-Френч поселянину села Шавгаузена Самарской губернии Карлу Филипповичу Гельд. И.д. старшего нотариуса Миловзоров. Выпись эта слово в слово сходна с актовой, внесённой в крепостную книгу, записана в реестр выписям

1899 года под № 794 и выдана поверенному великобританской подданной Екатерины Максимилиановны (Ст) Перси-Френч поселянин села Шавгаузена Самарской губернии Карл Филиппович Гельд 27 сентября 1899 года. Оскобено "Барона, Стрем., Ст" поправлено Стремфельдт в двух случаях. Запрещения внесены в сборники за 1899 год по Сенгилевскому уезду под № 67 и по Сызранскому уезду под № 76. И.д. старшего нотариуса Миловзоров»¹⁶⁰.

К началу 1906 года депозитный счёт Михаила Васильевича вырос до 11 900 рублей. Но воспользоваться самому накопленными средствами Брызгалову не пришлось: его жизнь оборвалась в конце лета 1906 года¹⁶¹.

Нотариус Кубышкин

Одним из самых образованных симбирских нотариусов конца XIX века был мещанин из Самары Николай Александрович Кубышкин (род. 27.06.1862 г.). После окончания гимназии он в 1881 году поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его в 1888 году с дипломом действительного студента, который позволял ему занимать должность чиновника гражданского ведомства 12 класса.

Пройдя обязательную для выпускников университета двухгодичную военную службу, он подал в октябре 1890 года прошение в Казанскую судебную палату о занятии вакансии нотариуса в Симбирске.

Симбирский окружной суд назначил ему на 5 января 1891 года положенное испытание, которое тот прекрасно выдержал и 14 февраля того же года открыл в Симбирске, в доме И.О. Буско – А.П. Кошурина на Дворцовой улице, свою нотариальную контору. Отправляясь в ежегодные отпуска, используя их, в основном, для лечения жены Евгении Николаевны, дочери симбирского чиновника Скурихина, он оставлял за себя в конторе коллежского секретаря Николая Алексеевича Семёнова¹⁶².

Доверенность, выданная на имя Э.К. Сердюковой дворянкой М.И. Завьяловой

«Милостивая государыня, Эмилия Карловна!

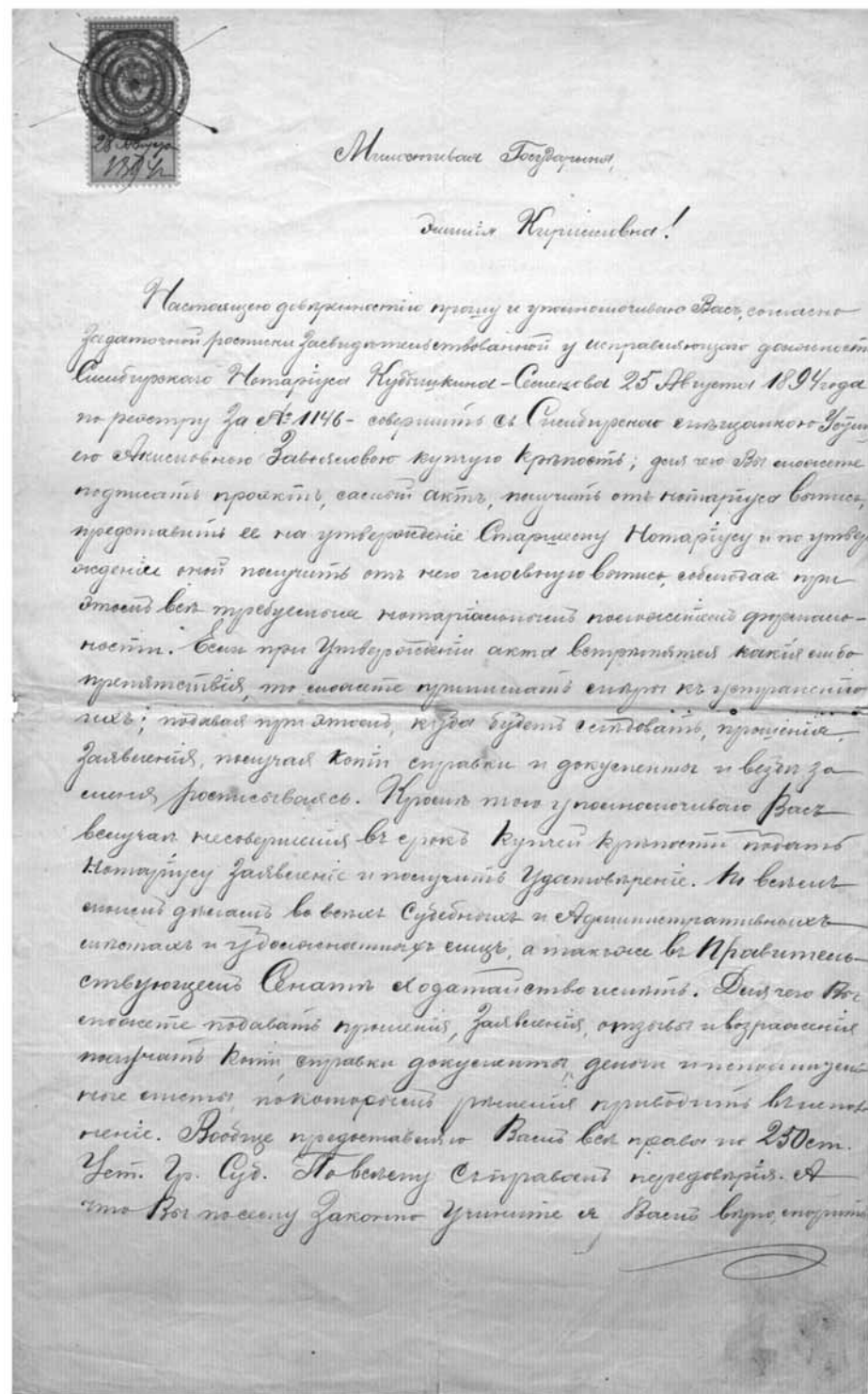
Настоящей доверенностью прошу и уполномочиваю Вас, согласно задаточной расписки, засвидетельствованной у исправляющего должность симбирского нотариуса Кубышкина – Семёнова, августа, в 25 день 1894 года по реестру за № 1146 – совершить с симбирскою мещанкою Устиньей Акимовной Завьяловой купчую крепость; для чего Вы можете подписать проект, самый акт, получить от нотариуса выпись, представить её на утверждение старшему нотариусу и, по

¹⁶⁰ УКМ. – ПО5–36. – № 13 124/1.

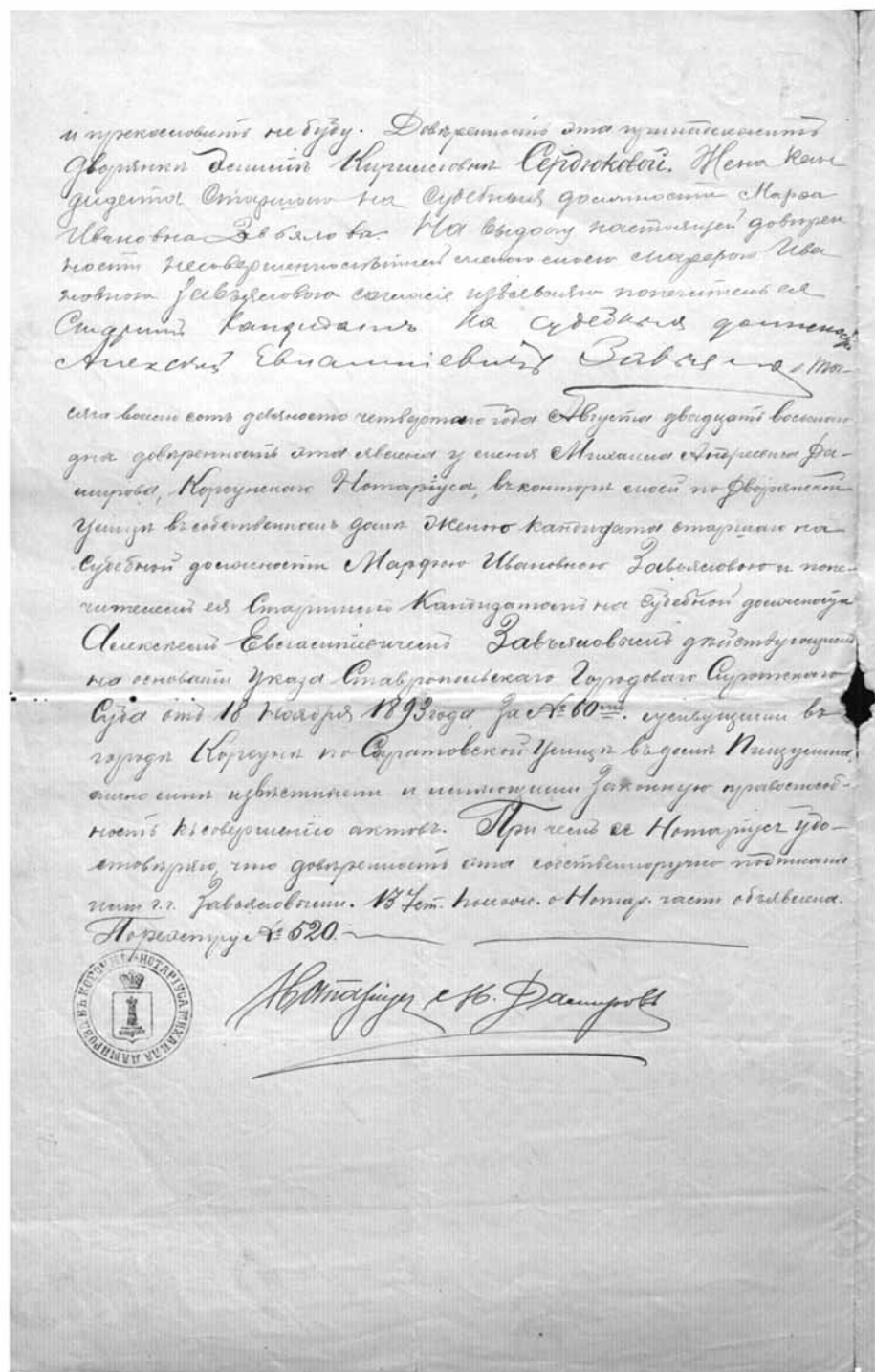
¹⁶¹ ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 11. – Д. 31, Д. 32. О службе М.В. Брызгалова.

¹⁶² ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 21. – Д. 51. Всё дело.

Документ № 20. Доверенность, выданная на имя Э.К. Сердюковой дворянкой М.И. Завьяловой. Симбирск, 1894 г. УКМ (публикуется впервые)

Документ № 20 (окончание)

утверждению оной, получить от него главную выписку, соблюдая при этом все требуемые нотариальным положением формальности. Если при утверждении акта встретятся какие-либо препятствия, то можете принимать меры к устранению их, подавая при этом, куда будет следовать, прошения, заявления, получать копии, справки и документы, и везде за меня расписываясь. Кроме того, уполномочиваю Вас в случае не совершения в срок купчей крепости подать нотариусу заявление и получить удостоверение. По всем моим делам во всех судебных и административных местах у должностных лиц, а также в Правительствующем Сенате ходатайствовать. Для чего Вы можете подавать прошения, заявления, отзывы и возражения, получать копии, справки, документы, деньги в нужном месте, по которым решения приводить в исполнение. Вообще, представляю Вам все права по 250 ст. Устава гражданского суда ко всему совершать передоверия. А что Вы по всему законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит дворянке Эмели Карловне Сердюковой. Жена старшего кандидата на судебные должности Марфы Ивановны Завьяловой.

На выдачу настоящей доверенности несовершеннолетней женою моею Марфе Ивановне Завьяловой согласие изъявляю, попечитель её, старший кандидат на судебные должности, Алексей Евлампиевич Завьялов.

1899 года, августа, 28 день, доверенность эта явлена у меня, Михаила Андреевича Дамирова, карсунского нотариуса, в конторе моей по Дворянской улице в собственном доме, женою старшего кандидата на судебные должности Марфы Ивановны Завьяловой и попечителем её, старшим кандидатом на судебные должности Алексеем Евлампиевичем Завьяловым, действующими на основании указа Ставропольского городского сиротского суда от 18 ноября 1893 года за № 60-м, живущими в городе Карсуне по Саратовской улице в доме Пищулина, лично мне известными и имеющими законную правоспособность к совершению актов. При чём её нотариус удостоверил, что доверенность эта собственноручно написана господами Завьяловыми, 137 ст. положения о нотариальной части объявлена. По реестру № 520. Нотариус М. Дамиров»¹⁶³.

Н.А. Кубышкин работал нотариусом в Симбирске до самой революции.

Из саратовских дворян

На его место вскоре был принят дворянин Василий Александрович Цимбалин. Он родился 9 мая 1868 года в городе Хвалынске Саратовской губернии в семье местного землевладельца. В 1887 году, окончив Сызранское реальное училище (приравнено к гимназии) и отказавшись от дальнейшего продолжения учёбы, он решил посвятить себя земской службе на выборных должностях. В феврале

¹⁶³ УКМ. — ПОЗ—50. — № 32540.

1888 года его зачислили в Хвалынскую дворянскую опеку канцелярским служащим первого разряда. Карьера его шла успешно, каждые два года он получал новый чин. В 1894 году, будучи губернским секретарём, Цимбалин был избран земским участковым начальником Хвалынского уезда. Одновременно его кандидатуру выдвинули в уездный Училищный совет, чуть позже — в Епархиальный совет, а также в депутаты губернского Дворянского собрания и почётные мировые судьи.

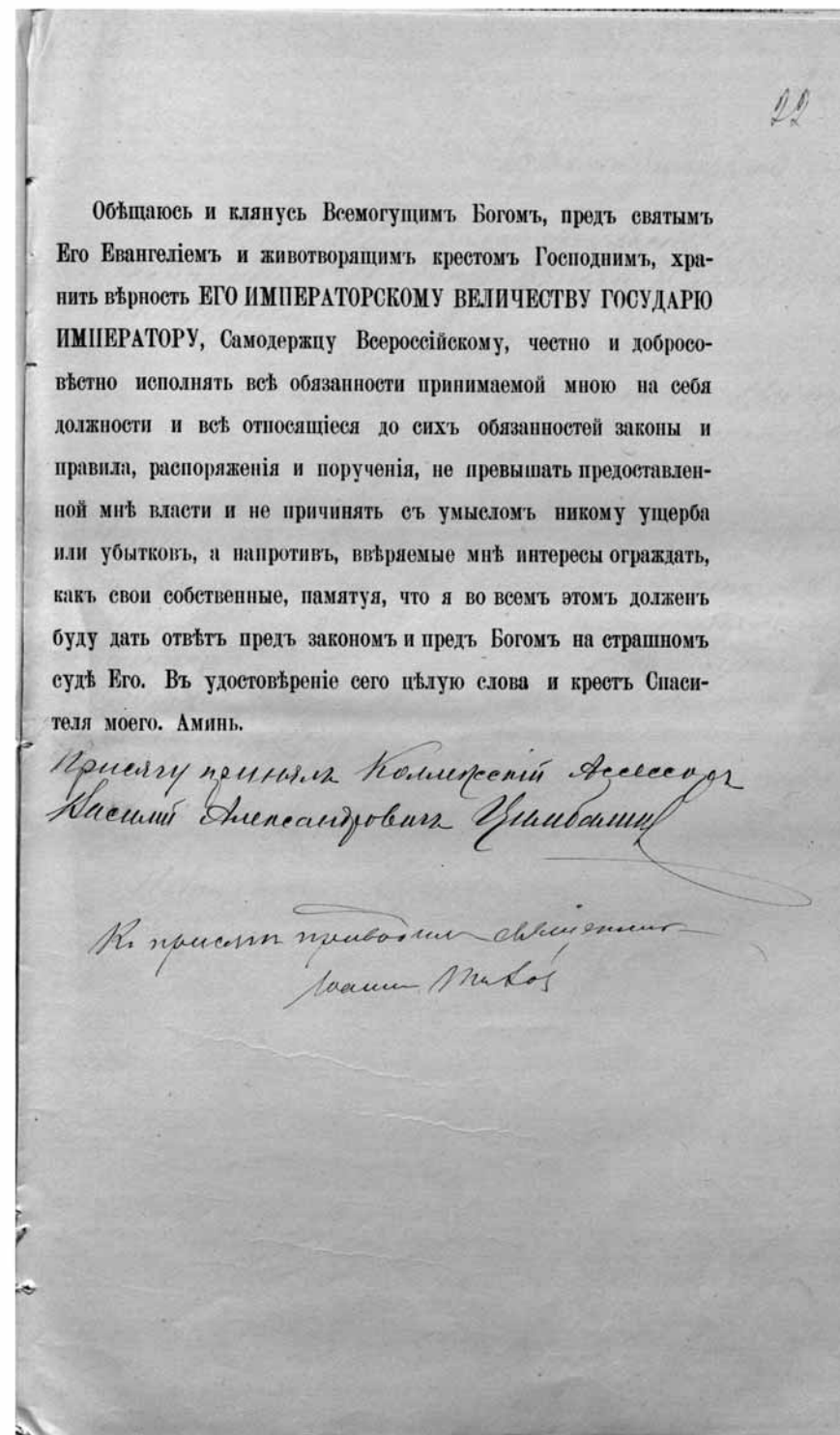
Спустя три года коллежский ассессор Василий Александрович Цимбалин уже был «заступающим место председателя» Хвалынской уездной земской управы. Как участник Всероссийской переписи населения 1897 года он был награждён тёмно-бронзовой медалью, а за активную деятельность в земских органах в 1899 году получил орден Святого Станислава 3 степени. Казалось бы, что ещё нужно преуспевающему в карьерном росте дворянину?

Симбирское отделение Крестьянского поземельного банка. Фото начала XX в. УКМ

Но в 1904 году Цимбалин неожиданно отказался от работы в земстве и 11 июня 1905 года выдержал экзамен в Астраханском окружном суде на должность нотариуса. Чем был вызван такой поворот в его судьбе? Можно предположить, что здесь не обошлось без влияния тестя, астраханского нотариуса Михаила Петровича

Документ № 21. Клятвенное обещание нотариуса В.А. Цимбалина. ГАУО

Иванова. Первое назначение Василий Александрович получил в город Царёв, но сразу же отказался от места.

Проживая вместе с женой Ольгой Михайловной в своём саратовском имении в селе Дворянская Терёшка (ныне райцентр Радищево Ульяновской области), Цимбалин узнал, что в Симбирске после умершего нотариуса М.В. Брызгалова появилась вакансия. 22 августа 1906 года он подал прошение в Казанскую судебную палату о принятии его на освободившееся место.

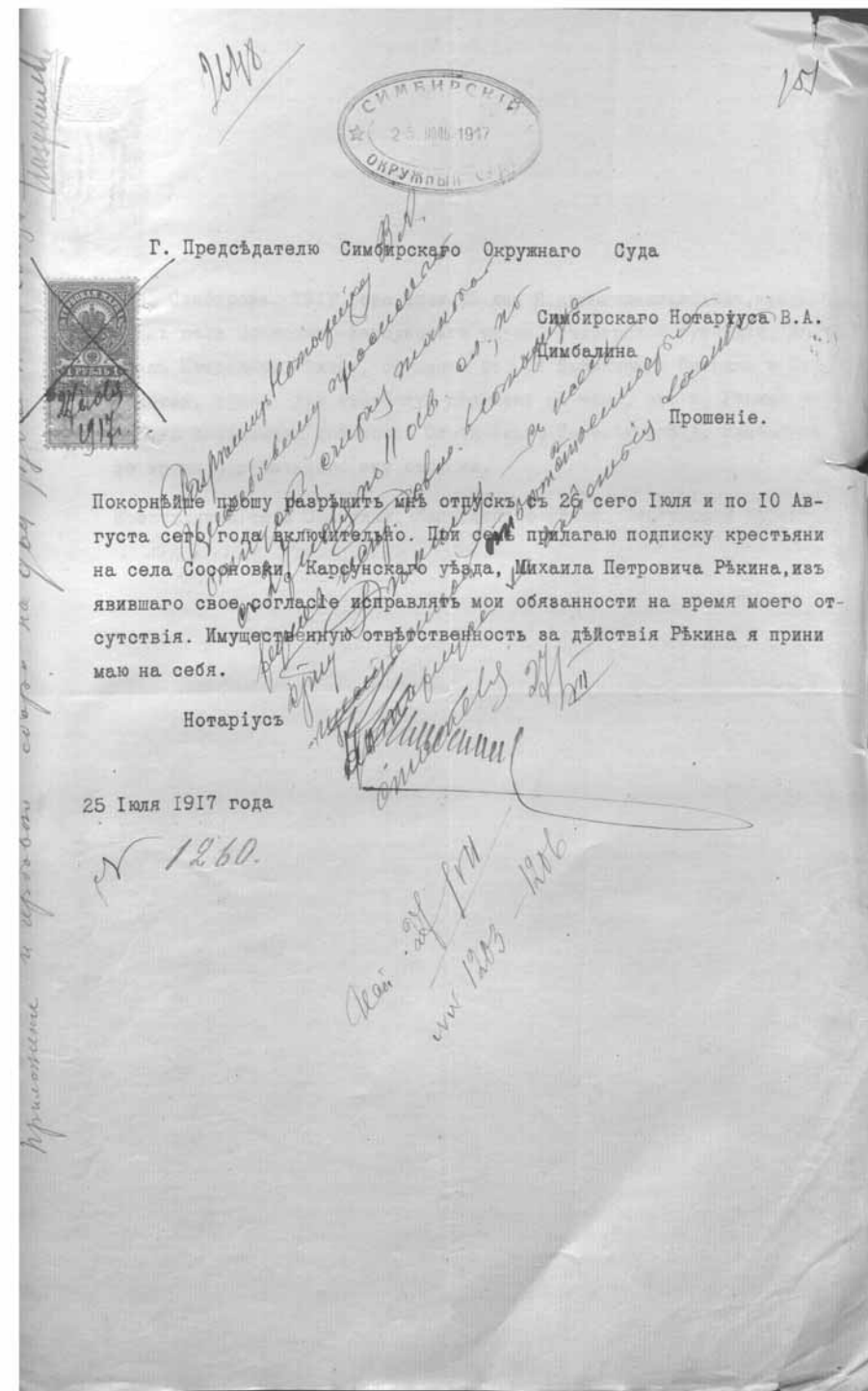
Реклама конторы нотариуса В.А. Цимбалина. Приложение к «Адрес-календарю г. Симбирска на 1907 г.»

Пройдя все формальности и внеся залог в Симбирский окружной суд в сумме 6 600 рублей, который он потом хранил в ценных бумагах в Крестьянском поземельном банке, Цимбалин был зачислен в штат симбирских нотариусов.

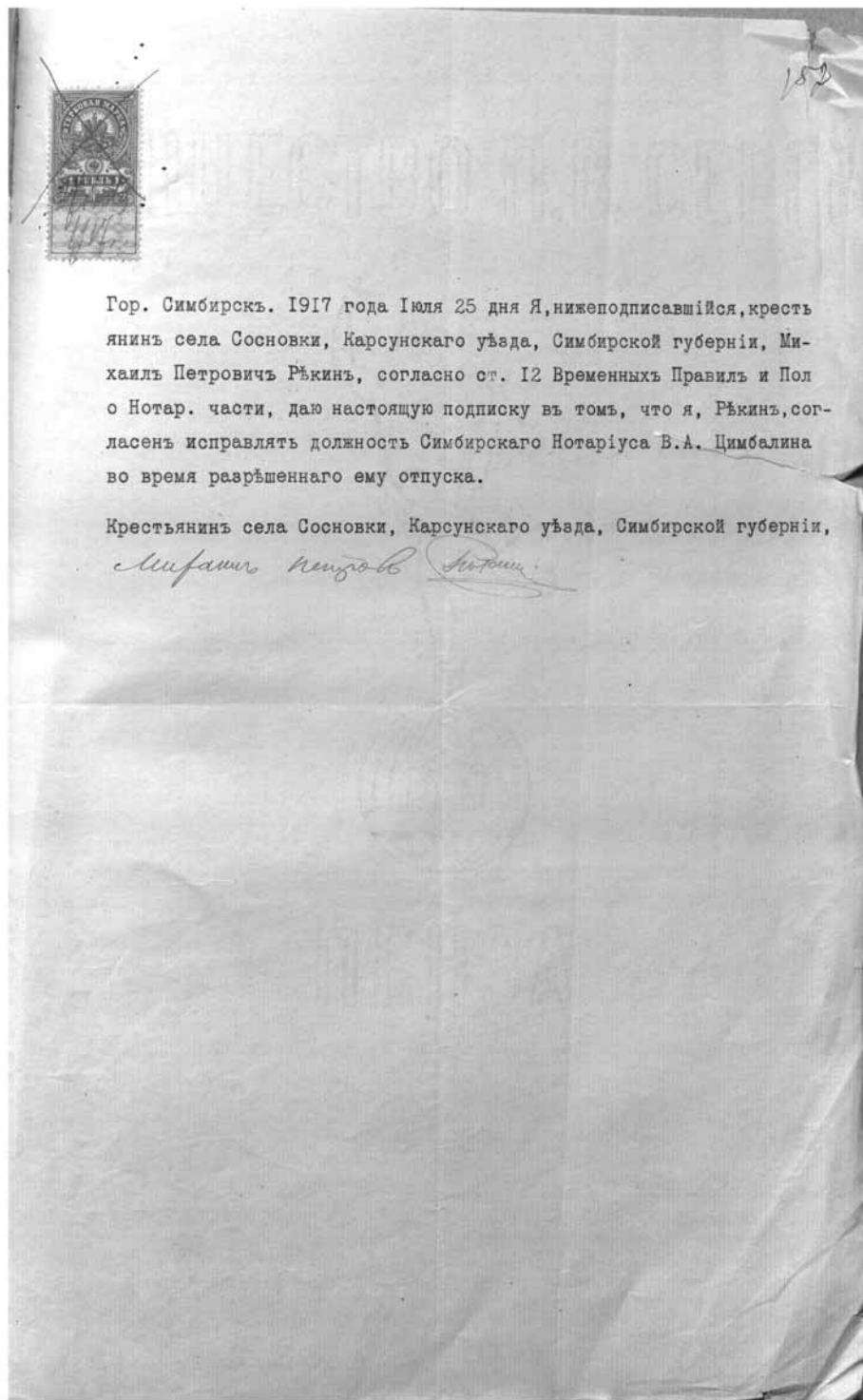
Он занял опустевшую контору М.В. Брызгалова, установил в ней телефон¹⁶⁴ и дал объявление о начале работы своей конторы.

¹⁶⁴ Первые телефоны в Симбирске появились в конце XIX века. Номера абонентам выдавались в последовательности подключения их к телефонной линии. В 1907 году в Симбирске числилось 185 абонентов, в их число входил и В.А. Цимбалин с телефонным номером 184.

Документ № 22. Прошение В.А. Цимбалина на предоставление отпуска (публикуется впервые). ГАУО

Документ № 23. *Письменное согласие крестьянина Михаила Петровича Рекина замещать В.П. Цимбалина на время отпуска (публикуется впервые). ГАУО*

Как и его предшественник, он получал от нотариальной деятельности стабильный доход, превышающий 8 тысяч рублей в год, из которого его собственная зарплата составила 2 600—2 700 рублей. Регулярно им вносились крупные суммы на пополнение должностного залога. В 1908 году им было переведено в банк 2 300 рублей. К концу 1912 года сумма залога составила 17 200 рублей. Как и другие нотариусы, в летнее время Цимбалин старался использовать свой отпуск, продолжительность которого обычно не превышала месяца. Во время отпусков он оставлял в конторе доверенных лиц, сначала симбирского мещанина Александра Петровича Погодина, с ноября 1910 года — коллежского регистратора Николая Евлампиевича Чистова, с мая 1917 года — своего письмоводителя — карсунского крестьянина Михаила Рекина. Революцию Цимбалин с семьей встретил в Симбирске, затем след его затерялся¹⁶⁵.

Сын купца из Бежецка

Валериан Петрович Диевский (р. 1873 г.) после окончания в 1891 году Камышинского реального училища «с дополнительным классом» получил аттестат, а с ним и право на поступление в университет без экзаменов. Сначала он избрал для себя профессию ветеринара и поступил в Юрьевский университет на биологический факультет. Но после первого курса, не выдержав переводных экзаменов, был отчислен.

Несколько последующих лет он работал мелким чиновником в Оренбургско-Тургайском акцизном управлении.

Дворцовая улица. Справа дом Андреева, слева часовня и доходные дома Спасского женского монастыря. Фото 1903 г.

¹⁶⁵ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 39. — Д. 65. Всё дело.

В 1902 году, прочитав объявление в газете о вакантном месте нотариуса в Симбирске, подал прошение в Казанскую судебную палату с просьбой занять его. 30 ноября того же года он был допущен к испытанию устному и письменному. Показав хорошие знания законов и умение вести нотариальное делопроизводство, он был принят 10 июля 1903 года на освободившееся место третьего младшего нотариуса по городу Симбирску.

Первую контору Диевский снял в одном из доходных домов Спасского женского монастыря на той же Дворцовой улице, где располагалось большинство нотариальных контор. Спустя несколько лет он перевёл её выше по улице, в дом Андреева, а 14 апреля 1904 года переехал в здание окружного суда, где ранее была контора Е.И. Троицкого.

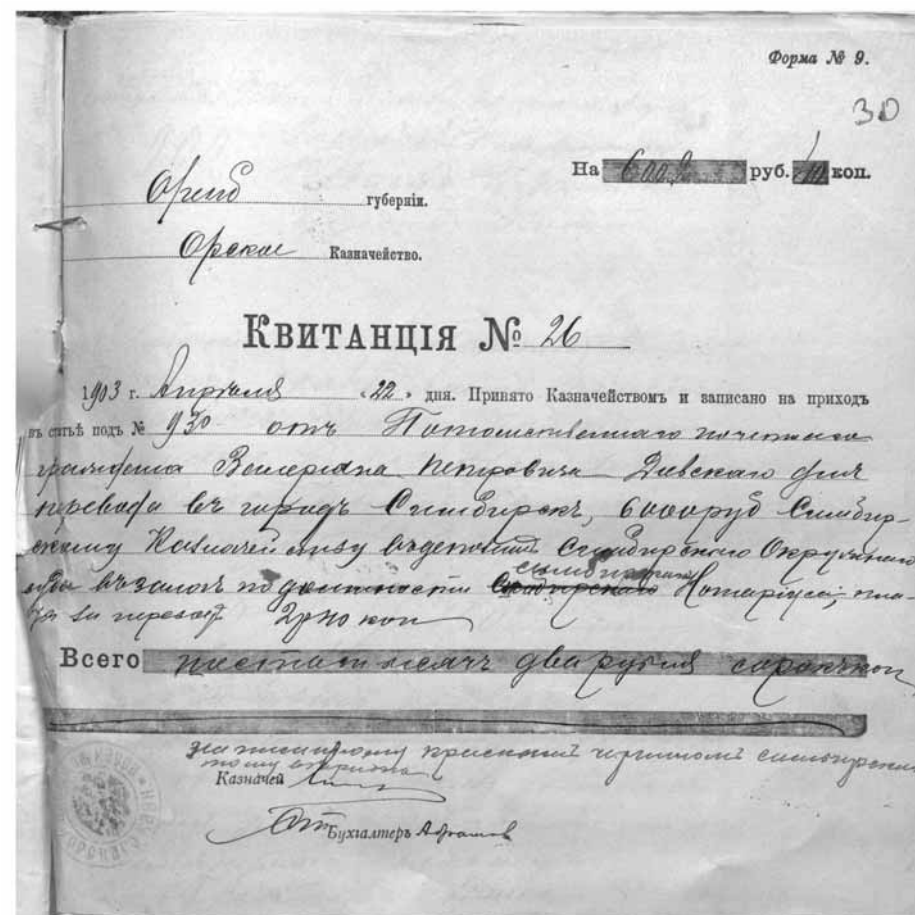

Реклама конторы нотариуса В.П. Диевского. Приложение к «Адрес-календарю г. Симбирска на 1904 г.»

Чтобы известить горожан о месте расположения его конторы, В.П. Диевский дал рекламное объявление в местной прессе. Во время отпусков он, как и Ефим Иванович, оставлял за себя в конторе крестьянина Алатырского уезда Фёдора Нестеровича Мартыянова.

В отличие от других нотариусов, помимо основной деятельности, он много времени уделял общественной работе, связанной с попечительством и благотворительностью. Объектом его неустан-

Документ № 24. Квитанция об уплате В.П. Диевским залога за должность

ной заботы были Учреждения Императрицы Марии, а точнее, Симбирский Мариинский засвияжский приют, почётным попечителем которого он был утверждён 30 ноября 1914 года.

Вместе со своим тестем, потомственным почётным гражданином Андреем Васильевичем Вьюгиным, он помогал приюту денежными средствами, а в годы Первой мировой войны оказывал помощь ещё и раненым воинам, и их семьям, проживающим в Симбирске. Его деятельность на этом поприще была вознаграждена: по ходатайству правления Учреждений Императрицы Марии в ноябре 1914 года он был представлен к званию коллежского регистратора и награждён именным золотым нагрудным знаком Почётного Члена Учреждений императрицы Марии «для ношения на левой стороне груди».

Последняя запись в формулярном списке Диевского — прошение об отпуске — заканчивается сентябрем 1917 года¹⁶⁶.

¹⁶⁶ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 46. — Д. 37. Всё дело.

УЕЗДНЫЕ НОТАРИУСЫ

Нотариус Мими

Из четырнадцати нотариусов Сызрани, крупнейшего из уездных городов Симбирской губернии, самый непродолжительный срок службы был у Алексея Николаевича Мими.

Общий вид Сызрани, уездного города Симбирской губернии. Фото начала XX в.

Купеческий сын из Одессы, он окончил Кишинёвское реальное училище и какое-то время работал в Одесском окружном суде. Но осенью 1885 года подал прошение в Казанскую судебную палату, в котором изъявил желание занять должность нотариуса в Сызрани. Покинув собственный уютный дом в Одессе на Преображенской улице, он приехал на чужбину в поисках лучшей доли. Успешно пройдя испытания и внося 2 тысячи рублей залога, двадцатисемилетний нотариус 28 октября 1885 года открыл в Сызрани контору. Проработал он в ней четыре месяца. 24 февраля 1886 года Мими неожиданно уволился и уехал на родину, объяснив причину такого поспешного отъезда тем, что климат Поволжья ему совершенно не подходит¹⁶⁷.

Дело турецкого подданного

Во время Балканской войны в России находилось много турецких военнопленных. После Сан-Стефанского мирного договора большинство их вернулось на родину, но какая-то часть ещё несколько лет оставалась в России, пытаясь заработать себе на жизнь любыми способами. В газетах тех лет нередко можно было

встретить заметки о «сыновьях турецких подданных», замешанных в каких-либо мошенничествах. Именно таких авантюристов в середине марта 1884 года задержал в селе Жадовка Симбирской губернии бдительный уездный полицейский из Карсуна. К нему поступил донос, что трое мужчин восточного вида ходят по сёлам и деревням вверенного ему уезда, заглядывают в дома доверчивых граждан, предлагая им пожертвовать деньги «на Святой Гроб Господен».

Как и положено, после задержания «ходоков» карсунская полиция подала рапорт в Канцелярию симбирского губернатора о происшествии, заодно указав в нём, что задержанные за незаконный сбор пожертвований являются чужестранцами. Один из них, Сааф Юсуфов, прибыл из Турции, двое других, Илья Хонанимо и «Юсуф сын Ивана», являются персидскими подданными. К тому же у турецкого подданного вместо паспортной книжки имеется только «засвидетельствованная копия со свидетельства, выданного 10 сентября 1883 года Симбирским вице-губернатором».

Канцелярия губернатора отреагировала немедленно. Узрев, что копия была выдана сызранским нотариусом Василием Михайловичем Троицким, она переслала в Симбирский окружной суд жалобу на незаконные действия нотариуса. В послании говорилось: «Пологая со своей стороны, что нотариусы не имеют права списывать и свидетельствовать копии с видов на жительство, таковые могут быть употреблены неблагонамеренными лицами вместо законного вида на жительство».

Председатель окружного суда потребовал у В.М. Троицкого разъяснения по данному делу, на что нотариус в пространном ответе написал, что Сааф Юсуфов, придя в его контору, предъявил копию свидетельства, выданную в Канцелярии симбирского губернатора, и попросил засвидетельствовать её для представления в присутствие. Его же действия согласно статьям 128 и 132 Положения о нотариальной части заключаются в том, чтобы «сличив копию с подлинником, засвидетельствовать оную», только и всего. Что он и сделал, выдав её Юсуфову. Отказаться от засвидетельствования копии, согласно закону, он не мог, иначе пришлось бы отказывать в свидетельствовании копий с формулярных списков, а также купеческих свидетельств, выдаваемых взамен паспортов; удостоверений, необходимых для представления в суд, в учебные заведения и других документов.

В окружном суде на Общем собрании, специально для этого созванном 2 мая 1884 года, было рассмотрено данное дело. Суд счёл действия В.М. Троицкого «соответствующими статьям Положения о нотариальной части» и признал, что нотариус действовал правильно в соответствии с нормами закона¹⁶⁸.

Карьера Василия Михайловича Троицкого началась далеко от Сызрани. Он родился 20 января 1849 года в семье военного.

¹⁶⁷ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 16. — Д. 41. Всё дело.

¹⁶⁸ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 15. — Д. 92. — Л. 1–3.

Получив домашнее воспитание и окончив в 1868 году военно-юридическое училище, он в 1871 году в чине коллежского регистратора вступил в свою первую должность при Пензенском окружном суде — был принят нотариусом в Нижний Ломов. Прослужив почти десять лет в этом городе, Троицкий решил с женой и тремя детьми перебраться в соседнюю Симбирскую губернию. Тем более, что у его жены, Фаины Фёдоровны Некторовой, в губернии было небольшое имение при селе Степное Матюнино Сенгилеевского уезда.

Подав прошение в Казанскую судебную палату о принятии его на вакантное место нотариуса в Сызрань, он был утверждён в должности 27 августа 1880 года. Ко времени приезда на новое место он уже был болен туберкулёзом. Чтобы поправить здоровье, В.М. Троицкий старался больше бывать в отпусках, оставляя за себя в конторе разных доверенных лиц (тамбовского мещанина Евгения Ивановича Монакова, жителя Сызрани Андрея Ивановича Романова, сенгилеевского крестьянина Лаврентия Авксентьевича Орлова, саратовского мещанина Михаила Дмитриевича Нарышкина). Из-за частых отлучек дела в конторе шли неважно. В год он зарабатывал около 2 тысяч рублей. К тому же много средств уходило на лечение. Весной 1884 года по предписанию сызранских врачей В.М. Троицкий поехал на четыре месяца в степи, лечиться кумысом. Но всё было тщетно. В мае 1890 года, почувствовав, что больше не может заниматься нотариальной деятельностью, он написал прошение об отставке¹⁶⁹.

«Человек хорошей нравственности»

Четверть века нотариусом в Сызрани был Василий Львович Софотеров. Он родился 20 января 1854 года в заволжском селе Васильевское Бузулукского уезда в семье местного священника. Следуя семейной традиции, был определён в Самарское духовное училище, а после его окончания в 1869 году поступил в Самарскую духовную семинарию. Но окончить её он не смог. Смерть отца и ухудшение собственного здоровья вынудили его написать в июне 1871 года прошение о выходе из семинарии. Следующие 20 лет его жизни остаются за страницами формулярного списка. Известно лишь, что к 1890 году Софотеров числился почётным потомственным гражданином города Сызрани. За это время он успел приобрести дом в городе на Симбирской улице, жениться (1880 г.) на дочери священника Евгении Романовне Подгорской, обзавестись тремя детьми (всего было шесть человек детей).

Летом 1890 года Софотеров подал прошение в Казанскую судебную палату о принятии его на должность сызранского нотариуса в связи с появившейся вакансией после отставки Троицкого.

¹⁶⁹ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 11. — Д. 34. Всё дело.

Это была не единственная его попытка стать нотариусом в родном городе. Ещё в 1886 году после отставки Мими он уже писал подобное прошение. Тогда его конкурентом выступил губернский секретарь Алексей Николаевич Куракинский, окончивший Казанский университет и с 1883 года работавший нотариусом в городе Тетюши Казанской губернии. Родом потомственный дворянин Куракинский был из Самары и потому мечтал перебраться поближе к дому, хотя бы в Сызрань. Получить место нотариуса в Сызрани желали многие. Город и его уезд были густо населены, славились хорошо развитой торговлей и промышленностью, а потому работы нотариусам хватало.

Вначале в Сызрани были две нотариальные конторы, но по просьбе земства в середине 1880-х годов открыли третью, в неё-то и была объявлена вакансия.

Казанская палата, несмотря на просьбу председателя Симбирского окружного суда принять на это место известного им *«человека хорошей нравственности»* Василия Львовича Софотерова, сделала выбор в пользу Куракинского. Первые два года Куракинский работал безропотно. Но в 1889 году написал в Симбирский окружной суд рапорт, в котором потребовал закрытия одной из сызранских контор. А так как в это время шло разбирательство с нотариусом А.Т. Макаровым, и он был отстранён от должности, то можно было предположить, какая из контор будет закрыта. Объяснял Куракинский свои требования тем, что заработок каждого из сызранских нотариусов не превышает 2 тысяч рублей. В трёх конторах в год рассматривается не более 7 тысяч дел: около 3 тысяч дел в конторе А.Т. Макарова, 2,5 тысячи в конторе В.М. Троицкого и 1,5 тысячи дел у него. Получалось, что на каждого нотариуса приходилось менее семи дел в день. Окружной суд не счёл нужным даже рассматривать этот вопрос. Тогда Куракинский написал в Казань, потом в Министерство юстиции. Он всё же добился желаемого, одну из контор закрыли, и это оказалась контора... самого Куракинского. Ему поставили в вину какой-то незначительный проступок. Произошло это в 1896 году, и сколько потом он ни просил вернуть его на место, Симбирский окружной суд и Казанская палата были непреклонны¹⁷⁰.

Но Василия Львовича это уже никак не касалось. К тому времени он всё же обзавёлся собственной нотариальной конторой в Сызрани. В 1890 году, после отставки В.М. Троицкого, он был взят на его место. Выдержав экзамен и внеся залог за должность в сумме 2 200 рублей в ценных бумагах Дворянского земельного банка, в августе того же года он приступил к работе.

Первые два года Софотеров практически не покидал контору, не был даже в положенных отпусках. Дела Василий Львович вёл очень тщательно и аккуратно, что видно хотя бы из описи книгам его конторы и документам из его послужного списка.

¹⁷⁰ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 17. — Д. 24.

Опись книгам конторы сызранского нотариуса В.Л. Софотерова за 1890 год

№ по порядку	Означение книг
1	Реестр, в коем перенумерованных, скреплённых за шнуром и печатью триста девяносто шесть листов
2	Алфавитный указатель, в коем пронумерованы, скреплены за шнуром и печатью сорок восемь листов
3	Актная книга для актов на недвижимые имущества, в коей перенумеровано, скреплено шнуром и печатью тридцать листов, из коих двадцать пять листов замещены актами
4	Актная книга для актов, не относящихся до недвижимых имуществ, в коей перенумеровано, скреплено шнуром и печатью двадцать листов, из коих три листа замещены актами
Все четыре книги на четырёхстах девяноста шести листах	

Вот некоторые акты, занесённые в его книги в том году:

— акт о совершении купчей между Францем Антоновичем Огризко и Серафимой Николаевной Корсаковой;

— акт о совершении раздела между внуками Дениса Васильевича Давыдова — Марией Николаевной, Николаем и Петром Николаевичами Давыдовыми и Серафимой Николаевной Буторовой их общего недвижимого имущества в селе Благодатном Хвалынского уезда Саратовской губернии и в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии, оценённого в 210 тысяч рублей;

— акт о продаже Виктором Николаевичем Умновым (сызранский нотариус в 1870 г. — Прим. авт.) Матвеем Егоровичу Антонову за 10 404 рубля имущества в Сызранском уезде;

— духовное завещание Матвея Осиповича Кашпирова;

— о совершении Петром Анисимовичем Фёдоровым и Александром Васильевичем Толстым купчей крепости на проданное первым последнему за 1 606 рублей 54 копейки недвижимого имущества в городе Сызрань и ещё несколько десятков различных нотариальных актов¹⁷¹.

Есть в деле о службе В.Л. Софотерова и другие документы. Например, квитанция казначейства, из которой видно, что в 1893 году В.Л. Софотеров получил за свою работу вознаграждение в сумме 2 697 рублей 02 копейки и уплатил на пополнение залога в Государственное казначейство 499 рублей. А в отчётной ведомости его конторы за вторую треть 1903 года значится, что им было оформлено 98 нотариальных и 216 явочных актов, 89 протестов векселей и 1 054 прочих засвидетельствований, внесено 300 рублей в казначейство на пополнение залога, перечислено в доход города 139 рублей 35 копеек.

Документ № 25. Опись книгам нотариуса В.Л. Софотерова за 1890 г.

2 Опись книгам и документам Сызранского Нотариуса В.Л. Софотерова за 1890 год. 1 экземпляр.		
Опись книгам конторы Сызранского Нотариуса В.Л. Софотерова.		
№ по порядку	Означение книг.	Листов
1.	Реестр, в коем перенумерованных, скреплённых за шнуром и печатью триста девяносто шесть листов	396
2.	Алфавитный указатель, в коем пронумерованы, скреплены за шнуром и печатью сорок восемь листов	48
3.	Актная книга для актов на недвижимые имущества, в коей перенумеровано, скреплено шнуром и печатью тридцать листов, из коих двадцать пять листов замещены актами	30
4.	Актная книга для актов, не относящихся до недвижимых имуществ, в коей перенумеровано, скреплено шнуром и печатью двадцать листов, из коих три листа замещены актами	20
Всего четыре книги на четырёхстах девяноста шести листах		

¹⁷¹ ГАУО. — Ф. 401. — Оп. 1. — Д. 673. — Л. 2—3, 14.

Документ № 25. Опись дел нотариуса В.Л. Софотерова. 1890 г. (фрагмент)

Опись			
Удостоверения Симбирского Нотариуса В.Л. Софотерова.			
№	№	Содержание дел.	Листы
1	6	О совершении дарения недвижимого имущества Ивану Григорьеву Топорнину.	1.
2	57	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Дмитриевичу Касаткину.	1
3	58	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Григорьеву Касаткину.	1
4	77	О совершении дарения недвижимого имущества Михаилу Григорьеву Топорнину на купленное им в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.
5	94	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Григорьеву Топорнину и Ивану Григорьеву Топорнину на купленное ими в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.
6	97	О совершении дарения недвижимого имущества Михаилу Григорьеву Топорнину на купленное им в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.
7	103	О совершении дарения недвижимого имущества Григорьеву Топорнину на купленное им в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.
8	125	О совершении дарения недвижимого имущества Ивану Григорьеву Топорнину и Василию Григорьеву Топорнину на купленное ими в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.
9	132	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Григорьеву Топорнину.	1.
10	163	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Григорьеву Топорнину.	1.
11	311	О совершении дарения недвижимого имущества Василию Григорьеву Топорнину и Ивану Григорьеву Топорнину на купленное ими в городе Симбирске недвижимое имущество в количестве 1/2 доли в доме № 139.	1.

Начиная с 1892 года В.Л. Софотеров ежегодно использовал свой отпуск, оставляя в конторе за себя своего шурина, титулярного советника Павла Романовича Подгорского, «бесхарактерного, но порядочного человека»; крестьянина из села Жемковка Михаила Григорьевича Рамзаева и сызранского мещанина Владимира Елисеевича Королёва.

В жизни Софотерова всё складывалось благополучно, работа спорилась, контора приносила неплохой доход. В феврале 1910 года за безупречную двадцатилетнюю службу нотариусом его наградили орденом Святой Анны III степени, а в сентябре того же года начались неприятности: на него завели уголовное дело якобы по подлогу векселя, в результате которого Софотеров был на время расследования отстранён от должности. Поскольку в городе было всего две нотариальные конторы — его и Н.А. Максимова, то закрыть контору Софотерова не позволили. На время следствия он передал её сызранскому дворянину Николаю Алексеевичу Топорнину, «человеку бодрому и энергичному», какое-то время исполнявшему должность управляющего в товариществе Сызранского асфальтового завода, а на тот момент занятого «выработкой камня на своих каменоломнях».

Судебное дело за недостаточностью улик закрыли 13 сентября 1911 года, и 3 октября того же года В.Л. Софотеров принял у Топорнина свою контору.

Перенесённые им волнения и обострившаяся тяжёлая болезнь (бронхиальная астма) подорвали его душевные и физические силы. В 1914 году он решил последовать совету врачей, оставив в конторе своего письмоводителя Николая Поликарповича Логинова, уехал на время отпуска в деревню. Но живительный сельский воздух не принёс облегчения, и осенью 1914 года В.Л. Софотеров умер. 3 октября того же года на его место был принят нотариус Сергей Иннокентьевич Дроздов, до этого исполнявший должность старшего нотариуса в Симбирском окружном суде¹⁷².

Князь Тенишев

Самым родовитым по происхождению из нотариусов Симбирской губернии был князь Дмитрий Николаевич Тенишев (рожд. 1859 г.). Он был потомком татарского мурзы Тениша Кугушева, принявшего в XVI веке российское подданство и получившего от московского царя земли в Поволжье. Несколько имений Тенишевых находилось в Алатырском и Ардатовском уездах Симбирской губернии.

Когда-то богатый и знатный род к концу XIX века обнищал. Дмитрий Николаевич Тенишев ко времени занятия в 1883 году должности нотариуса был почти разорён. Имение выставил на продажу, а чтобы хоть немного продержаться на плаву, женился на купеческой дочери Елизавете Ивановне Морозовой. Но женитьба не

¹⁷² ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 21. — Д. 52. Всё дело.

спасла его от разорения, и он был вынужден искать службу, чтобы прокормить увеличивающуюся год от года семью.

Для занятия должности нотариуса у Д.Н. Тенишева было всё необходимое — знатное происхождение, образование (хотя и не полное), полученное в Симбирской мужской классической гимназии, два года канцелярской службы в столице, в Министерстве юстиции, год, проведённый на должности мирового судьи Ардатовского уезда. Поэтому его прошение, поданное в конце 1883 года в Казанскую палату, о занятии места нотариуса в одном из уездов Симбирской губернии было сразу же рассмотрено. Вначале Д.Н. Тенишеву предложили открыть контору в селе Промзино Алатырского уезда, но там он проработал недолго и попросился на новое место — нотариусом в город Ардатов. Весной 1884 года он открыл там нотариальную контору в доме Дреера на Базарной улице, а спустя пять лет попросил перевести его в более крупный город — Алатырь. И эта его просьба была удовлетворена. 21 августа 1889 года Д.Н. Тенишев приступил к работе на новом месте, но поставленный врачами диагноз «катар лёгких» и рекомендации переселиться в места с более тёплым климатом, вынудили его в марте 1892 года сдать на время контору отставному унтер-офицеру Константину Васильевичу Фиттингофу (Фиттингофов). Четыре года замещал его Фиттингоф, пока в 1896 году князь не уведомил Казанскую судебную палату о закрытии своей конторы и попросил Симбирский окружной суд вернуть ему залог в 2 500 рублей¹⁷³.

ДИНАСТИИ

Как и в любой другой профессии, в среде нотариусов существовали свои профессиональные династии. В Симбирске были три таких семьи: Троицкие, Мартыновы и Поповы.

Поповы

В дворянской семье Поповых нотариальной деятельностью в разное время занимались отец и два сына. Основатель династии симбирский дворянин, землевладелец из села Порецкое Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, коллежский регистратор Алексей Никанорович Попов (1849 г. рожд.) начал свою нотариальную деятельность в Симбирске в 1879 году. За плечами был Константиновский межевой институт, который он окончил в 1868 году младшим землемерным помощником с чином 14 класса. Поступив в распоряжение Межевой канцелярии, он не пожелал служить по специальности, а сдав экзамен на нотариуса, открыл в 1874 году нотариальную контору в Вятке. Вскоре уволился и перебрался в родной Симбирск, где 16 мая 1879 года с разрешения Казанской судебной палаты открыл четвёртую нотариальную контору. Вначале

¹⁷³ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 14. — Д. 45. Всё дело.

она размещалась в доме Руны на Большой Саратовской улице (ныне ул. Гончарова), позже сменила ещё ряд адресов, неизменно располагаясь поблизости от окружного суда.

Смена А.Н. Поповым профессии была, как можно предположить, вынужденной мерой, поскольку уже в те годы он страдал серьёзным хроническим заболеванием (невралгия тройничного нерва), и тяжёлая работа землемера, сопряжённая с частыми разъездами, длительным пребыванием на воздухе, волнениями и спорами, была не для него. Но и работая в собственной нотариальной конторе, А.Н. Попов часто отлучался из неё, так как не менее трёх раз в году бывал в отпусках разной продолжительности.

На время своего отсутствия он оставлял в конторе доверенных лиц: дворянина Ивана Дмитриевича Креймана (до 1881 г.), Николая Дмитриевича Красовского (до 1886 г.), Ивана Ниловича Плеханова (до 1889 г.), Владимира Михайловича Сапожникова.

Несмотря на все старания столичных докторов и длительные пребывания на курортах, болезнь не отступала, и в феврале 1893 года А.Н. Попов ушёл в отставку¹⁷⁴.

Семейный бюджет не позволял ему сидеть без дела, и вскоре он устроился к князю Оболенскому управляющим его имением, находившимся в селе Ивановском Симбирского уезда.

Спустя несколько лет нотариальной деятельностью в Симбирской губернии занялся его старший сын Алексей Алексеевич Попов (род. 16.03.1876). Он в 1895 году окончил со свидетельством шесть классов Симбирской мужской классической гимназии и, поскольку возраст был подходящим для службы в армии — девятнадцать лет, сразу же по прошению на правах вольноопределяющегося был зачислен в 59-й пехотный полк Сызранского резервного батальона. Отдав службе в армии положенных два года, он в начале 1897 года ушёл в запас и приехал в Симбирск.

Дворянская среда встретила его приветливо. Сразу нашлась для Алексея Алексеевича работа. Его приняли чиновником в штат канцелярии губернатора.

Но в 1900 году по Высочайшему повелению началась мобилизация в войска, и А.А. Попов из офицеров запаса вновь попал в армию, был зачислен в Томский Сибирский пехотный полк. Вместе с полком он был в охране Самаро-Златоустовской железной дороги, осенью 1905 года усмирал бунтовщиков в самарском имении графа Орлова-Давыдова, выполнял другие поручения правительства.

17 сентября 1906 года дворяне Ставропольского уезда избрали его земским начальником, а в феврале 1907 года он получил разрешение на занятие такой же должности в Сенгилеевском уезде. Узнав в 1910 году об открывшейся в связи со смертью Михаила Андреевича Дамирова вакансии нотариуса в Карсуне, подал прошение в Казанскую судебную палату о принятии его на это место. Из трёх претендентов выбрали его, хотя, как признала комиссия, «его по-

¹⁷⁴ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 10. — Д. 23.

31.

Содержание	Подпись	Подпись

ОТЧЕТНАЯ ВЪДОМОСТЬ

СИМБИРСКАГО НОТАРИУСА

Сергей Александрович Попов
Михаила Васильевича Тризгалова

за *Симбирскую* треть 1906 года.

[illegible]

знания по нотариальному и материальному праву оказались весьма удовлетворительными», зато «о нравственных качествах и служебной деятельности Попова получены прекрасные отзывы».

3 мая 1911 года А.А. Попов открыл контору в Карсуне, на Симбирской улице. Но заработок в конторе оказался ниже, чем он ожидал, и Алексею Алексеевичу едва хватало его на жизнь, тем более, что к тому времени он был уже семейным человеком. Проработав в Карсуне год, он уговорил брата С.А. Попова поменяться с ним конторами. Казанская судебная палата разрешила такой «родственный обмен». 22 мая 1912 года А.А. Попов открыл в доме Чебоксарова, в бывшей конторе брата, свою собственную нотариальную контору. В январском отчёте 1913 года он указывает сумму заработка за треть года. Она составила 3 121 рубль 80 копеек. Такая зарплата нотариуса А.А. Попова устраивала.

22 июля 1914 года по случаю войны А.А. Попова, как бывшего офицера, вновь мобилизовали в армию. Отправляясь на службу, он оставил за себя в конторе мещанина Сергея Степановича Зотова, а в 1915 году телеграфировал из Уссурийского края, чтобы контору на время его отсутствия передали коллежскому регистратору Николаю Евлампиевичу Чистову. В Уссурийске А.А. Попов заболел, и в 1917 году прислал в Симбирск прошение о временном закрытии его

конторы в связи с войной и болезнью¹⁷⁵. Больше вестей от него не приходило.

Его младший брат Сергей Алексеевич Попов (род. 15.09.1878 г.), после окончания Симбирской мужской классической гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Вращаясь в студенческой среде, он увлёкся революционным учением, и его не раз за годы учёбы ссылали за революционную пропаганду в Симбирскую губернию под надзор полиции.

После окончания университета Сергей Алексеевич несколько остепенился и, вернувшись в Симбирск, занялся нотариальной практикой. На Дворцовой улице, в доме Чебоксарова, он открыл в 1905 году контору, где принимал клиентов до апреля 1912 года. После чего, по договорённости со старшим братом Алексеем Алексеевичем, обменялся с ним конторами. Младший брат отдал старшему контору в Симбирске, а сам уехал в Карсун в нотариальную контору, открытую А.А. Поповым в 1911 году. Но там Сергей Алексеевич Попов прослужил недолго. Уже в августе 1912 года его сменил Александр Ефимович Троицкий.

Мартыновы

Последним перед революцией нотариусом в Алатыре был Борис Павлович Мартынов, сын товарища председателя Симбирского окружного суда, действительного статского советника Павла Любимовича Мартынова (1847–1921), вошедшего в историю нашего города как *«неутомимый работник по исследованию архивов и местной старины»*.

В Симбирск П.Л. Мартынов приехал в апреле 1886 года из Оренбурга, где служил мировым судьёй. Показав себя опытным юристом, он быстро прошёл по служебной лестнице путь от члена уездного суда до заместителя председателя окружного суда. Но не его судебная деятельность принесла ему известность, а любовь к отечественной истории и архивному делу. Именно она подвигла его выступить одним из учредителей Симбирской учёной архивной комиссии, открывшейся в городе в 1895 году. В 1904 году он стал заместителем председателя архивной комиссии, а с 1917 — её председателем. Под его руководством и при его личном участии издавались

Павел Любимович Мартынов.
Фото 1898 г.

¹⁷⁵ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 41. — Д. 74. Всё дело.

труды архивной комиссии. Перу самого П.Л. Мартынова, как пишет М.М. Савич, принадлежат 12 работ по истории края, среди них: «Остатки старины в Симбирском уезде», «Книга строельная города Симбирска», «Город Симбирск за 250 лет своего существования», «Селения Симбирского уезда», «Очерки 10-летия Симбирской Учёной Архивной Комиссии» и другие¹⁷⁶.

Дом в Симбирске, на углу Стрелецкой и Сенной улиц, где жили Мартыновы

Старший сын П.Л. Мартынова Владимир Павлович¹⁷⁷ после окончания Симбирской мужской классической гимназии и Петербургского университета с 1906 года служил вместе с отцом в гражданском отделении Симбирского окружного суда. В 1907 году он перевёлся в Уфимский окружной суд судебным следователем¹⁷⁸.

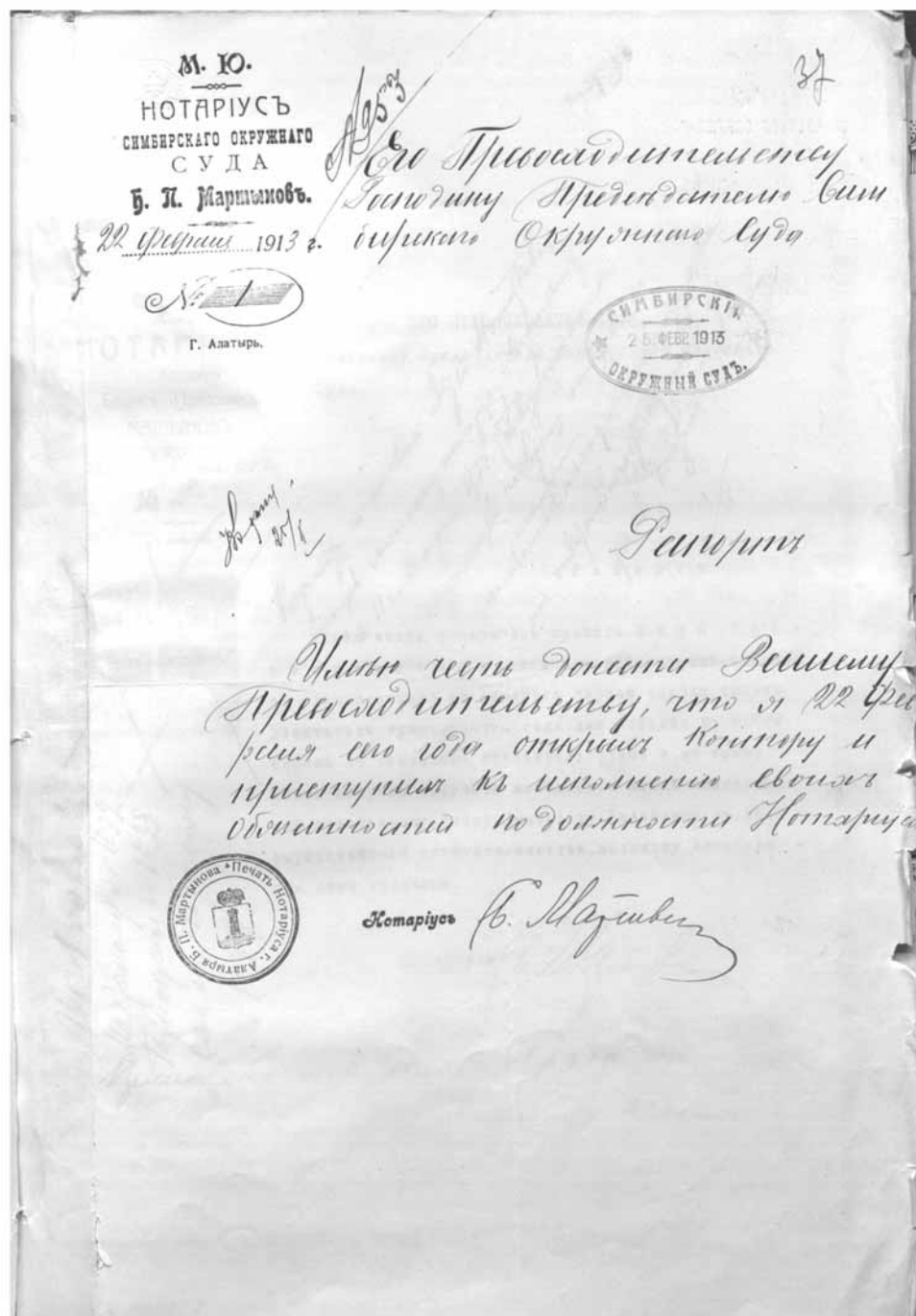
Не сразу пошёл по стопам отца младший сын Борис Павлович Мартынов. Он родился 15 февраля 1886 года в Оренбурге и ещё ребёнком был привезён в Симбирск. Здесь он, как и старший брат, окончил мужскую классическую гимназию, мечтая продолжить учёбу в одном из военных училищ. Но в 1907 году, когда подошло время исполнения им воинской повинности *«по вынужденному 34 жре-*

¹⁷⁶ УСЭ. — Т. 1. — Ульяновск, 2000. — С. 357–358.

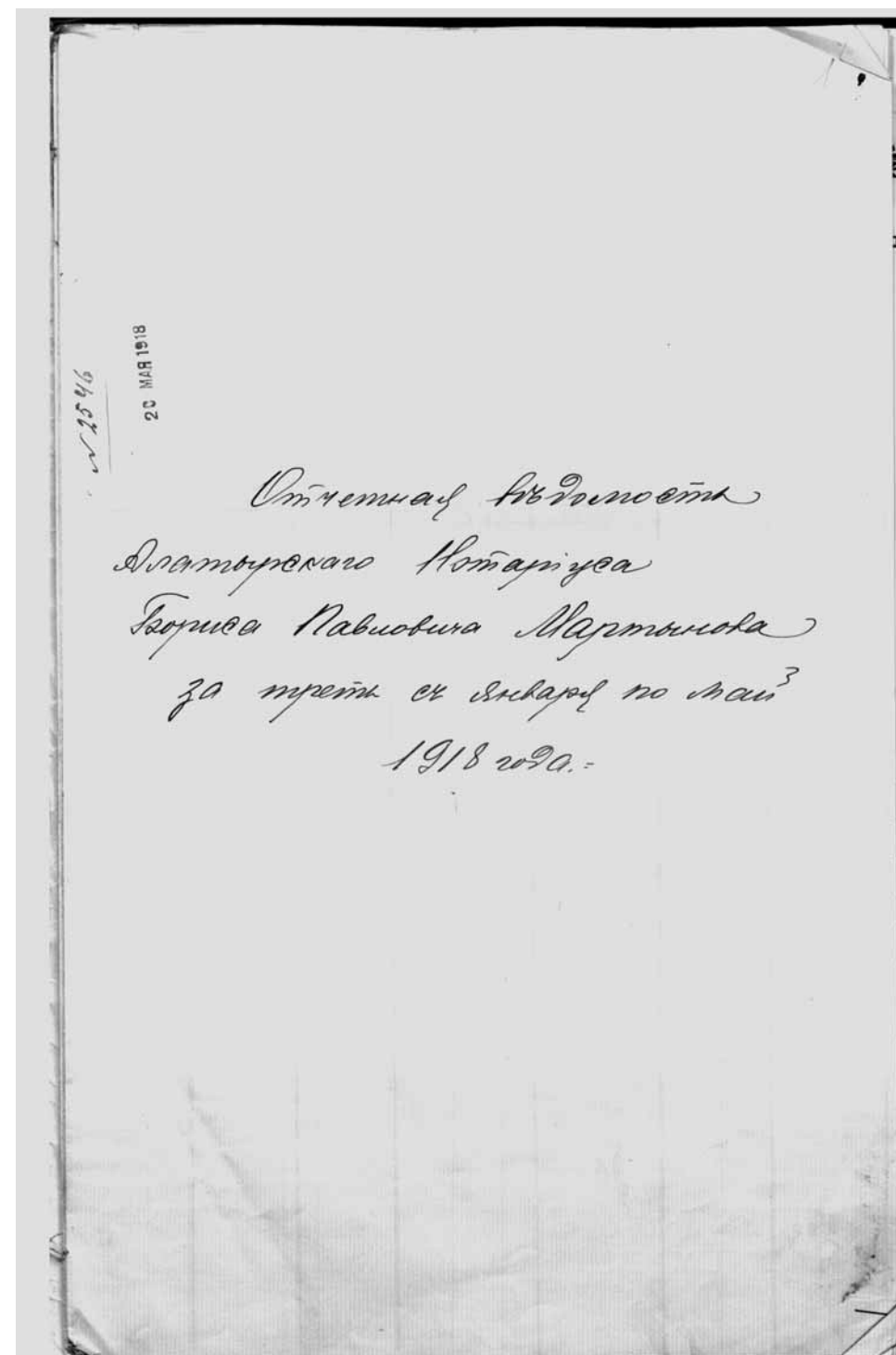
¹⁷⁷ У П.Л. Мартынова было пятеро детей: три дочери и два сына.

¹⁷⁸ Савич М.М. Павел Любимович Мартынов. — Ульяновск, 2005. — С. 35.

Документ № 27. Уведомление Б.П. Мартыновым Окружного суда об открытии им нотариальной конторы в Алатыре

Документ № 28. Отчётная ведомость Б.П. Мартынова.
ГАУО (публикуется впервые)

Документ № 28 (окончание)

[illegible]

бию призыва», оказалось, что по состоянию здоровья он не годится для несения воинской службы.

Чтобы не сидеть без дела, Б.П. Мартынов устроился в Управление Волго-Бугульминской железной дороги, открывшееся в Симбирске в связи с подготовкой строительства железнодорожного моста через Волгу.

Поскольку отец и старший брат его служили по судебному ведомству, он тоже решил испытать счастье на этом поприще и был принят в кандидаты на судебную должность. Когда в Алатыре освободилось место нотариуса, Б.П. Мартынов подал прошение о занятии этой должности.

27 июля 1912 года на Общем собрании Симбирского окружного суда Б.П. Мартынов прошёл испытания, и «*ответы его признаны удовлетворительными*». Но Казанская судебная палата не утвердила его кандидатуру, придравшись к тому, что якобы в газетах не было объявления о вакансии. Лишь через полгода после повторного прошения просьба его была удовлетворена, и 22 февраля он открыл в Алатыре собственную контору.

К месту работы нотариус Б.П. Мартынов приехал вместе с женой Марией Артуровной Эйхенфельд, дочерью провизора. Но их брак оказался недолгим. 3 мая 1913 года Симбирская духовная

консistorия переслала в Симбирский окружной суд определение – внести в формулярный список Мартынова сведения о расторжении его брака из-за неверности супруга. В Алатыре Борис Павлович жил до 1918 года¹⁷⁹.

Младший сын старшего нотариуса

Александр Ефимович Троицкий (род. 3 июня 1875 г.), четвёртый сын бывшего симбирского нотариуса Ефима Ивановича Троицкого, вначале избрал для себя профессию военного. Окончил в 1894 году Симбирский кадетский корпус, затем 3-е Александровское военное училище и в 1896 году был зачислен офицером в Омский резервный батальон. Вся его тринадцатилетняя армейская служба прошла в Сибири.

Уйдя в 1909 году в отставку, капитан запаса А.Е. Троицкий вернулся в Симбирск и поступил на гражданскую службу.

Карсун, уездный город Симбирской губернии. Общий вид. На дальнем плане двухэтажный дом купца Шагалова. 1915 г. УКМ

Вначале он попытался пройти в земские начальники, но, узнав, что появилось вакантное место нотариуса в Карсуне, попросился на это место и был принят. 17 октября 1912 года он открыл в доме Шагалова собственную контору.

Но работать в ней пришлось недолго. Вскоре началась война, и офицер запаса А.Е. Троицкий был призван в ополчение, зачислен в звании подполковника в 236-ю пешую Симбирскую дружину, вместе с которой летом 1915 года оказался в городе Коканде Ферганской области. Так, едва начавшись, закончилась его карьера нотариуса.

¹⁷⁹ ГАУО. – Ф. 454. – Оп. 44. – Д. 61. Всё дело.

Война и революция

Разрушительная война нанесла ощутимый урон нотариальной службе губернии. Один за другим призывались на фронт офицеры запаса и простые ополченцы, служившие в различных губернских нотариальных конторах нотариусами или письмоводителями. У того же Александра Ефимовича Троицкого из карсунской конторы был призван в ряды армии его письмоводитель Пётр Иванович Денисов, которого он, уходя на войну, оставил за себя. Через несколько месяцев забрали второго письмоводителя — крестьянина Петра Егоровича Шокурова¹⁸⁰.

Мобилизовали в армию и молодого помощника старшего нотариуса, Виктора Владимировича Никольского (г. р. 1881). Он был коренным симбирянином, сыном дьякона Спасского женского монастыря. После учёбы в Казанском университете его приняли кандидатом в гражданское отделение Симбирского окружного суда. Работал какое-то время в следственном отделе, потом был закреплён за нотариальным архивом и назначен в помощники старшему нотариусу. 26 марта 1913 года он получил чин губернского секретаря, через полгода — коллежского, а через год, 31 июля 1914 года, был призван на службу в армию. Попад в 237-ю Симбирскую дружину, оказался на фронте под Ковно. Он воевал в Австро-Венгрии, участвовал в наступлениях русской армии при деревне Оксишка, держал оборону под Козлово-Рудским. 18 января 1918 года вернулся в Симбирский окружной суд и попал в самую гущу событий¹⁸¹.

После произошедшего в Петрограде 25 октября 1917 года переворота в Симбирске случились беспорядки. 26 октября толпа молодчиков разгромила и подожгла Окружной суд, исчезли все документы жандармского управления. По ходу погромщики учинили налёт на нотариальные конторы В.А. Цимбалы и В.П. Диевского, находившиеся на одной улице с судом. В конторе последнего, в доме Спасского женского монастыря, был взломан сейф, где хранились деньги, векселя и другие ценные бумаги¹⁸².

Спустя какое-то время начались брожения и неповиновения властям во всей Симбирской губернии. Вначале в Сызрани и Карсуне, а затем и в других уездах к власти стали приходить Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. За основу своей деятельности новая власть брала первые декреты, провозглашённые правительством большевиков. Один из них упразднял все существующие старые судебные учреждения.

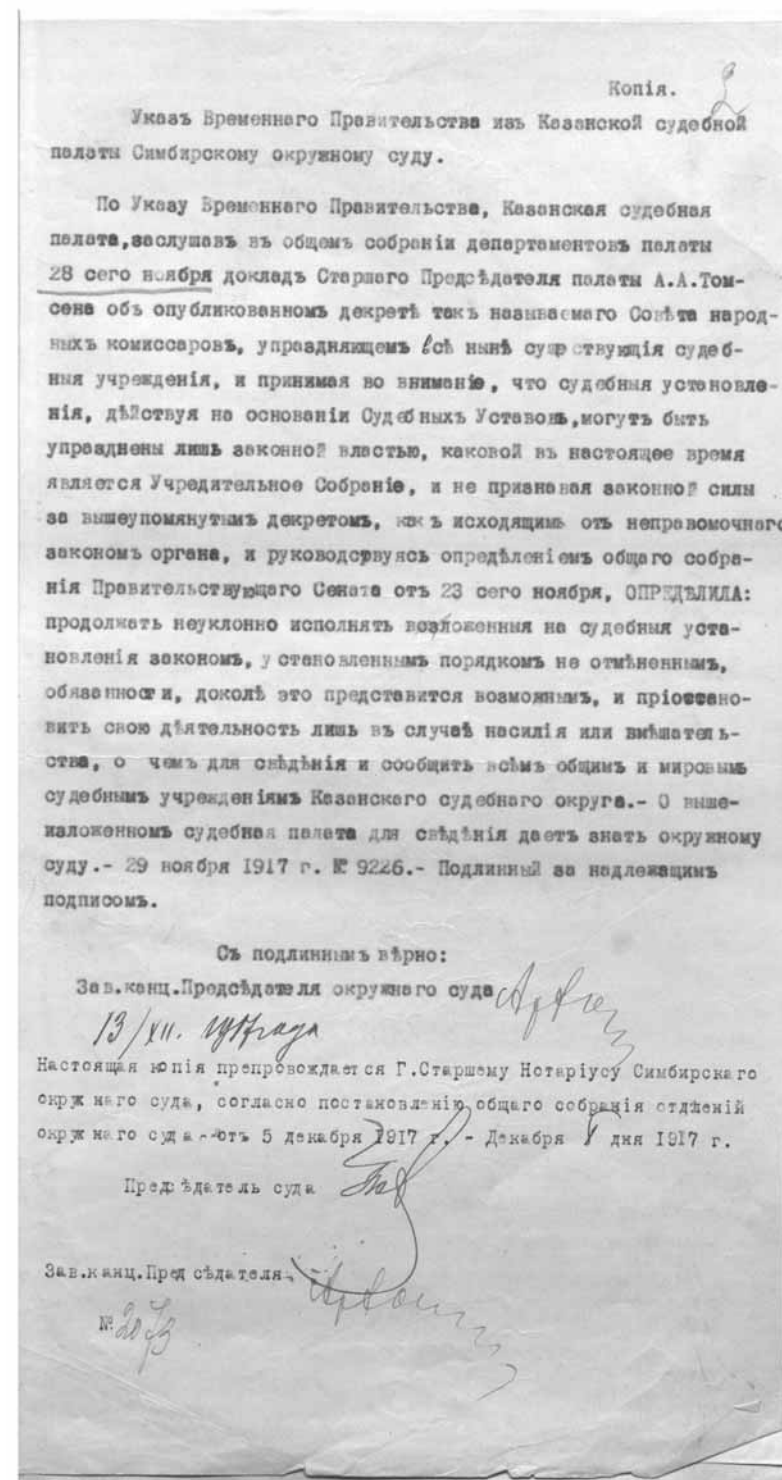
Когда этот декрет дошёл до Симбирска, где влияние большевиков ощущалось менее всего, Общее собрание окружного суда поддержа-

¹⁸⁰ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 43. — Д. 65. Всё дело.

¹⁸¹ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 42. — Д. 76.

¹⁸² Ефимов Ю.Д. Симбирск в годы Первой мировой войны. — Ульяновск, 2006. — С. 284.

Документ № 29. Указ Временного Правительства. 1917 г.

ло решение Казанской судебной палаты не подчиняться постановлению большевистского правительства, а ждать выборов в Учредительное собрание, которое и будет признано законной властью.

«Копия

Указ Временного Правительства из Казанской судебной палаты Симбирскому окружному суду.

По Указу Временного Правительства Казанская судебная палата, заслушав в Общем собрании департаментов палаты 28 сего ноября доклад старшего председателя палаты А.А. Томсена об опубликованном декрете так называемого Совета народных комиссаров, упразднившем все ныне существующие судебные учреждения, и принимая во внимание, что судебные установления, действовавшие на основании Судебных Уставов, могут быть упразднены лишь законной властью, каковой в настоящее время является Учредительное Собрание, и не признавая законной силы за вышеупомянутым декретом, как исходящим от неправомерного законом органа, и руководствуясь определением Общего собрания Правительствующего Сената от 23 сего ноября, ОПРЕДЕЛИЛА: продолжать неуклонно исполнять возложенные на судебные установления законом, установленным порядком не отменённые, обязанности, доколе это представится возможным, и приостановить свою деятельность лишь в случае насилия или вмешательства, о чём для сведения и сообщить всем общим и мировым судебным учреждениям Казанского судебного округа — о вышеизложенном судебном положении для сведения даёт знать окружной суд 29 ноября 1917 года № 9926. — Подлинный за надлежащим подписом.

С подлинником верно: зав. Канцел. Председателя окружного суда (подпись). 13.12.1917.

Настоящая копия препровождается г. старшему нотариусу Симбирского окружного суда согласно постановления Общего собрания отделений окружного суда от 5 декабря 1917 года. — Декабрь 8 дня 1917.

Председатель суда — (подпись).

Зав. Канцел. Председателя окружного суда (подпись). № 2073»¹⁸³.

Но события тех дней менялись с быстротой молнии. Пока в Петрограде решался вопрос с выборами в Учредительное собрание, в Симбирске в уездной земской управе на общем собрании 11 декабря 1917 года выборные представители всех политических объединений губернии большинством голосов приняли резолюцию «О необходимости передать власть на месте Симбирским Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Был создан межпартийный комитет из пяти человек под председательством большевика М.А. Гимова, который взял в свои руки решение самых неотложных вопросов, связанных с жизнью города.

5 января 1918 года в Петрограде, в Таврическом дворце, состоялось первое заседание избранного Учредительного собрания, на котором большевики и левые эсеры оказались в меньшинстве, набрав

¹⁸³ ГАУО. — Ф. 401. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 2.

35% голосов. Чтобы взять власть в свои руки, большевики в ночь на 6 января на совещании СНК, проходившем под руководством В.И. Ленина, поставили вопрос о разгоне Учредительного собрания, а 7 января В.И. Ленин подготовил проект декрета о его роспуске. 19 января на III Всероссийском съезде советов этот декрет был принят. Чтобы придать ему законную силу, необходимо было заручиться поддержкой населения. В губерниях стали созываться съезды по одобрению данного декрета.

Здание Симбирской уездной земской управы (ныне Гарнизонный дом офицеров)

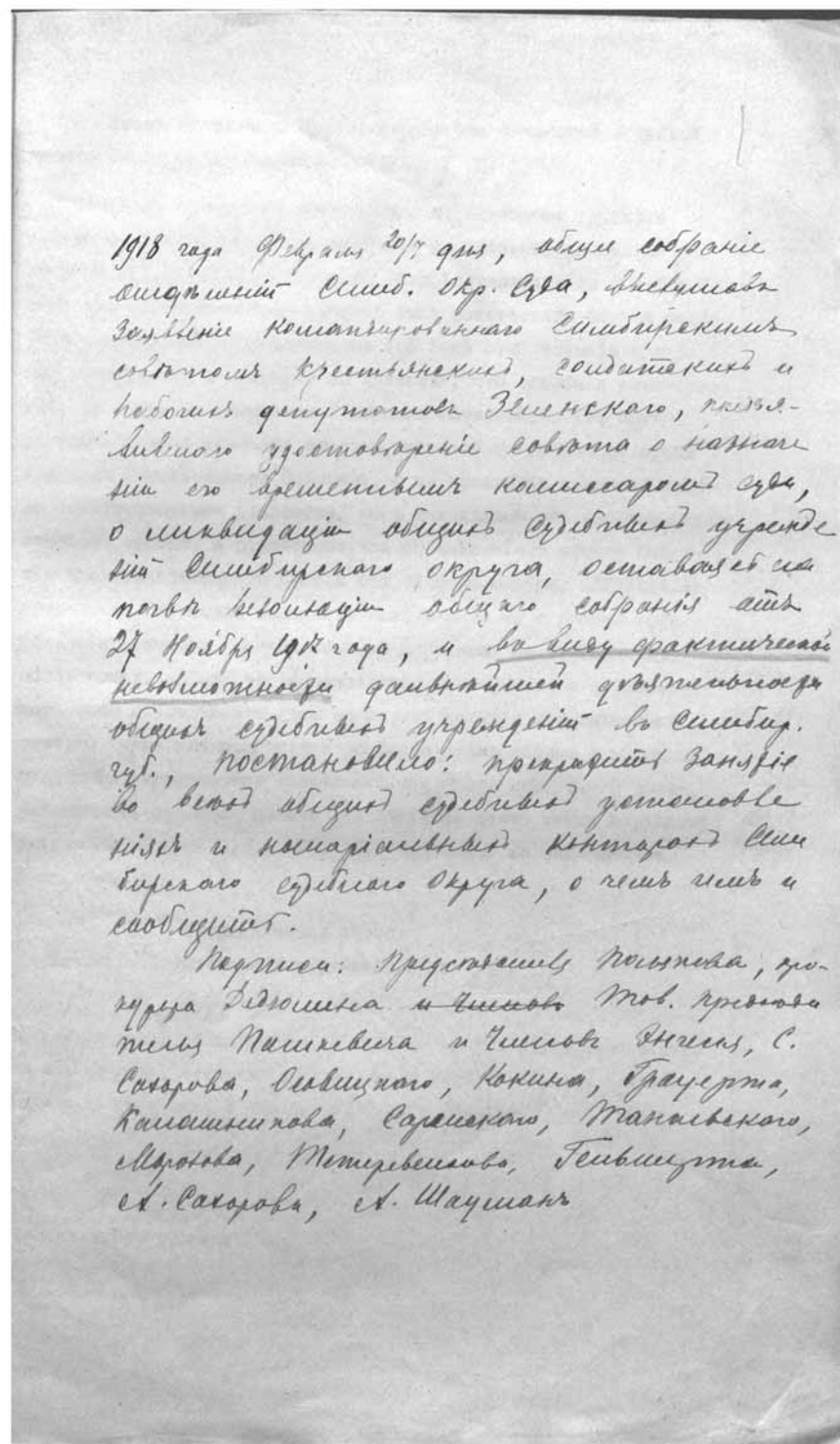
В конце января 1918 года в Симбирске собрался губернский съезд крестьян, поддержавший этот декрет Советской власти. За роспуск Учредительного собрания проголосовали 204 депутата из 254. Решение съезда развязало руки Советам. На местах начался захват всех главных административных учреждений губернии.

20/7 февраля 1918 года временным комиссаром Симбирского окружного суда был назначен командированный Советами комиссар Зелинский, объявивший о закрытии судебных учреждений на территории округа. Членам суда ничего не оставалось делать, как подчиниться.

На последнем Общем собрании окружного суда под председательством Андрея Андреевича Полякова (впоследствии расстрелянного большевиками. — Прим. авт.) было принято решение о прекращении деятельности суда.

«20/7 февраля 1918 года Общее собрание отделений Симбирского окружного суда, выслушав заявление командированного Симбирским советом крестьянских, солдатских и рабочих депутатов Зелинского, предъявившего удостоверение о назначении его временным комиссаром суда, о ликвидации общих судебных учреждений Симбирского округа,

Документ № 30. Постановление Общего собрания Симбирского окружного суда о прекращении деятельности. 1918 г.

оставаясь на почве резолюции Общего собрания 27 ноября 1917 года, и ввиду фактической невозможности дальнейшей деятельности общих судебных учреждений в Симбирской губернии, постановило: прекратить занятия во всех общих судебных учреждениях и нотариальных канцеляриях Симбирского судебного округа, о чем им и сообщить.

Подписи председателя Полякова, прокурора Дедюлина, товарища председателя Пашкевича и членов: Ангеля, С. Сахарова, Осовицкого, Кокина, Грауэрта, Калашникова, Саранского, Танаевского, Морозова, Тетеревенкова, Гельшера, А. Сахарова, А. Шаумана»¹⁸⁴.

Оставшимся без работы юристам в те дни приходилось несладко. Очевидец симбирских событий 1918 года, отставной генерал царской армии Александр Владимирович Жиркевич, в 1915 году поселившийся на время в Симбирске, писал в дневнике: «12 апреля. Кто чем только не занимается для того, чтобы забыться. Прокурор Дедюлин и другие судейские из-за куска хлеба сели за прилавок и перепродают разные вещи. Кто-то из судейских по той же причине поступил кондуктором на железную дорогу, кто-то писцами...»¹⁸⁵.

Но оказалось, что история Симбирского окружного суда имела своё продолжение. В июне 1918 года в Самаре вспыхнул белочешский мятеж, и к власти пришло эсеровское правительство — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). Вскоре под его влияние попала большая часть Среднего Поволжья, включая Симбирскую губернию. Власть Комуча продержалась до середины сентября. За это время в губернии были восстановлены все прежние учреждения.

Вновь открылся и Симбирский окружной суд. Исправляющим должность председателя суда вместо расстрелянного А.А. Полякова стал статский советник Владимир Александрович Варламов¹⁸⁶. Узнав, что из всех отделений суда только нотариальный отдел, вопреки решению Общего собрания предыдущего окружного суда, продолжал работать при большевиках, В.А. Варламов потребовал объяснения у старшего нотариуса А.С. Зеленкова.

Как объяснил А.С. Зеленков, создавшееся положение в отношении нотариата весной 1918 года видно из его письма к В.А. Варламову: «...Что же касается нотариата вообще, и в частности нотариального архива, то никаких насилий или вмешательства в отношении его проявлено не было, и требования передать дела и прекратить работу ни мне, как старшему нотариусу, ни одному из симбирских уездных нотариусов, не предъявлялись, почему нотариат и продолжал неуклонно исполнять возложенные на него обязанности, согласно Указу из Казанской судебной палаты и постановлению Симбирского окружного

¹⁸⁴ ГАУО. — Ф. 401. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 1.

¹⁸⁵ Жиркевич А. Потревоженные тени... / Симбирский дневник (сост. Н.Г. Подлесских). — М., 2007. — С. 346.

¹⁸⁶ Отец известного композитора, одного из основателей советского джаза А.В. Варламова.

суда. Самое закрытие помещения нотариального архива на два-три дня при опечатывании Окружного суда, конечно, не могло быть принято ни за насилие, ни за вмешательство, так как закрытие это было произведено не с целью прекращения работы и отобрания дел, как это было с окружным судом, и оказалось совершенно случайным, так как нотариальный архив помещается в одном здании с окружным судом, что подтверждается так же и тем, что конторы нотариусов, как находящиеся вне суда, не закрывались даже и на этот короткий срок. Что касается постановления окружного суда от 7 февраля 1918 года о прекращении деятельности суда, в каковом я, между прочим, не участвовал, так как теперь оказывается, председатель суда был лишён возможности привести его в исполнение, почему всем не участвовавшим в том собрании лицам постановление это едва ли хорошо известно и в настоящее время.

Кроме того, постановление это не объявлялось даже и словесно, хотя бы в частной беседе. Далее, при обсуждении в том же собрании отделений суда вопроса о нотариате оказалось, что нотариат находится в особых условиях и что большевистская власть брать его в своё ведение не собирается. Однако я полагаю, что даже и при наличии этого постановления окружного суда как суд, так и всякие должностные лица были бы обязаны немедленно возобновить свою деятельность, как это имеет место в настоящее время. Как только поводы, послужившие к прекращению работы отпали, тем менее было оснований для меня прекращать свою работу, когда никаких поводов к тому не было. Наконец, следует отметить, что работа в нотариальном архиве протекала в совершенно нормальных условиях и в том же виде, как она происходит, и теперь и сводится лишь к выдаче разного рода документов, справок, копий и перепискам с банками, казначействами и прочими учреждениями и должностными лицами, так как утверждение и рассмотрение актов по существу фактически уже прекратились вследствие принятия 5 января 1918 года Учредительным Собранием закона о социализации земли. Говорить о вмешательстве при такой работе также, конечно, не приходится.

В связи с таким сокращением работы часть служащих канцелярии нотариального архива была распущена, и так как надобности в пополнении канцелярии в настоящее время также не предвидится, то канцелярия остаётся в том же составе и теперь. Оклады жалований старшему нотариусу и канцелярии были увеличены до тех размеров, какие существуют в настоящее время, причём выдавалось также из средств Государственного казначейства.

Такое увеличение жалования, как известно, признано совершенно правильным и распространено в настоящее время на всех служащих окружного суда. Никаких подписок о признании власти большевистским властям я не выдавал, и нотариальный архив остаётся по-прежнему учреждением самостоятельным.

Доводя о вышеизложенном, я полагаю, что за отсутствием каких бы то ни было поводов и прекращения занятий, работа нотариального архива не могла быть приостановлена, а я как старший нотариус

функционировал на законном основании и по назначению от прежнего правительства наряду с прочими учреждениями и должностными лицами, большевистской властью не ликвидированными.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении и преданности.
А. Зеленков.

Нотариальный архив во время большевистской власти находился, как мне кажется, в том же положении, как и все местные учреждения и должностные лица судебного ведомства в тот период, когда перестали работать Правительствующий Сенат и Министерство юстиции, так как и эти все местные учреждения, и лица продолжали свою работу до того момента, когда деятельность их не была приостановлена путём фактического насилия или вмешательства со стороны большевистской власти. А. Зеленков.

7/20 августа 1918 года

С подписью верно: зав. Канцел. Председателя окружного суда (подпись)¹⁸⁷.

То, что отдельные нотариусы при Советской власти работали в обычном режиме, свидетельствуют их отчёты, присланные А.С. Зеленкову.

Таблица 5

**Отчёты нотариусов за вторую треть года
(с мая по сентябрь) 1918 года**

Ф.И.О. нотариуса		Прочих свидет.	Явочн. актов	Протест. векселей	Соверш. актов	Сбор в пользу города	Плата нотар.
Мартынов Борис Павлович (г. Алатырь)		313	62	17	9	40 руб. 20 к.	158 руб. 10 к.
Черенков Иван Александрович (г. Алатырь)		364	91	42	17	75 руб. 50 к.	307 руб. 09 к.
Севрюгов Сергей Николаевич (г. Сенгилей)		257	13	1	13	90 к.	174 руб.
Ермаков Василий Арсентьевич (г. Буинск)	1 треть года	156	6	3	2	1 руб. 80 к.	481 руб. 35 к.
	2 треть года	126	2	8	2	1 руб. 60 к.	513 руб. 50 к.

¹⁸⁷ ГАУО. — Ф. 401. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 3—5.

Из третних ведомостей нотариусов видно, что новая власть внесла существенные изменения в их деятельность. Из отчётов исчезла графа о совершении купчих крепостей¹⁸⁸. Виной тому стал «Декрет о запрещении сделок с недвижимостью».

Декрет о запрещении сделок с недвижимостью

От 18 декабря 1917 года ввиду предстоящего обобществления городской земли приостанавливаются какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. всех недвижимостей и земель в городах.

Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и городским самоуправлениям предписывается установить наблюдение за использованием нотариусами настоящего постановления.

Лица, продолжающие продажу и покупку и т.д. недвижимых имуществ и земли и не подчиняющиеся настоящему постановлению, по решению местных судов подлежат денежным взысканиям вплоть до конфискации имущества.

Настоящее постановление вводится в действие по телеграфу.

Принято Коллегией.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Народные комиссары: В. Трутовский, Г. Петровский

Управляющий делами Совета В. Бонч-Бруевич

Секретарь Н. Горбунов

14 декабря 1917 года.

Нотариусы прекратили отчислять деньги на пополнение залога за должность, что само по себе понятно исходя из реалий тех лет. Значительно сократилось и общее количество дел, проходивших через нотариальные конторы.

Двенадцатого сентября 1918 года Симбирск был освобождён войсками Красной армии от белочехов. На освобождённых территориях «окончательно и безповоротно» утвердилась власть Советов.

В соответствии с циркулярами Совнаркома старые учреждения постепенно заменялись новыми. Происходило это и с учреждениями нотариата. Вначале, согласно опубликованному 16 сентября 1918 года постановлению СНК, прекратило действие Положение о нотариальной части и вступили в силу Временное положение и инструкция о порядке деятельности нотариальных отделов при совдепах. А 9 декабря 1918 года циркуляром Наркомюста РСФСР было предложено «ликвидировать нотариальные отделы, а их функции распределить между другими отделами соответственно их компетенции (коммунальными, социального обеспечения, записи актов гражданского состояния, юридическими) и местными народными судьями»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ ГАУО. — Ф. 454. — Оп. 49. — Д. 18.

¹⁸⁹ Исторические хроники Российского нотариата. — М., 2003. — С. 216.

Институт свободного нотариата по сути прекратил своё существование.

Оказались ненужными и нотариальные архивы, с таким трудом и тщательностью собираемые все предыдущие столетия. Вначале Декретом СНК от 24 ноября 1917 года, а затем секретным декретом Наркомата юстиции от 13 ноября 1918 года подлежали ликвидации все нотариальные архивы страны, особенно дела имущественного порядка. Разрешалось сохранить не более одного процента дел, в основном годовые отчётные ведомости нотариусов, формулярные списки служащих.

А.В. Жиркевич. По книге «Потревоженные тени...» (М., 2007)

Общая участь постигла и нотариальный архив Симбирского окружного суда. Упомянутый выше Александр Владимирович Жиркевич с 1922 по 1926 год работал архивариусом в губфинотделе, где хранился и архив Губюста. 18 мая 1922 года он записал в дневнике: «В архиве, где я работаю, ночью кто-то ходил <...> я нашёл сдвинутыми бумаги, книги, опрокинутым одно кресло. Когда я вчера уходил из архива, ничего этого заметно не было. Видимо, добираются до нотариальных дел, и без того до меня разграбленных наполовину. Днём я бдительно слежу за архивом. Так пользуются ночным временем, отсутствием сторожей, беспечностью дежурного.

При мне постоянно делаются попытки вытащить дела из архива для уничтожения их на конверты, обёртку и т.п. Конечно, моя борьба за архив Губюста ни к чему не приведёт, и меня оттуда сплавят, и архив будет продолжать распыляться. Но я всегда держался того мнения, что надо бороться и в одиночку с бесчисленными врагами, не спрашивая много ли их...»¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Жиркевич А.В. Потревоженные тени... / Симбирский дневник. Составитель Н.Г. Жиркевич-Подлесских. — М., 2007. — С. 613.

Автор этого дневника — личность во всех отношениях примечательная. Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927), военный юрист, литератор, коллекционер, благотворитель, происходил из семьи потомственных военных. После окончания Петербургской военно-юридической академии с 1883 года служил в Виленском военно-судебном ведомстве, но в 1908 году ушёл в отставку в знак протеста против введения военно-полевых судов и смертной казни для политзаключённых. В связи с войной он с семьёй в 1915 году эвакуировался в Симбирск, где жил до возвращения в Вильно в 1926 году.

В Симбирске в годы Первой мировой и Гражданской войн он был попечителем десяти госпиталей, трёх тюрем и военно-гарнизонного кладбища. Участвовал в работе Симбирской учёной архивной комиссии. Незадолго до отъезда А.В. Жиркевич передал в Симбирский художественный музей, фактически даром, богатейшую коллекцию в две тысячи единиц хранения, состоящую из картин (среди которых полотна И.Е. Репина, К.И. Брюлова), графики (рисунки Рембрандта, Пуссена, Гвидо-Рени, Ораса-Верне), старопечатных книг, предметов историко-литературного значения.

А.В. Жиркевич дружил с И.Е. Репиным, кисти которого принадлежат четыре его портрета, был хорошо знаком и состоял в переписке с Л.Н. Толстым, В.С. Соловьёвым, А.Ф. Кони, А.Н. Апухтиным и многими другими замечательными людьми того времени. Свой личный архив (дневники, переписку, альбомы с автографами известных людей) он передал в Государственный музей Л.Н. Толстого¹⁹¹.

¹⁹¹ УСЭ. — Т. 1. — Ульяновск, 2000. — С. 204.

Приложение 3

Список нотариусов составлен по «Адрес-календарям Симбирской губернии» разных лет и материалам ГАУО

Место службы	Нотариус	Годы службы
г. Симбирск	Ефим Иванович Троицкий (старш. нотар. до 1892 г.)	1870–1904
	Валентин Иванович Суров	1871–1887
	Давид Осипович Колосов	1871–1880
	Николай Сергеевич Фёдоров	1877–1889
	Алексей Никанорович Попов	1879–1893
	Михаил Васильевич Брызгалов	1880–1906
	Дмитрий Николаевич Силин	1887–1888
	Николай Дмитриевич Краевский	1888–1890
	Владимир Алексеевич Миловзоров (и.д. старш. нотар.)	1897–1902
	Николай Александрович Кубышкин	1891–1916
	Г.Ф. Горячковский	? – 1896
	Иван Иванович Бабушкин	1896–1897
	Михаил Михайлович Емельянов (и.д. старш. нотар.)	1902–1904
	Алексей Алексеевич Катаев (старш. нотар.)	1902–1908
	Валериан Петрович Диевский	1903–1918
	Сергей Алексеевич Попов	1905–1912
	Алексей Алексеевич Попов	1912–1917
	Василий Александрович Цимбалин	1906–1918
	Эраст Александрович Зеленовский (и.д. старш. нотар.)	1908–1910
	Сергей Иннокентьевич Дроздов (и.д. старш. нотар.)	1910–1913
	Александр Семёнович Зеленков (помощн., с 1913 старш. нотар.)	1909–1918
	Борис Кузьмич Саранский (и.д. старш. нотар.)	1913–1915
	Виктор Владимирович Никольский (помощ. стар. нотар.)	1912–1918
	Михаил Александрович Павлов (и.д. старш. нотар.)	авг. 1916
	Анатолий Дмитриевич Порецковский (помощ. старш. нотар.)	окт. 1916

Окончание табл.

Место службы	Нотариус	Годы службы
г. Алатырь	Павел Осипович Колосов	1877–1881
	Дмитрий Семёнович Трусов	1871–?
	Вениамин Михайлович Трапицин	1888–?
	князь Дмитрий Николаевич Тенишев	1889–1896
	Николай Тимофеевич Городов	1889–1901
	Павел Васильевич Иванцев	188–?
	Дмитрий Михайлович Тихонравов	? –1902
	Михаил Семёнович Карачаров	1901–1912
	Иван Александрович Черенков	1904–1918
	Борис Павлович Мартынов	1913–1918
г. Ардатов	Николай Валентинович Суров	1875–1879
	Фавст Сергеевич Дреер	1880–1883
	князь Дмитрий Николаевич Тенишев	1883–1889
	Павел Петрович Лобанов	1889–1902
	Николай Фёдорович Милованов	?–1916
	Иван Александрович Черенков	1902–1904
	Сергей Иванович Севрюгов	1904–1907
	Иван Григорьевич Невский	1910–1916
г. Буинск	Иван Иванович Бабушкин	1884–1896
	Василий Арсентьевич Ермаков	1901–1918
г. Карсун	Михаил Андреевич Дамиров	?–1910
	Алексей Алексеевич Попов	1911–1912
	Сергей Алексеевич Попов	до авг. 1912
	Александр Ефимович Троицкий	1912–1918
г. Курмыш	Владимир Прокофьевич Громов	1881–1895
	Алексей Васильевич Остолопов	1907–1916
г. Сенгилей	Николай Дмитриевич Краевский	1886–1888
	Михаил Яковлевич Симогулов	1890–1904
	Сергей Иванович Севрюгов	1904–1918
г. Сызрань	Виктор Николаевич Умнов	1871–?
	Александр Титыч Макаров	1875–1889
	Александр Ильич Беянин	1870-е
	Владимир Иванович Балдин	1877, 1881
	Владимир Иванович Сабанин	1877, 1879
	Кирилл Осипович Стрельников	?–1884
	Алексей Николаевич Мими	1885–1886
	Василий Михайлович Троицкий	1880–1890
	Александр Николаевич Куракинский	1886–1896
	Василий Львович Софотеров	1890–1914
	Николай Александрович Варламов	1895–1896
	Иосиф Адамович Стефановский	1896–1906
	Николай Алексеевич Максимов	1907–1916
	Сергей Иннокентьевич Дроздов	1913–1918

70 ЛЕТ СОВЕТСКОГО НОТАРИАТА

Становление советского нотариата

К 1920 году на большей части бывшей Российской империи была установлена Советская власть. На развалинах царской России выросло новое государство – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, а затем Союз Советских Социалистических Республик. В основу РСФСР был положен федеративный принцип государственного устройства. В нее, помимо губерний, вошли восемь автономных республик и одиннадцать автономных областей.

Административная реформа больно ударила по многонациональной Симбирской губернии. Одна за другой от неё отделялись крупные территории. В связи с образованием Чувашской АССР к ней отошла часть Алатырского уезда, к Татарской АССР отошёл Буинский уезд, к Нижегородской губернии присоединили Курмышский уезд, а позже к образованной Мордовской АССР – часть Ардамовского уезда.

В январе 1924 года в подмосковных Горках умер уроженец Симбирска Владимир Ильич Ульянов (Ленин). В связи с этим правительством было принято решение об увековечении его имени на карте страны: Петроград был переименован в Ленинград, Симбирск 9 мая 1924 года переименовали в Ульяновск (поменяв при этом названия почти всех улиц города), а Симбирскую губернию – в Ульяновскую.

Четыре года Ульяновск оставался административным центром наполовину урезанной Ульяновской губернии, но в 1928 году не стало и её. По новому административному делению она на правах округа вошла в состав Средневолжского края (с центром в городе Самара), сформированного из бывших Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской губерний.

В Ульяновский округ с оставшимися территориями бывших уездов Симбирской губернии – Ульяновского, Карсунского, Сенгилеевского и части Ардамовского – была включена большая часть

бывшего Ставропольского уезда Самарской губернии, расположенного на левом берегу Волги. Только 19 января 1943 года решением правительства была создана Ульяновская область в её теперешних границах.

Революционные преобразования затронули все отраслевые направления и отдельные службы страны, включая и нотариат. Ликвидированная в 1918 году нотариальная служба вскоре оказалась востребованной. Народный комиссариат юстиции распорядился о создании при местных советах нотариальных столов. В 1921 году вышли декреты правительства, требующие обязательного засвидетельствования договоров о государственных подрядах и поставках, сделок по купле-продаже частных домов и некоторых других документов.

Наконец, 4 октября 1922 года было утверждено Положение о государственном нотариате РСФСР (оно не раз за годы Советской власти дополнялось и пересматривалось), по которому советский нотариат был включён в состав органов юстиции. В ведение народных судов перешли и нотариальные столы, вскоре вместо них во всех областях и республиках стали вводить нотариальные конторы.

Количество контор для каждой территории определялось Министерством юстиции. Принятое 9 января 1923 года Постановление Президиума Симбирского губисполкома об организации нотариальных контор в губернии предписывало открыть в Симбирске и Сызрани по две нотариальные конторы, в остальных трёх уездах — по одной. Вначале в Симбирске открылась только одна нотариальная контора.

Деятельность нотариальных контор на местах Народный комиссариат юстиции контролировал через губернские советы народных судей, при которых были учреждены нотариальные отделения и нотариальные архивы.

Количество совершаемых конторами нотариальных действий на первых порах было незначительным и, как правило, не превышало нескольких сотен в год. В основном это были договоры отчуждения немunicipализированных строений, выдача доверенностей, копий с документов, удостоверение подлинности подписей.

Год от года возрастал объём гражданского оборота, и существующие в Ульяновской губернии нотариальные конторы не успевали справляться со своими обязанностями, поэтому по решению Ульяновского губисполкома в 1926 году открыли ещё одну контору в Ульяновске, по одной — в селе Промзино и при станционном посёлке Инза.

В годы нэпа деятельность нотариальных контор несколько оживилась. К 1927 году (по сравнению с 1923 г.) количество совершённых нотариальных действий в нотариальных конторах Ульяновской губернии увеличилось с 1 210 до 4 497, а гербовый сбор вырос — с 2 476 до 19 860 рублей (данные на 15.01.1927 г.).

Документ № 31. Приказ отдела юстиции Ульяновского облисполкома о награждении нотариусов. 1984 г.

62

исх. 374
от 06.02.84

 министерство юстиции РСФСР
 ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ
 ИСПОЛКОМА УЛЬЯНОВСКОГО
 ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
 НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
П Р И К А З
 06.02.84 № II
 г. Ульяновск

За добросовестное отношение к исполнению служебных обязанностей и достижение хороших показателей по итогам смотра на лучшую государственную нотариальную контору в 1983 году

п р и к а з ы в а ю :

1. Объявить благодарность и выдать денежную премию в сумме двадцать рублей:
 - Соловьевой Марии Геннадьевне — нотариусу Вешкаймской нотариальной конторы;
 - Прокопьевой Тамаре Ивановне — нотариусу Кузоватовской нотариальной конторы;
 - Браташовой Венере Ахатовне — нотариусу Карсунской нотариальной конторы.
2. Объявить благодарность нотариусу Инзенской нотариальной конторы т. Шляпкиной Ирине Васильевне.
3. Приказ направить во все нотариальные конторы области.

Начальник отдела В.П. Родионов

2984 — 2990.

К 1941 году в Ульяновском округе (в составе Куйбышевской области) насчитывалось 15 нотариальных контор. Во время войны их сократили до шести, но с образованием Ульяновской области и увеличением в несколько раз за счёт притока в годы войны эвакуированного из западных областей населения количество контор снова стало расти и к 1 июня 1950 года достигло тринадцати. Это были Ульяновская областная, 2-ая Ульяновская, Барышская, Базарно-Сызганская, Вешкаймская, Инзенская, Карсунская, Кузоватовская, Мелекесская 1-ая, Мелекесская 2-ая, Новоспасская, Сенгилеевская, Сурская нотариальные конторы¹⁹².

На нотариусов послевоенного периода, помимо их основной деятельности — совершения нотариальных действий и сбора пошлин в государственную казну, возложили задачи и иного порядка. Они, как специалисты, хорошо знающие законодательство и делопроизводство, привлекались для оказания методической помощи работникам исполнительных органов власти. Для правовой пропаганды населения нотариусы обязаны были читать выездные лекции, проводить беседы, выступать в средствах массовой информации. Все вышеперечисленные показатели они указывали в своих планах и отчётах, отсюда цифры попадали в общие годовые отчёты. Так, из отчёта облисполкома за второе полугодие 1956 года видно, что нотариусами области были проинструктированы 76 секретарей исполкомов сельских советов, прочитано 18 лекций, проведено 59 консультаций на юридические темы, сделано 17 обобщений нотариальной практики.

Приведённая ниже таблица отражает работу нотариальной службы Ульяновской области за период с 1977 по 1985 год.

Таблица 6

Показатели деятельности нотариальных контор по годам

Год	Кол. нотариал. действий	Взыскано госпошлин	Кол. нотариал. обобщений	Кол. лекций	Кол. бесед	Кол. семинаров	Юридическая помощь органам власти	Практика долж. лиц исполкомов
1977	62 627	249 151 руб.	34	125	210	24	88	122
1978	65 354	257 083 руб.	18	129	164	28	90	103
1984	79 121	583 032 руб.	39	125	238	31	76	125
1985	80 284	652 844 руб.	48	120	280	42	98	180

В конце 1970-х годов наряду с прочими трудовыми коллективами страны нотариальные конторы стали участвовать в со-

¹⁹² Свириденко Т.Г., Гадилёва Л.И. Указанное соч. — С. 10–11.

циалистических соревнованиях. Они проходили в виде ежегодных смотров-конкурсов на лучшую нотариальную контору области. При подведении итогов главными критериями были всё те же показатели, а также активное участие в работе общественных организаций (партийной, комсомольской, профсоюзной и других).

В 1977 году отдел юстиции Ульяновского облисполкома по итогам годовой отчётности определил трёх победителей в смотре-конкурсе: Вешкаймскую, Четвёртую Ульяновскую и Сенгилеевскую государственные нотариальные конторы.

Значительных успехов в означенном году достигла нотариус из Вешкаймы **Мария Геннадьевна Соловьёва**. За год она совершила 946 нотариальных действий, взыскала 6 374 рублей госпошлин, провела четыре обобщения нотариальной практики, четыре семинарских занятия для исполкомов местных советов, 14 бесед на правовые темы, прочитала пять лекций, четыре раза выступила в печати и на радио. В её конторе прошли практику 26 секретарей исполкомов местных советов. При этом она много времени отдавала общественной работе — была народным заседателем Вешкаймского районного народного суда, членом внештатного юридического отдела Вешкаймского районного исполкома, секретарём общественного совета по работе товарищеских судов.

Нотариус Четвёртой Ульяновской государственной нотариальной конторы **Эмилия Петровна Фролова** в 1977 году совершила 6 635 нотариальных действий, ею было взыскано 19 690 рублей 90 копеек госпошлин с соблюдением требований законодательства, проведено четыре обобщения нотариальной практики и 30 бесед на правовые темы.

Нотариус из Сенгилея **Клавдия Александровна Ганина**, которая уже 35 лет работала в органах юстиции, в 1977 году совершила 1 065 нотариальных действий, взыскала 10 242 рублей госпошлин, провела 21 беседу, четыре семинарских занятия с должностными лицами, в её конторе прошли практику 14 секретарей исполкомов местных советов.

В приказе начальника отдела юстиции Ульяновского облисполкома отмечалось:

«Учитывая изложенное, отдел юстиции и президиум обкома профсоюзных работников государственных учреждений постановляет:

1. Первое место присудить Вешкаймской государственной конторе с вручением почётной грамоты отдела юстиции и обкома профсоюзных работников государственных учреждений с выдачей денежной премии в сумме 50 рублей».

Второе место в соревновании получила Четвёртая Ульяновская государственная нотариальная контора (нотариус Э.П. Фролова), третье место — Сенгилеевская государственная нотариальная контора (нотариус К.А. Ганина)¹⁹³.

¹⁹³ Архив Ульяновской нотариальной палаты. — Папка 01—01 «Приказы и указания Министерства юстиции СССР... за 1978—1980 гг.». — Л. 10—11.

Такой расклад мест объяснялся тем, что ни Э.П. Фролова, ни К.А. Ганина при более высоких трудовых показателях не имели общественной нагрузки.

В следующем году Вешкаймская государственная нотариальная контора вновь оказалась на первом месте. Проведённая проверка конторы в 1978 году лишь подтвердила высокий профессионализм её нотариуса.

«Исков. № 2418

Приказ

Начальника отдела юстиции Ульяновского облисполкома № 98

26 сентября 1978 г. г. Ульяновск

Проверкой работы Вешкаймской нотариальной конторы установлено, что нотариус тов. Соловьёва М.Г. правильно организовала работу нотариальной конторы, добила высокой культуры обслуживания граждан, безошибочного совершения нотариальных действий.

Большую работу проводит по профилактике правонарушений, оказанию правовой помощи исполкомам местных Советов народных депутатов, выполнении ими нотариальных функций и правовой пропаганды.

Постоянно занимается над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации.

Принимает активное участие в общественной жизни района.

ПРИКАЗЫВАЮ:

(...) 4. За образцовое выполнение трудовых обязанностей нотариусу Вешкаймской нотариальной конторы тов. Соловьёвой М.Г. объявить благодарность.

5. Распространить положительный опыт работы нотариуса тов. Соловьёвой М.Г. по всем нотариальным конторам области.

6. Настоящий приказ направить во все нотариальные конторы области.

И.о. начальника отдела юстиции

Б.А. Миронов».

Мария Геннадьевна Соловьёва к этому времени уже шесть лет работала в Вешкаймской конторе. Пришла она в неё 27 марта 1972 года ещё студенткой-заочницей третьего курса юридического факультета Казанского университета, а к концу обучения приобрела не только знания, но и опыт нотариальной работы. Её контора и в дальнейшем называлась первой среди лучших, нотариус неоднократно получала за работу почётные грамоты и денежные премии.

Смотры-конкурсы на лучшую нотариальную контору Ульяновской области и в дальнейшем проходили регулярно. В таблице показано, как распределились места в смотрах-конкурсах в период с 1977 по 1985 год. Из 21 государственной нотариальной конторы области победителями в эти годы стали одиннадцать.

Таблица 7

Название нотариальных контор	Занятое место в смотре-конкурсе по годам						
	1977	1978	1979	1982	1983	1984	1985
Вешкаймская	1	1					
Димитровградская				2		2	3
Николаевская				3			
Новоульяновская		3					
Сенгилеевская	3	2					
Сурская					1		
2-я Ульяновская			2				
3-я Ульяновская			1	1	2	1	1
4-я Ульяновская	1					3	2
5-я Ульяновская					3		
Чердаклинская			3				

За победы в смотрах нотариусы награждались почётными грамотами, ценными подарками или небольшими денежными премиями. Разовые премии получали нотариусы и по окончании высшего учебного заведения, особенно если учёба проходила без отрыва от производства. Несмотря на все поощрения в конторах происходила частая смена кадров.

Напряжённая, но малооплачиваемая и непрестижная работа нотариусов советского периода была причиной частого перехода их в другие службы судебного ведомства (например, в народный суд, адвокатуру) или в управленческие структуры (облисполкомы, райисполкомы и другие).

К 1992 году в Ульяновской области действовало 26 государственных нотариальных контор, в штате которых числилось 43 нотариуса.

Из всех нотариальных контор области самая большая нагрузка ложилась на конторы Ульяновска и Димитровграда – городов с высокой численностью населения.

ПЕРВАЯ УЛЬЯНОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА

Главной конторой области считалась Первая Ульяновская государственная нотариальная контора. Она открылась в 1923 году в центральной части города и с 1951 года получила статус областной. Ей предоставили помещение на улице Гончарова, в доме № 1, но в начале 1960-х годов контору перевели в промышленный Засвияжский район города (по адресу: Московское шоссе, 49).

Первая контора всегда была самой загруженной, так как обслуживала три правобережных района города и два сельских района,

прилегающих к Ульяновску. До начала 1960-х годов в ней работали только два нотариуса. В 1966 году в штат был принят третий, а через несколько лет обслуживанием клиентов стали заниматься пять человек (старший нотариус, три младших нотариуса и секретарь).

В обязанности Первой Ульяновской государственной нотариальной конторы входило многое из того, что не позволялось осуществлять другим конторам. Например, только в ней выдавались копии документов на иностранных языках, свидетельствовались копии актов высших органов государственной власти и госуправления СССР. На первые нотариальные конторы по Закону РСФСР о государственном нотариате от 2 августа 1974 года были возложены обязанности по выдаче свидетельств о праве на наследство, а также удостоверение договоров об отчуждении жилых домов и дарении автомототранспортных средств. Если в какой-то конторе долгое время отсутствовал нотариус, его обязанности возлагались временно на одного из нотариусов Первой конторы.

Она считалась базовой для остальных нотариальных контор. Её нотариусы принимали участие во всех проверках своих коллег. Сюда направляли на практику и стажировку будущих нотариусов области. Вместе с тем нотариусы конторы также должны были проводить семинары для районных нотариусов и служащих исполкомов местных советов, выезжать к ним в определённые дни на индивидуальные консультации, читать лекции и проводить беседы. Министерство юстиции контролировало работу областных контор, проводя в них проверки.

Первая Ульяновская государственная нотариальная контора тоже участвовала в смотрах-конкурсах, но в масштабах страны. Её работу не раз отмечали в Москве.

В 1967 году нотариусы конторы получили благодарность от Верховного суда РСФСР.

*«Приказ
по Верховному суду РСФСР
№ 336*

11 августа 1967 года г. Москва

§ 2

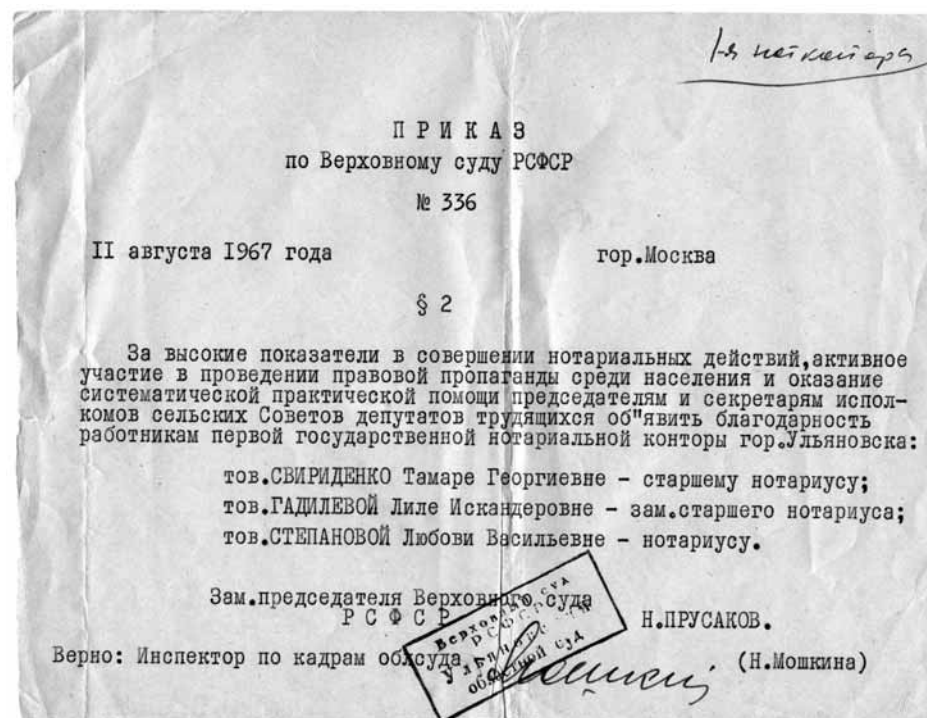
За высокие показатели в совершении нотариальных действий, активное участие в проведении правовой пропаганды среди населения и оказание систематической практической помощи председателям и секретарям исполкомов сельских Советов депутатов трудящихся объявить благодарность работникам Первой государственной конторы гор. Ульяновска:

*тов. Свириденко Тамаре Георгиевне — старшему нотариусу;
тов. Гадилевой Ляле Искандеровне — зам. старшего нотариуса;
тов. Степановой Любови Васильевне — нотариусу.*

*Зам. Председателя Верховного суда РСФСР
Рио: Инспектор по кадрам облсуда*

*Н. Прусаков
(Н. Мошкина)»*

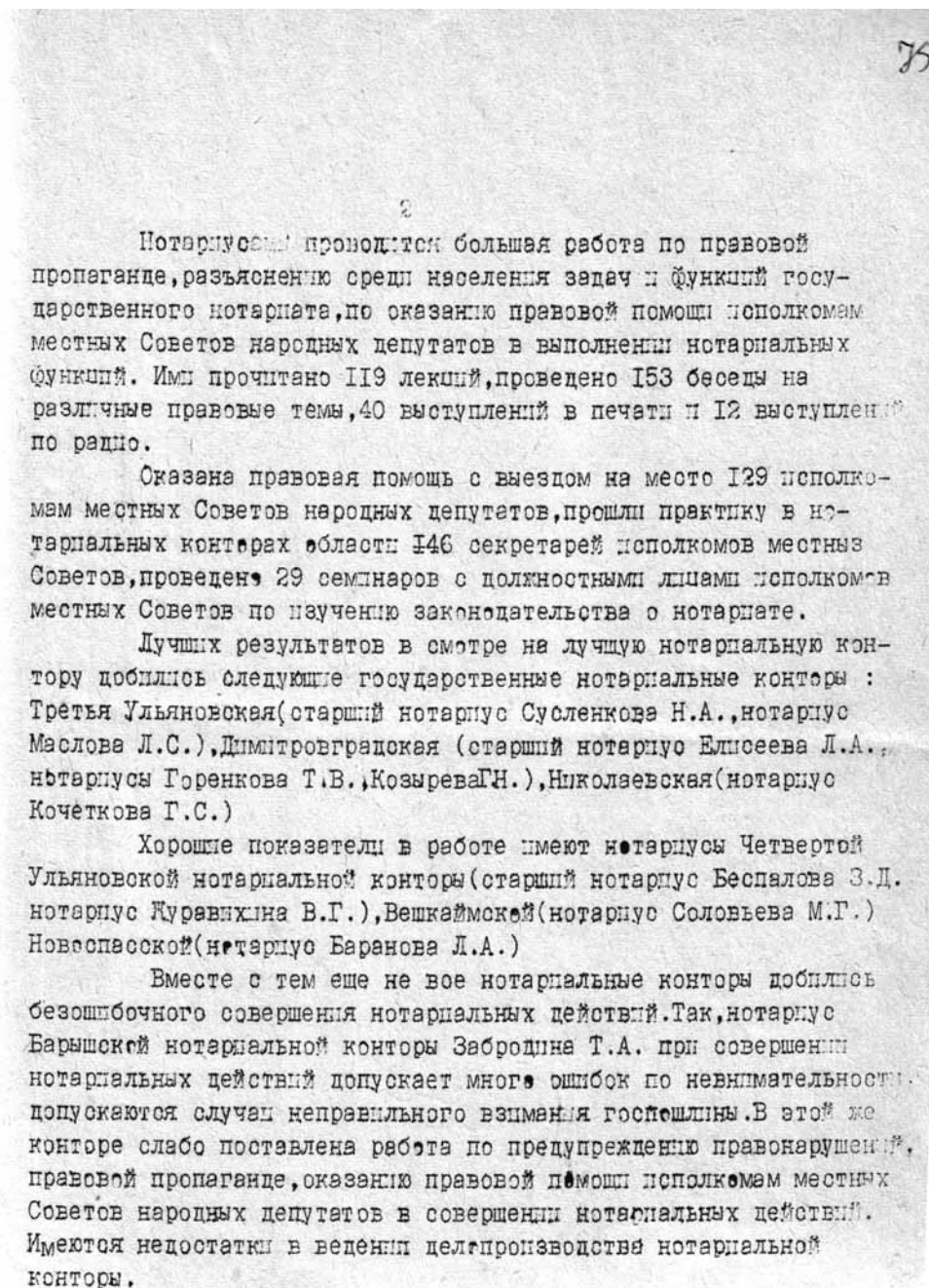
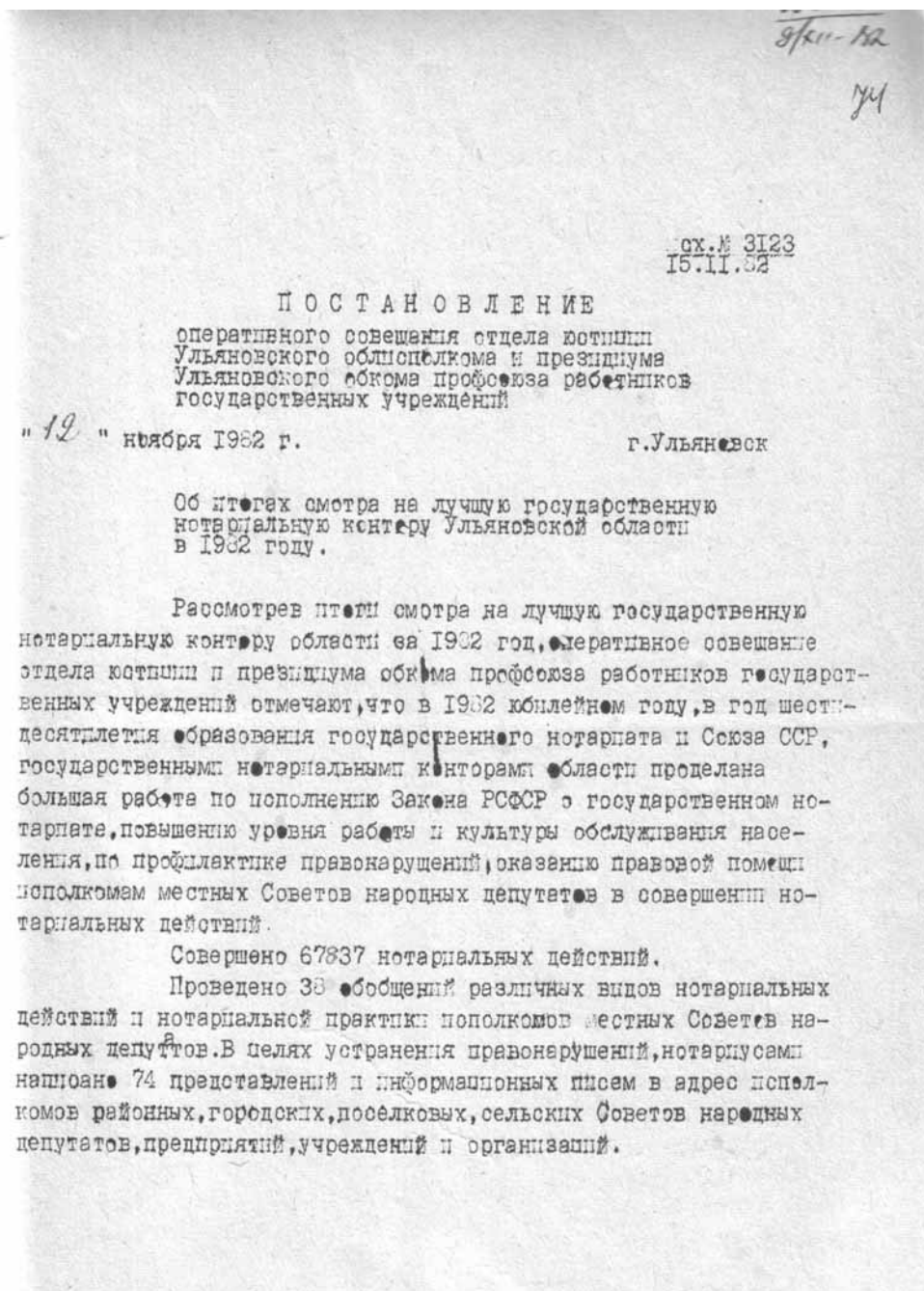
Документ № 32. Приказ Верховного суда РСФСР о награждении работников Первой Ульяновской нотариальной конторы. 1967 г.

В 1979 году по итогам всесоюзного смотра-конкурса Первая контора завоевала призовое место, получив Почётную грамоту от Коллегии Министерства юстиции и ЦК Профсоюзов РСФСР. Как писал в те годы журнал «Советская юстиция»:

«В 1979 году в этой конторе было совершено 20 тысяч нотариальных действий (нагрузка на одного нотариуса около 7 тыс. действий). Работники конторы обеспечивают высокую культуру обслуживания населения, уделяя особое внимание сокращению потерь времени трудящихся на нотариальное оформление документов. В этих целях организованы консультативные пункты в Цильнинском сельском районе, где нет нотариальной конторы, и на одном из заводов, куда нотариусы регулярно выезжают для совершения нотариальных действий и дачи консультаций гражданам. В приёмной нотариальной конторы оформлены стенды с разъяснениями действующего законодательства, правил совершения отдельных видов нотариальных действий, с указанием перечня документов, необходимых для удостоверения сделок и выдачи свидетельств о праве на наследство, альбомы с образцами, имеются бланки различных документов.

На протяжении ряда лет не было ни одной жалобы на работников этой нотариальной конторы. Не поступало жалоб на деятельность нотариусов и в народный суд.

Документ № 34 (продолжение)

3

Оперативное совещание отдела юстиции и президиум Обкома профсоюза работников государственных учреждений, рассмотрев представленные материалы об итогах смотра на лучшую нотариальную контору области, **п о с т а н о в л я ю т**:

1. За достижение наиболее высоких показателей в выполнении условий смотра — присудить первое место — Третьей Ульяновской государственной нотариальной конторе с вручением почетной грамоты отдела юстиции и обкома профсоюза работников государственных учреждений и денежной премии восемьдесят рублей;
второе место — Димитровградской государственной нотариальной конторе с вручением почетной грамоты отдела юстиции и обкома профсоюза работников государственных учреждений и денежной премии семьдесят пять рублей;
третье место — Николаевской государственной нотариальной конторе с вручением почетной грамоты отдела юстиции и обкома профсоюза работников государственных учреждений и денежной премии тридцать рублей.

2. Отметить хорошую работу нотариусов Четвертой Ульяновской нотариальной конторы (старший нотариус Беспалова З.Д., нотариус Журавихина В.Г.), Вешкаймской (нотариус Соловьева М.Г.), Новоспасской (нотариус Баранова Л.А.).

3. Одобрить инициативу государственных нотариальных контор о проведении смотра на лучшую нотариальную контору на 1983 год.

4. Обязать горкомы, райкомы профсоюза работников государственных учреждений и государственные нотариальные конторы в период смотра в 1983 году обеспечить улучшение работы государственных нотариальных контор и добиться выполнения всех условий смотра.

Документ № 34 (окончание)

4

Отдел юстиции и обком профсоюза работников государственных учреждений выражают уверенность в том, что государственные нотариусы вместе со всем советским народом, включившись в социалистическое соревнование за успешное выполнение планов и обязательств третьего года одиннадцатой пятилетки, внесут достойный вклад в выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС.

Начальник отдела юстиции
Ульяновского облисполкома

В.П. Родионов

Председатель обкома
профсоюза работников
государственных учреждений

К.Г. Иванов

ботала два года. В 1961 году ей предложили работу в Первой Ульяновской государственной нотариальной конторе.

Вначале Тамара Георгиевна была заместителем старшего нотариуса Николая Васильевича Куликова, а с 1962 сама возглавила контору.

К своей работе она всегда подходила ответственно. О её принципиальности, настойчивости в достижении результатов, следовании букве Закона можно судить по делам, которые она вела в разные годы своей деятельности. Один пример: в марте 1982 года к ней обратился некто Исаков Н.В. с заявлением о выдаче ему свидетельства на право наследования денежного вклада и 3/8 дома после Л.А. Завьялова. Незадолго до этого Завьялову было отказано в засвидетельствовании его завещания в пользу Исакова, так как нотариус Первой конторы усомнилась в дееспособности завещателя. Прокурор Ленинского района отказался признать завещание недействительным, тогда Свириденко обратилась к прокурору Ульяновска, и 23 февраля 1983 года Ленинский народный суд подтвердил её правоту. В результате 41 тысяча рублей и 3/8 части дома поступили в доход государству.

Тамара Георгиевна работала старшим нотариусом Первой конторы до ухода на пенсию в 1983 году. Окончательно она рассталась с любимым делом только в 1995 году, проработав ещё несколько лет простым нотариусом.

Вместо неё старшим нотариусом Первой конторы стала Ляля Искандеровна Гадилёва, которая занимала эту должность до конца 1989 года, отдав в общей сложности около 40 лет нотариальной службе.

Она родилась в Казани. С 1950 по 1955 год училась на юридическом факультете Казанского университета и окончила его с красным дипломом. Так как любимым её предметом было уголовное

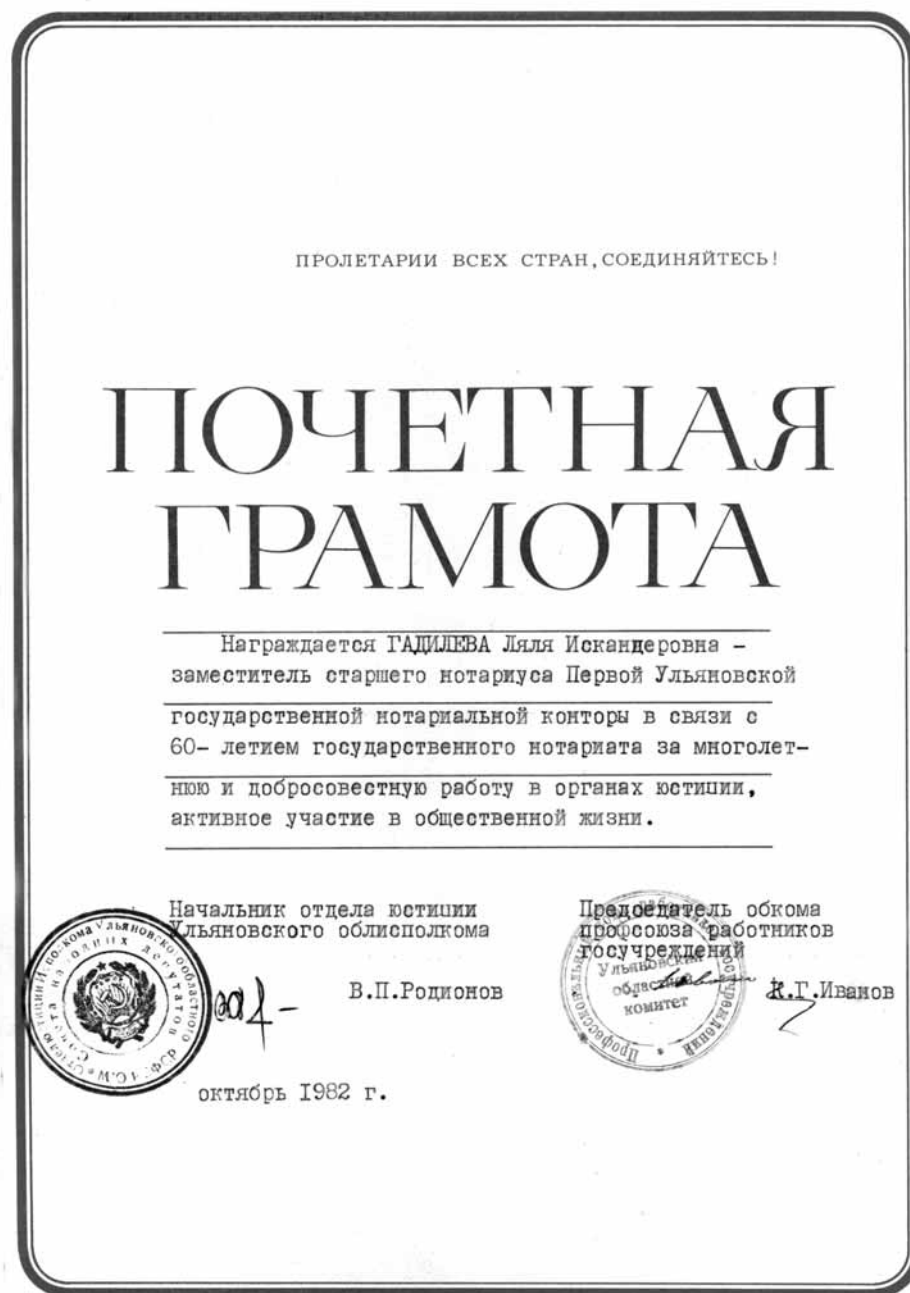
право, то при распределении она попросилась на следственную работу. Её направили следователем в Марийскую Республику, но пока шло распределение, произошло сокращение штатов МВД, студентов стали перераспределять и Лялю Искандеровну направили нотариусом в Мордовию. Вскоре она вышла замуж за военного и в 1956 году уехала вместе с ним в Германию.

В марте 1959 года семья вернулась на родину мужа, в Ульяновск. Места нотариуса в городе свободного не было, и Ляля Искандеровна устроилась в кооперативный техникум Облпотребсоюза преподавателем советского права. Когда в июле 1962 года, наконец, освободилось место во Второй Ульяновской государственной нотариальной конторе, она не раздумывая ушла ту-

Л.И. Гадилёва

Документ № 35. Почётная грамота Л.И. Гадилёвой

Документ № 36. Трудовая книжка Л.И. Гадилёвой

Трудовая книжка
Гадилёва
 Фамилия Гадилёва
 Имя Людмила
 Отчество Искандеровна
 Год рождения 1932 года
 Образование: начальное, среднее, высшее (подчеркнуть)
 Профессия юрист
 Подпись владельца Трудовой книжки Кариш
 Дата заполнения Трудовой книжки 27.11.1990 Подпись районного
гор. Ульяновск
Искандеровна
Искандеровна

да. Работать приходилось одной без помощников. Ей так же, как и её предшественницам, приходилось часто допоздна засиживаться в конторе и раз в квартал выезжать в одну из подшефных организаций. Как только в 1966 году в Первой конторе потребовался нотариус, Ляля Искандеровна перешла в неё заместителем к Т.Г. Свириденко.

Все годы до ухода на заслуженный отдых она работала в этой конторе.

Кроме основной деятельности, Л.И. Гадилёва выполняла большую общественную работу: много лет была членом общественной приёмной «Ульяновской правды», членом комиссии отдела юстиции по учёту и распределению жилой площади при Ульяновском горисполкоме.

Поощрения и награждения

Серия №	Дата	Поощрение и награждение
1	2	3
7	1932 09 29	За высокие показатели в работе, активное участие в профсоюзной работе, поощрена грамотой и денежной премией.
8	1937 03 01	За добросовестное и активное участие в производственной деятельности, поощрена грамотой и денежной премией.
9	1937 10 28	За высокие показатели в работе, активное участие в профсоюзной работе, поощрена грамотой и денежной премией.
10	1939 04 28	За высокие показатели в работе, активное участие в профсоюзной работе, поощрена грамотой и денежной премией.

Документ № 37. Отчёт о работе

Первой Ульяновской нотариальной конторы. 1990 г.

А. Количество нотариальных действий за отчетный период

всего	По переводке грузов		По таре		Из трудовых отношений		За товары, купленные и проданные по бытовому прокату		По квартирной плате и коммунальным услугам		По другим взысканиям	
	руб.	выдано	руб.	выдано	руб.	выдано	руб.	выдано	руб.	выдано	руб.	выдано
1937	-	-	-	-	43	11057-71	456	117057-74	42	8865-32	271	37383-75

Б. Взыскано госпошлины (руб.)

За совершение нотариальных действий	За составление протоколов, копий, выписок, заверений
1	2
230026-10	44-00

В. Депозитные суммы (руб.)

Перечислено в доход государства неустраиваемых сумм	Остаток на конец отчетного периода
1	2

Руководитель Искандеровна

Итого: 1990 г.

Всего выдано: **Отдел юстиции Ульяновского облисполкома**
 РСФСР, Ульяновская область
 Учреждение: **Первая ульяновская государственная нотариальная контора**

ОТЧЕТ О РАБОТЕ НОТАРИАЛЬНЫХ КОНТОР
 1990
 за 198... год

Количество нотариальных контор (на конец года) _____
 В том числе с одним нотариусом _____
 Количество сельских районов, в которых более одной нотариальной конторы _____
 Сводный отчет составлен по _____ нотариальным конторам

Возглавив в 1983 году контору, она продолжала так же самоотверженно трудиться, не снижая показателей. Вот некоторые данные: в 1986 году Первой конторой было совершено 12 тысяч нотариальных действий, взыскано государственных пошлин на сумму 104 561 рубль; в 1990 году количество совершённых нотариальных действий сократилось до 8 806, а сумма государственных пошлин возросла до 230 070 рублей.

Документ № 38. Информационное письмо об опыте работы Первой Ульяновской нотариальной конторы

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
об опыте организации работы Первой Ульяновской
государственной нотариальной конторы.

В марте месяце 1989г. проведена комплексная проверка работы Первой Ульяновской государственной нотариальной конторы. В ходе проверки установлено, что старший государственный нотариус т.Гадилова Л.И. хорошо организовала работу нотариальной конторы.

В нотариальной конторе созданы условия, обеспечивающие высокую культуру обслуживания населения, безошибочное совершение нотариальных действий, оказание квалифицированной правовой помощи гражданам.

В нотариальной конторе хорошо поставлен учет законодательства, нотариальной и судебной практики. Справочно-кодификационная работа ведется в соответствии с приказом Министра юстиции РСФСР № 22 от 12.II.79г.

Нотариусами Первой Ульяновской госнотконторы проводится активная праворазъяснительная работа. Ими прочитано 72 лекции, проведено 83 беседы. По различным вопросам деятельности нотариата организовано 18 выступлений в местной печати и по радио.

Значительная работа нотариусами проводится по предупреждению правонарушений. Регулярно проводятся обобщения нотариальной практики, по результатам обобщений в адрес руководителей предприятий, учреждений направляются информационные письма. По 88% направленных писем госнотариусы добились поступления сведений о принятии мер.

С целью сокращения потерь рабочего времени трудящихся нотариусы каждый второй и четвертый четверг месяца осуществляют прием граждан в Цильнинском исполкоме, а второй вторник месяца – на Ульяновском приборостроительном заводе.

Нотариальная контора обслуживает 19 сельских и 1 поселковый Совет народных депутатов. Нотариусами постоянно оказывается правовая помощь секретарям исполкомов путем проведения семинарских занятий, вызова секретарей в контору для прохождения практики. Ежегодно нотариусами организуется проведение смотра-конкурса на лучший исполком.

В целях оказания правовой помощи должностным лицам, указанным в ст.17 Закона РСФСР о госнотариате проведены 7 семинарских занятий с медперсоналом I-ой, 2-ой горбольниц,

Документ № 38 (окончание)

2

2-ой областной больницы, госпиталя Великой Отечественной войны и Цильнинской райбольницы по изучению инструкции о порядке удостоверения завещаний главными врачами, зам, гл.врачей по медицинской части, дежурными врачами. Прочитаны лекции на темы: "О порядке удостоверения доверенностей", "Основные вопросы наследственного права".

Первая госнотконтора являясь методическим центром постоянно оказывает методическую помощь нотариусам области. Старший нотариус т.Гадилова Л.И. в качестве наставника систематически оказывает помощь молодому нотариусу Пятой Ульяновской госнотконторы т.Чекалиной Г.Н., заместитель ст.нотариуса т.Асланова Л.В. – нотариусу Барышской госнотконторы Шикиной О.В., госнотариус Маслова Л.С. – госнотариусу Тереньгульской госнотконторы т.Поздняковой Е.Н.

Государственные нотариусы Первой Ульяновской госнотконторы активно принимают участие в проведении целевых и комплексных проверках нотариальных контор области, выступают на семинарах при отделе юстиции, ежемесячно проводят семинары для нотариусов города. Все молодые нотариусы проходят стажировку в данной нотконторе.

Государственные нотариусы т.Гадилова Л.И. и т.Маслова Л.С. участвуют в общественной жизни. Т.Гадилова Л.И. систематически проводит прием граждан в общественной приемной газеты "Ульяновская правда", т.Маслова Л.С. является членом комиссии отдела по учету и распределению жилой площади при Ульяновском горисполкоме.

Работа Первой Ульяновской госнотконторы заслуживает положительной оценки.

Информацию о работе данной госнотконторы направить во все нотариальные конторы области для сведения и использования в работе по повышению эффективности нотариального обслуживания населения, более строгому обеспечению защиты прав и законных интересов граждан.

Зам.начальника отдела юстиции
Ульяновского облисполкома

Л.А.Шорина

мх. ~ 1206
24. 04. 89.

В марте 1989 года проверка Первой Ульяновской государственной нотариальной конторы показала, что нотариусами было прочитано 72 лекции, проведено 83 беседы, организовано 18 выступлений в СМИ. Каждый второй и четвёртый четверг месяца ими осуществлялся приём граждан в Цильнинском районе, а второй вторник месяца — на Ульяновском приборостроительном заводе. Нотариальная контора обслужила 19 сельских и один поселковый Совет народных депутатов. В целях оказания правовой помощи должностным лицам, нотариусами было проведено семь семинарских занятий по изучению инструкции о порядке удостоверения завещаний главным врачом, его заместителем и дежурными врачами с медперсоналом пяти больниц и областного госпиталя инвалидов войны. Проверяющие записали: *«В ходе проверки установлено, что старший государственный нотариус т. Гадилёва Л.И. хорошо организовала работу нотариальной конторы»*.

На протяжении всех лет Л.И. Гадилёва оказывала методическую помощь молодым нотариусам: была наставником Г.Н. Чекалиной, Л.В. Аслановой, О.В. Шикиной, Л.С. Масловой, Е.Н. Поздняковой и других начинающих специалистов нотариального дела.

За долгие годы пребывания на трудовом посту она получила звание «Ветеран труда», почётные грамоты и благодарности от вышестоящих организаций.

В 1991 году Л.И. Гадилёва передала Первую Ульяновскую государственную нотариальную контору старшему нотариусу Венере Ахатовне Браташовой.

ВТОРАЯ УЛЬЯНОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА

В январе 1928 года в Ульяновске открылась ещё одна Городская нотариальная контора, которую в 1948 году переименовали во Вторую Ульяновскую государственную нотариальную контору и перевели в Заволжский район города. Она разместилась в здании народного суда, в комнате площадью 16 квадратных метров.

Уже в первый год работы нотариусом Второй конторы было совершено 844 нотариальных действий, сумма единой государственной пошлины составила 14 350 рублей.

Индустриальный рост Заволжского района Ульяновска и увеличение в связи с этим его населения сказались и на работе конторы. В 1960 году в ней было совершено 3 322 нотариальных действий и собрано 27 092 рублей государственных пошлин.

С января 1958 года единственным нотариусом в конторе была **Ирина Андреевна Порошина**. Несмотря на загруженность на работе, она успевала проводить политинформации для работников ЖКО расположенного поблизости Машиностроительного завода имени Володарского, замещала народного судью 6-го участка Ульяновска во время его отсутствия, оказывала юридическую помощь работни-

кам сельских советов соседних Старомайнского и Чердаклинского районов.

Во время ревизии конторы в 1958 году И.А. Порошиной было сделано замечание, что из 32 сельских советов она обслужила только пять. Нотариус «исправилась», и в следующем году при совершении 3 465 нотариальных действий в своей конторе она оказала консультативную помощь 22 сельским советам, провела шесть кустовых семинаров, три беседы, прочла девять лекций. В акте по итогам ревизии было записано: *«Замечаний не имеется»*.

В июле 1962 года нотариусом конторы стала Ляля Искандеровна Гадилёва. В 1966 году она перешла на работу в Первую контору, а на её место приняли **Майю Александровну Кулишову**. Она работала и одновременно заочно заканчивала юридический факультет Казанского университета. До поступления туда и до прихода в нотариальную контору Кулишова была инженером-технологом машиностроительного завода имени Володарского. После получения диплома в 1969 году она ушла из конторы на другую работу, уступив место нотариусу **Валентине Степановне Денисовой**, студентке Саратовского ВЮЗИ, которая проработала в конторе также недолго. Но в отличие от других, её уход был вынужденным.

Проверка работы конторы в 1972 году показала наличие злоупотреблений служебным положением в работе нотариуса. В приказе начальника отдела юстиции Ульяновской области говорилось, что нотариус Денисова *«встала на путь присвоения государственных средств»*. Путь для этого было несколько. Получая государственную пошлину с клиентов в 20 рублей, нотариус наклеивала марку госпошлины в 10 рублей 50 копеек; не всегда заносила акты в книгу реестров; иногда брала с клиентов завышенную сумму за выполненную работу — *«где работы было на рубль, брала 10 рублей»*. За два года, таким образом, ею было присвоено 544 рубля. После вскрытия всех правонарушений нотариус Денисова была уволена с работы, на неё было заведено уголовное дело. За всё время работы нотариальных контор области это был единственный подобный случай.

Постоянная текучка персонала во Второй Ульяновской государственной нотариальной конторе объяснялась большой загруженностью единственного нотариуса и частыми разъездами его по соседним районам. С 23 июля 1973 года по 1977 год нотариусом в конторе была **Лидия Степановна Егорова**, затем на короткий срок её сменила **Наталья Аполлоновна Апраксина**.

В сентябре 1978 года в контору пришла **Зоя Ивановна Матвеева**, кандидат в члены КПСС, только что окончившая юридический факультет Куйбышевского ВЮЗИ. Во время учёбы она работала юрисконсультom заготсбытбазы Ульяновского облпотребсоюза и была председателем ревизионной комиссии месткома профсоюзов на своём предприятии, членом общественной юридической консультации в Заволжском райсполкоме.

В 1978 году в конторе было совершено 4 751 нотариальное действие, собрано государственных пошлин более чем на 16 917 рублей. За несколько месяцев З.И. Матвеевой были прочитаны две лекции,

Н.В. Ступнева

проведены 16 бесед, два инструктажа, сделаны четыре обобщения нотариальной практики. В акте проверки конторы были отмечены и упущения в работе, и стеснённые бытовые условия, так как контору уже давно перевели в комнату гораздо меньшего размера (10 кв. м), где едва умещались два стола нотариуса (с 1981 года добавился ещё стол для второго нотариуса) и машинистки, металлические шкафы для документов. Стола для посетителей не было. Как не было и своего секретаря: нотариальное оформление документов проводила машинистка от горсправки. И всё же по итогам 1979 года Вторая Ульяновская нотариальная контора вышла на второе место по области, в чём немалая заслуга З.И. Матвеевой.

В 1981 году в контору был принят второй нотариус — **Наталья Васильевна Игонина (Ступнева)**, студентка ВЮЗИ, до этого работавшая в Ульяновской Центральной городской больнице.

С 1982 года старшим нотариусом стала **Любовь Васильевна Шульга**, юрисконсульт Машиностроительного завода имени Володарского.

Об объёмах деятельности конторы тех лет косвенным свидетельством служит годовая потребность в канцелярских товарах, указанная в заявке, которую старший нотариус Л.В. Шульга отправила в отдел юстиции Ульяновского облисполкома. В ней она перечислила, что необходимо конторе на 1989 год для нормальной работы: 42 500 бланков-договоров разных видов, 30 кг пишу-

щей бумаги, 200 листов копировальной бумаги и 10 лент для пишущей машинки.

В 1995 году Любовь Васильевна Шульга стала нотариусом частной практики.

Л.В. Шульга

ТРЕТЬЯ УЛЬЯНОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА

В самом густонаселённом Засвияжском районе Ульяновска 2 марта 1964 года открылась Засвияжская нотариальная контора.

За первый год работы в конторе было совершено 2 197 нотариальных действий, получено 4 515 рублей государственных пошлин.

Таблица 8

Статистический отчёт Засвияжской конторы за декабрь 1964 года

Содержание документов	Кол-во действий	Сумма государ. пошлин	Сумма тех. работ
Засвидетельствование копий	173	29 руб. 60 к.	—
Засвидетельствование подлинности подписи	4	1 руб. 20 к.	—
Удостоверение доверенностей	18	5 руб. 50 к.	—
Удостоверение завещаний	10	14 руб.	10 руб.
Удостоверение договоров отчуждения	7	282 руб. 70 к.	17 руб. 50 к.
Удостоверение земельных участков	6	30 руб.	—
Удостоверение прочих договоров	2	31 руб. 40 к.	5 руб.
Прочие нотариальные действия	1	50 коп.	—
Свидетельство о праве наследования	—	—	—
Исполнительные надписи	31	15 руб. 90 к.	—
Принято в депозит	—	—	—
Наложено запрещений	—	—	—
Итого	252	410 руб. 80 к.	32 руб. 50 к.

Просуществовала контора всего два года, и её дела передали Первой Ульяновской нотариальной конторе, переведённой из Ленинского в Засвияжский район города. Засвияжскую контору, впоследствии названную Третьей Ульяновской государственной нотариальной конторой, вновь открыли 17 января 1968 года.

За последующие десять лет в ней сменилось пять нотариусов. В августе 1978 года контору приняла нотариус **Нина Александровна**

Сусленкова. С её приходом дела в ней пошли в гору. Уже через год на очередном смотре-конкурсе контора стала победителем в соревновании, первой оказалась она и по итогам 1982 года. Осенью 1983 года Н.А. Сусленкова перевелась в одну из нотариальных контор Якутской АССР, а старшим нотариусом Третьей Ульяновской государственной нотариальной конторы с 1984 года стала **Зинаида Сергеевна Журавихина.**

З.С. Журавихина

Коренная волжанка, Зинаида Сергеевна родилась в селе Русская Беденьга Ульяновской области. После окончания Ульяновской средней школы № 33 несколько лет работала на заводе, с 1971 по 1979 год — в Ленинском районном народном суде и заочно училась в юридическом институте (1974—1979). Окончив его, избрала профессию нотариуса. Местом её стажировки была Первая Ульяновская государственная нотариальная контора, в которой она проработала до 1982 года. Затем была нотариусом в Пятой Ульяновской государственной

нотариальной конторе, открывшейся в том же году.

Приняв в 1984 году Третью Ульяновскую государственную нотариальную контору, она вместе со своей помощницей нотариусом **Людмилой Сергеевной Масловой** сохранила её высокие показатели. Два года подряд (1984, 1985) контора удерживала первое место в смотрах-конкурсах. Слаженная работа нотариусов была отмечена Министерством юстиции РСФСР.

Документ № 39. Приказ отдела юстиции Ульяновского облисполкома по итогам проверки Третьей Ульяновской нотариальной конторы. 1985 г.

«Министерство юстиции РСФСР
Отдел юстиции Ульяновского областного
Совета народных депутатов

Приказ

от 19.09.85 № 79 г. Ульяновск

Проверкой работы Третьей Ульяновской государственной конторы установлено, что старший нотариус т. Журавихина З.С. хорошо организовала работу нотариальной конторы.

Документ № 39. Приказ отдела юстиции Ульяновского облисполкома по итогам проверки Третьей Ульяновской нотариальной конторы. 1985 г.

исх. № 2939
от 23.09.85

46

Министерство юстиции РСФСР
ОТДЕЛ ЮСТИЦИИ
ПОЛКОМА УЛЬЯНОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ПРИКАЗ
19.09.85 № 79
г. Ульяновск

Проверкой работы Третьей Ульяновской государственной нотариальной конторы установлено, что старший нотариус т. Журавихина З.С. хорошо организовала работу нотариальной конторы. В нотариальной конторе созданы условия, обеспечивающие высокую культуру обслуживания населения.

Количество совершенных нотариальных действий с каждым годом возрастает. При среднеобластной нагрузке на одного нотариуса 12–13 нотариальных действий в день, здесь нагрузка на одного нотариуса достигла 26 нотариальных действий.

При таком объеме работы старший нотариус т. Журавихина З.С. и нотариус т. Маслова Л.С. добились безошибочного совершения нотариальных действий. Они установили ежедневный самоконтроль за правильным совершением нотариальных действий.

Нотариальной конторой значительная работа проводится по предупреждению правонарушений. Регулярно проводятся обобщения нотариальной практики.

С целью сокращения потерь рабочего времени трудящихся нотариусы каждый третий четверг месяца выезжают на УЗТС для дачи советов и консультаций по вопросам нотариата.

Учитывая изложенное, п р и к а з ы в а ю :

1. За хорошую организацию работы нотариальной конторы, обеспечение высокой культуры обслуживания населения и безошибочное совершение нотариальных действий старшему нотариусу

Зак. 2098, тир. 2000-84 г.

Документ № 39 (окончание)

2

Журавихиной З.С. и нотариусу т. Масловой Л.С. объявить благодарность с выдачей денежной премии т. Журавихиной З.С. — 50 рублей, т. Масловой Л.С. — 30 рублей.

2. Настоящий приказ направить во все государственные нотариальные конторы области для сведения.

Начальник отдела

В.П. Родионов

В нотариальной конторе созданы условия, обеспечивающие высокую культуру обслуживания населения.

Количество совершённых нотариальных действий с каждым годом возрастает. При среднеобластной нагрузке на одного нотариуса 12—13 нотариальных действий в день здесь нагрузка на одного нотариуса достигла 26 нотариальных действий.

При таком объёме работы старший нотариус т. Журавихина З.С. и нотариус Маслова Л.С. добились безошибочного совершения нотариальных действий.

Нотариальной конторой проводится значительная работа по предупреждению правонарушений. Регулярно проводятся обобщения нотариальной практики.

С целью сокращения потерь рабочего времени трудящихся нотариусы каждый третий четверг месяца выезжают на Ульяновский завод тяжёлого станкостроения для дачи советов и консультаций по вопросам нотариата.

Учитывая изложенное, приказываю:

За хорошую организацию работы нотариальной конторы, обеспечение высокой культуры обслуживания населения и безошибочное совершение нотариальных действий старшему нотариусу т. Журавихиной З.С., нотариусу т. Масловой Л.С. объявить благодарность с выдачей денежной премии т. Журавихиной З.С. — 50 руб., т. Масловой Л.С. — 30 руб.

Настоящий приказ направить во все государственные конторы области для сведения.

Начальник отдела

В.П. Родионов».

А спустя десять лет оба нотариуса открыли частную практику.

Зинаида Сергеевна Журавихина за многолетнюю нотариальную службу получила много почётных грамот и благодарностей от Министерства юстиции, Федеральной нотариальной палаты России. В одном из её наградных представлений написано: «Журавихина З.С., работая в должности государственного нотариуса, затем занимаясь частной практикой, вносит большой вклад в развитие института нотариата.

Свои профессиональные обязанности Журавихина З.С. выполняет на высоком уровне, накопленные за многие годы знания передаёт молодым нотариусам.

Журавихина З.С. является членом квалификационной комиссии по приёму экзаменов у лиц, желающих пройти стажировку, и лиц, желающих получить лицензию на право занятия нотариальной деятельностью при Управлении Министерства юстиции Ульяновской области».

ЧЕТВЁРТАЯ УЛЬЯНОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА

Она была образована 16 марта 1970 года в Железнодорожном районе Ульяновска на проспекте Гая, 47, в однокомнатной квартире жилого дома.

Одним из первых её нотариусов стала **Эмилия Петровна Фролова**. В контору она пришла в ноябре 1971 года из Вешкаймской государственной нотариальной конторы. Через год в акте проверки работы нотариуса Э.П. Фроловой появилась запись: «...Работает над повышением идейно-политического уровня и деловой квалификации. Занимается самостоятельно и регулярно посещает семинарские занятия при отделе юстиции, читает журнал «Советская юстиция», бюллетень текущего законодательства, бюллетень МЮ РСФСР и другую юридическую литературу. Работа в конторе планируется поквартально. Планы работы составляются своевременно и подшиваются аккуратно в отдельном наряде. В планы работы включены такие мероприятия, как обобщение нотариальной практики, проведение бесед на правовые темы, оказание практической помощи исполкомам Местных Советов в выполнении ими нотариальных функций. Недостатком в планировании является то, что Фролова не планирует лекционную пропаганду советского законодательства».

На это же ей попеняли в 1976 году во время очередной проверки: «...нотариус работу знает, к работе относится добросовестно, ...но слабо проводит работу по разъяснению законодательства о нотариате среди населения, по обобщению нотариальной практики и борьбе с бесхозяйственностью».

Слова проверяющих возымели действие: уже на следующий год Э.П. Фролова провела четыре обобщения нотариальной практики и организовала 30 бесед на правовые темы с гражданами Железнодорожного района Ульяновска. При этом в своей конторе было совершено 6 635 нотариальных действий, собрала свыше 19 690 рублей государственных пошлин. А среди коллег прослыла образцом по ведению кодификации законодательства по нотариальной практике. Проработав семь лет в Четвёртой Ульяновской государственной нотариальной конторе, Э.П. Фролова уволилась из неё в связи с переездом в другой город.

После её ухода нотариусом Четвёртой конторы стала **Ирина Андреевна Лагойда**, только что окончившая ВЮЗИ (Ульяновский У КП), а до этого несколько лет проработавшая инспектором в органах юстиции. Активная общественница, она являлась членом КПСС, сотрудничала в общественной приёмной газеты «Ульяновская правда» при Железнодорожном райисполкоме.

Документ № 40. Акт проверки финотделом Четвертой Ульяновской нотариальной конторы по сбору госпошлин. 1977 г.

А К Т

51

от 31 марта 1977 года

Мног. ст. инспектором госдоходов Железнодорожного райфинотдела Чекулаевой Т.С. в присутствии нотариуса 4-й Нотариальной конторы т. Фроловой Э.М. произведена проверка правильности взимания Государственной пошлины за все свершаемые действия.

Проверка произведена с реестра № 2957 от 26/У-76 г. по реестр № 1816 от 30-III/77 года включительно. Проверка проводилась по записям в реестрах для регистраций нотариальных действий и находящимся в делах нотариальной конторы экземплярами нотариально удостоверенных документов.

Просмотрены все имеющиеся в нотариальной конторе наряды: договоров об отчуждении жилых домов; доверенностей; завещаний; исполнительных надписей, наследственные дела и прочие нотариальные документы.

Контора имеет безналичный аванс марок в сумме 50 рублей, выделенный Госбанком.

На 18 мая 1977 года при снятии наличия марок и денег оказалось: марок Госпошлины на сумму 7 рублей и денег на сумму 43 рубля, что соответствует сумме выделенного аванса.

Госпошлина взимается в соответствии с Инструкцией о Госпошлине М.Ф. СССР от 4 апреля 1972 года.

Марки Госпошлины наклеиваются в реестр своевременно и погашаются нотариусом правильно.

Была проверена сохранность марок Госпошлины в архивных реестрах. Непогашенных и отклеенных марок Госпошлины не обнаружено.

В период проверки все марки Госпошлины перегашены штампом «Погашено Райфо».

Выборочно произведена сверка документов, находящихся в нотариальной конторе с документами, выданными гражданам по следующим домовладениям (ул. Серафимовича, 19 ул. Водопроводная 36, ул. Неверова 42, Ульяновская 42). Расхождений в суммах взиманной Госпошлины не обнаружено.

Ст. инспектор г/д *Чекулаева* Т.С. Чекулаева
Нотариус *Фролова* Э.П. Фролова

За период работы И.А. Лагойды с августа 1979 года по март 1980 года в конторе было совершено 12 798 нотариальных действий, перечислено в доход местного бюджета 36 369 рублей государственных пошлин.

Поскольку нотариус она была молодой и только набиралась опыта работы, в протоколе по итогам первой в её жизни проверки была сделана запись: *«Нотариальные действия совершены, в основном, с соблюдением требований закона. Проводится работа по предупреждению правонарушений, правовой пропаганде. Вместе с тем в работе нотариальной конторы имеются и недостатки. Допускаются серьёзные ошибки при совершении нотариальных действий, особенно при удостоверении договоров дарения автотранспортных средств и доверенностей на управление ими»*. Оперативное совещание, на котором в райисполкоме рассматривались итоги проверок, постановило: *«Устранить недостатки в работе конторы; быть более внимательными при совершении нотариальных действий, особенно при удостоверении сделок и выдаче свидетельств в праве на наследство и при удостоверении договоров дарения на автотранспортные средства и договоров на управление ими — проверять действительные взаимоотношения сторон»*.

Поводом для этих замечаний послужил инцидент, произошедший в апреле 1979 года. Нотариус удостоверила договор дарения автомобиля «ВАЗ-2102» от имени Галкиной В.Н. (даритель) и Галкина М.С. (одаряемый — деверь), который прикрывал договор мены автомобилей, так как в этот же день Галкин М.С. оформил договор дарения автомобиля «ВАЗ-2103», мужу Галкиной В.Н. Галкину П.С.

Но вскоре имя И.А. Лагойды оказалось на слуху у всех нотариусов области. За всю историю местного нотариата ей одной случилось оформить в пределах нашей сугубо сухопутной области морской протест. Случилось это осенью 1979 года. Торговое судно класса «река-море» везло зерно вниз по Волге для отправки в одну из южных стран. Около Ульяновска судно наткнулось на затонувший буй, не указанный на лоции, и получило пробоину. Через неё в трюм, где было зерно, просочилась вода, зерно подмокло, и капитану судно грозил большой штраф, если не будет составлен морской протест с указанием причин произошедшего. Так как Ульяновский речной грузовой порт находится на территории Железнодорожного района, то капитан судна обратился в нотариальную контору этого района с просьбой составить морской протест по всей форме. Нотариусу И.А. Лагойде это стоило немалых усилий и нервов, так как опыта составления таких документов в областной нотариальной службе ни у кого не было. Проведя несколько часов над изучением морского нотариального законодательства, И.А. Лагойда составила протест по всем пра-

вилам: провела опрос команды, сделала заверенную копию судового журнала и ещё ряда документов. Благодаря ей капитан судна не понёс материальной ответственности за случившееся (о чём с благодарностью сообщил в письме своему спасителю), штрафные санкции легли на ульяновских речников.

В марте 1980 года нотариус И.А. Лагойда оставила контору, перейдя на адвокатскую работу.

На её место пришла **Зоя Дмитриевна Беспалова**. Как и её предшественница, она окончила заочный юридический институт, про-

шла стажировку в Третьей Ульяновской государственной нотариальной конторе под руководством старшего нотариуса Н.А. Сусленковой. Полученных знаний и навыков оказалось достаточно, чтобы с декабря 1980 года самой возглавить контору.

За работу старший нотариус Беспалова взялась очень энергично. В 1982 году в целях экономии рабочего времени населения она и её помощница нотариус Журавихина В.Г. открыли консультационный пункт на Моторном заводе, где каждый третий четверг месяца принимали рабочих завода.

Начиная с 1982 года Четвёртая контора вышла в лидеры социального соревнования: занимала в ежегодных смотрах-конкурсах на лучшую контору области вторые и третьи места.

В 1983 году З.Д. Беспалова за короткий срок провела в конторе ремонт (что в те годы сделать было не так-то просто), приобрела новую мебель, за что получила благодарность и премию в 120 рублей от областного отдела юстиции.

Проработав старшим нотариусом Четвёртой Ульяновской государственной нотариальной конторы до 17 сентября 1985, Беспалова З.Д. оставила должность в связи с избранием её народным судьёй Железнодорожного района.

В.Г. Журавихина

В.И. Хабарова

А старшим нотариусом конторы стала **Вера Григорьевна Журавихина**. До прихода в нотариат она работала судебным исполнителем народного суда Ленинского района Ульяновска. Кроме этого, проводила консультации в общественной приёмной газеты «Ульяновская правда» при Железнодорожном райисполкоме, была секретарем внештатного юридического отдела Железнодорожного райисполкома, председателем первичной организации Красного Креста отдела юстиции. При ней контора продолжала стабильно работать, не снижая достигнутых результатов предшествующих лет, что видно из нижеприведённой таблицы.

Таблица 9

Годы	Кол-во нотариальных действий	Собрано госпошлины
1985	8 456	42 749 руб.
1986	8 309	51 218 руб. 60 к.
1987	8 039	51 280 руб.
1988	6 707	52 942 руб.

Проверяющие работу конторы всегда отмечали высокий профессионализм старшего нотариуса В.Г. Журавихиной и её помощницы, нотариуса **Веры Ивановны Хабаровой**¹⁹⁵.

ДИМИТРОВГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ КОНТОРА

Димитровград (прежнее название Мелекесс) — второй по численности после Ульяновска город в области.

Нотариальная контора в Мелекессе открылась 20 марта 1923 года: ее преобразовали из нотариального стола при нарсуде. Первоначально штат конторы состоял из трёх человек: нотариуса, конторщика и делопроизводителя. Спустя полгода в отчёте нотариуса Трофимова уже стояла запись «*совершено 386 нотариальных действий*».

Сменившая его нотариус Захарова И.О. с 10 октября 1925 года по 2 июля 1926 года совершила 1 112 нотариальных действий и взы-

¹⁹⁵ Архив Ульяновской нотариальной палаты. — 01–01. Приказы и указания Министерства юстиции СССР (разные годы).

скала гербовых сборов на 5 881 рубль за нотариальную и 905 рублей за техническую работу, в местные средства исполкома перечислила 7 800 рублей.

Т.В. Горенкова

Первого июня 1948 года в Мелекессе открыли вторую нотариальную контору, но существовала она недолго — постановлением Совета Министров СССР от 4 мая 1955 года её ликвидировали, а в штат первой ввели должность консультанта, которого через три года заменили нотариусом. В конце 1950-х годов старшим нотариусом в конторе работала К.И. Матюнина.

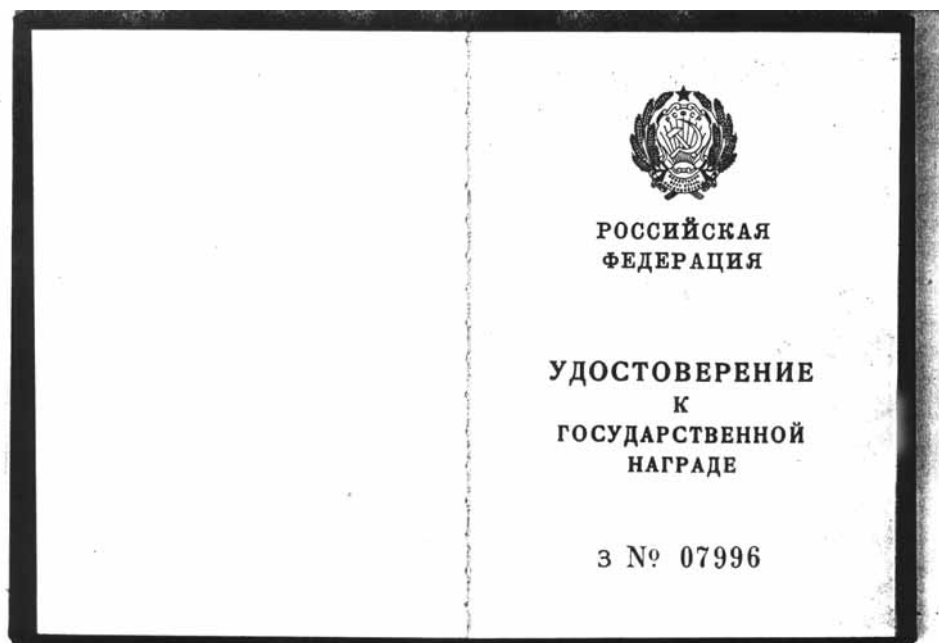
15 июня 1972 года город Мелекесс переименовали в Димитровград. С 1 января 1985 года в контору ввели должность третьего нотариуса, а к 1989 году нотариусов стало четыре.

Более 30 лет в Димитровградской конторе работает нотариус **Тамара Васильевна Горенкова**, ветеран труда, заслуженный юрист РСФСР.

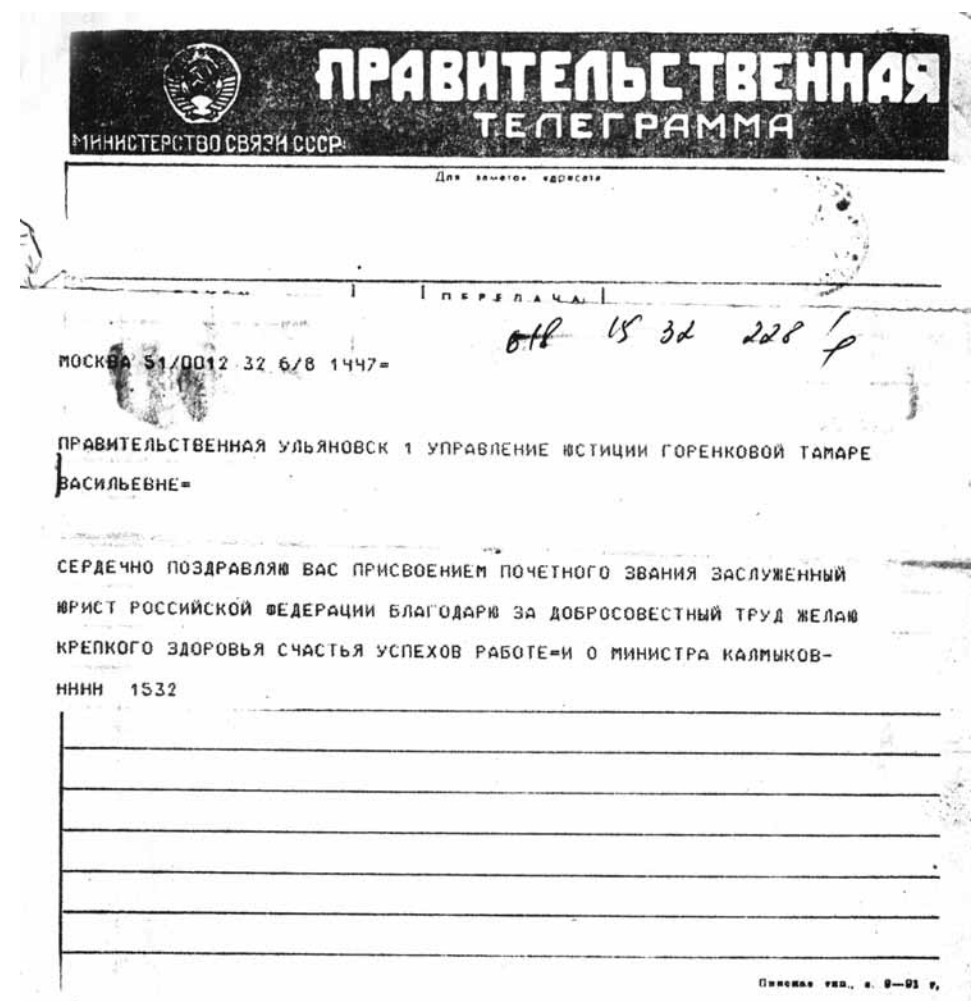
Она родилась в городе Сенгилее Ульяновской области в семье юристов. Её отец Василий Семёнович Царёв, тоже заслуженный юрист РСФСР, долгие годы был председателем Димитровградского суда.

После школы Тамара Васильевна работала в НИИ атомных реакторов и училась в ВЮЗИ на отделении правоведения, окончив его в 1978 году. Но ещё до окончания учёбы в 1975 году она поступила на работу в Димитровградскую государственную нотариальную контору, со временем став её руководителем. В 1991 году ей был присвоен классный чин «Советник юстиции 2 класса». А в 1993 году Т.В. Горенкова одной из первых в области открыла в Димитровграде частную практику. В том же году ей было присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР». В 2006 году к нему добавился нагрудный знак «За заслуги перед нотариатом». С образованием Нотариальной палаты Ульяновской области **Тамара Васильевна Горенкова** стала её первым президентом.

Документ № 41. Удостоверение «Заслуженный юрист РФ» Т.В. Горенковой.
1993 г.

Документ № 42. Правительственная телеграмма в адрес Т.В. Горенковой

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

СПИСОК НОТАРИУСОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА 1989 ГОД

Первая Ульяновская государственная нотариальная контора:

Гадилёва Ляля Искандеровна
Асланова Людмила Васильевна
Маслова Людмила Сергеевна
Покрова Римма Максудовна

Вторая Ульяновская государственная нотариальная контора:

Шульга Любовь Васильевна
Ступнева Наталья Васильевна

Третья Ульяновская государственная нотариальная контора:

Журавихина Зинаида Сергеевна
Зиновьева Ирина Александровна
Чернышова Любовь Геннадьевна

Четвёртая Ульяновская государственная нотариальная контора:

Журавихина Вера Григорьевна
Хабарова Вера Ивановна

Пятая Ульяновская государственная нотариальная контора:

Чекалина Галина Николаевна

Димитровградская государственная нотариальная контора:

Горенкова Тамара Васильевна
Козырева Галина Ивановна
Богомолова Алла Сергеевна
Ягуртова Наталья Васильевна

Барышская государственная нотариальная контора:

Хасанова Татьяна Евгеньевна
Шикина Ольга Васильевна

Вешкаймская государственная нотариальная контора:

Соловьёва Мария Геннадьевна

Инзенская государственная нотариальная контора:

Вилкова Вера Ивановна

Карсунская государственная нотариальная контора:

Браташова Венеря Ахатовна

Кузоватовская государственная нотариальная контора:

Прокопьева Тамара Ивановна

Николаевская государственная нотариальная контора:

Кочеткова Галина Семёновна

Новоспасская государственная нотариальная контора:

Казакова Светлана Александровна

Новомалыклинская государственная нотариальная контора:

Инжутова Светлана Владимировна

Новоульяновская государственная нотариальная контора:

Зимукова Раиса Гайсыновна

Майнская государственная нотариальная контора:

Фарафонтова Наталья Николаевна

Сенгилеевская государственная нотариальная контора:

Нестерова Нина Александровна

Сурская государственная нотариальная контора:

Шитова Тамара Яковлевна

Старокулаткинская государственная нотариальная контора:

Мусякоев Расим Хамидуллович

Старомайнская государственная нотариальная контора:

Долотова Зоя Леонтьевна

Тереньгульская государственная нотариальная контора:

Позднякова Елена Николаевна

Чердаклинская государственная нотариальная контора:

Смирнова Лариса Владимировна

К концу 1992 года в Ульяновской области действовали 26 государственных нотариальных контор, в штате которых числились 43 нотариуса.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Перестройка советской системы, установление рыночных отношений, частной собственности создали все условия для возрождения института нотариата.

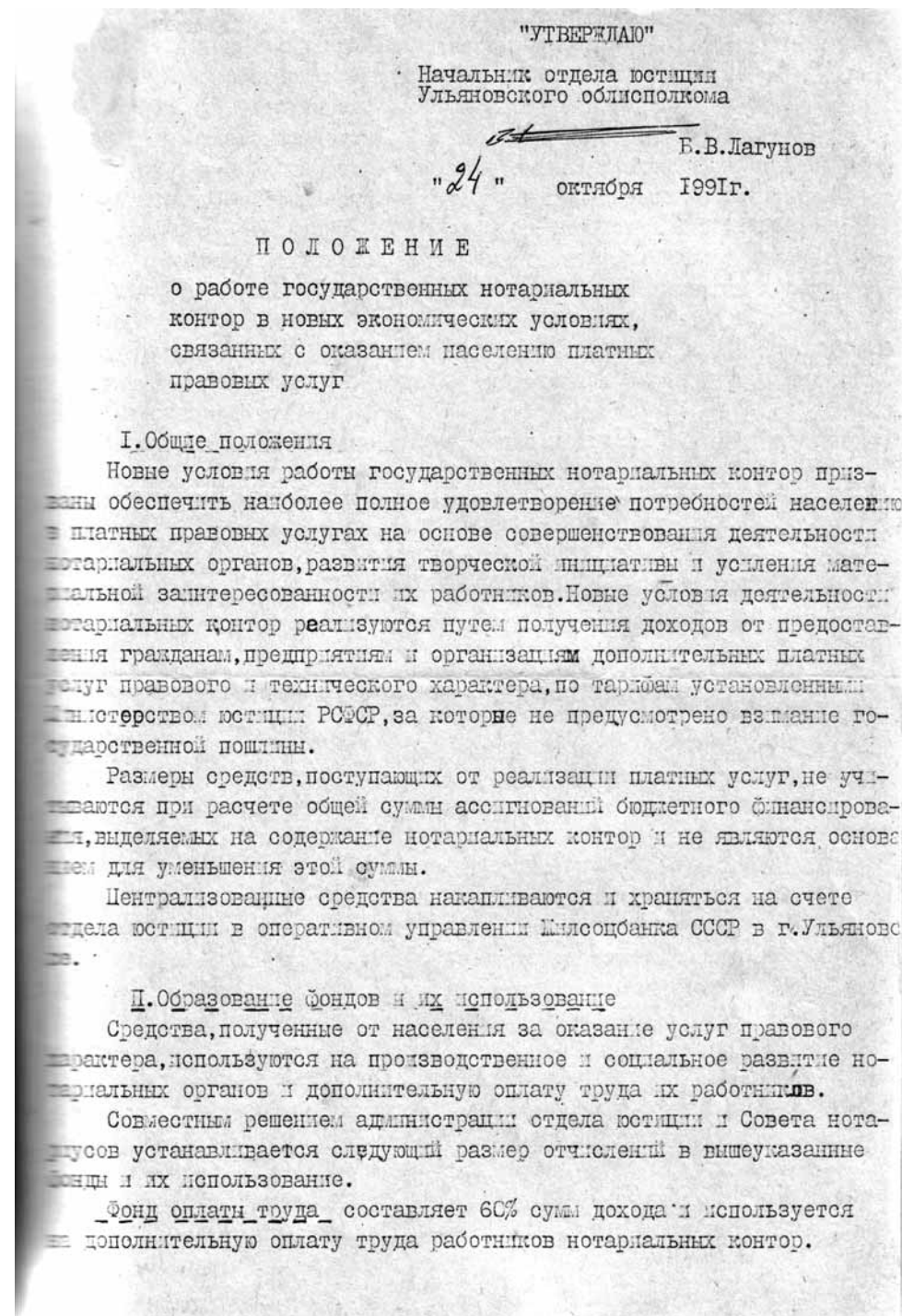
Основа этому была заложена еще в самом начале 1990-х годов, когда по решению Министерства юстиции РСФСР государственные нотариусы Ульяновской области приняли участие в эксперименте. Суть его заключалась в предоставлении нотариусам права оказывать гражданам и организациям дополнительные платные правовые услуги, то есть фактически государственные нотариальные конторы переводились на частичный хозрасчёт. В эксперименте принимали участие нотариальные конторы Москвы, Московской, Калининской, Кемеровской и ряда других областей.

Понимая перспективу данного направления деятельности и осознавая реальную возможность улучшить за счет дополнительных поступлений финансовое положение государственного нотариата области, работавшая в то время старшим нотариусом Первой Ульяновской государственной нотариальной конторы В.А. Браташова приложила максимум усилий к тому, чтобы Ульяновская область также была включена в эксперимент. И результаты не замедлили сказаться: значительно улучшилось нотариальное обслуживание населения, постепенно стали исчезать огромные очереди в нотариальных конторах, прекратилась текучесть кадров в них, появились дополнительные средства на ремонт и обустройство помещений нотариальных контор компьютерами и оргтехникой.

11 февраля 1993 года были приняты Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Они заложили фундамент новой внебюджетной формы организации и деятельности нотариусов, вернули им возможность в полной мере реализовать своё главное предназначение: защитить институт и право частной собственности, осуществлять предупредительное правосудие, разъясняя гражданам и юридическим лицам их права, обязанности, ответственность и последствия совершаемых ими действий.

Не все нотариусы сразу поверили в возможность работать без государственной поддержки. Перед ними стоял непростой выбор: остаться на бюджете с маленькой зарплатой, постоянной нехваткой самого необходимого для работы (ручек, бумаги, оргтехники) или

Документ № 43. Положение о работе ГНК в новых экономических условиях. 1991 г.

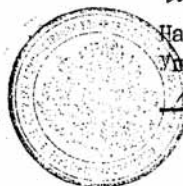

Документ № 44. Обложка первого Устава Нотариальной палаты
Ульяновской области

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО:

Управлением юстиции
администрации Ульяновской области
регистрационный № 181

"20" мая 1994 года

Начальник
Управления юстиции и
М.П.Сергеев

У С Т А В

Нотариальной Палаты Ульяновской области

УТВЕРЖДЕН

на учредительном собрании
нотариусов, занимающихся
частной практикой в нота-
риальных округах Ульяно-
вской области от 23.05.94г.

г.Ульяновск

1994 г.

начинать всё с нуля: с поиска помещений, сотрудников, покупки компьютеров, приобретения совершенно новых навыков работы с клиентами. Их раздумья были объяснимы. Страна жила в условиях нестабильности, никто не мог знать наперёд, какой будет политическая обстановка через день или через год, а потому и гарантировать, что свободный внебюджетный нотариат выживет в условиях рынка, не мог никто.

И всё же в Ульяновской области нашлись смельчаки, решившие заняться частной практикой. Первопроходцами в этом стали А.С. Богомолова, Т.В. Горенкова, С.В. Инжутова, Г.И. Козырева, М.С. Малыхина, Е.И. Скасырская, Н.В. Ступнева, которые в 1993 году открыли свои частные конторы.

Работать в одиночку, не имея надёжного тыла, всегда тяжело. Вот почему Основами законодательства РФ о нотариате предусматривалось создание в каждой области профессионального объединения нотариусов — нотариальной палаты.

23 марта 1994 года в Ульяновске состоялось первое учредительное собрание нотариусов, занимающихся частной практикой, на котором был принят Устав и создана Нотариальная палата Ульяновской области. Кроме вышеназванных частнопрактикующих нотариусов к объединению присоединились нотариусы Л.С. Маслова, Р.М. Покрова, Т.М. Карпова и Н.Ф. Съёмщикова.

Первым президентом палаты была избрана Т.В. Горенкова.

20 мая 1994 года Управление юстиции администрации Ульяновской области зарегистрировало нотариальную палату как юридическое лицо.

Начав работать по-новому, вспомнили нотариусы и старые традиции, содержащиеся в Положении о нотариальной части 1866 года, заложив в свои основополагающие документы многие из тех правил, какими пользовался дореволюционный нотариат.

Так, согласно Основам законодательства РФ о нотариате на должность нотариуса может быть назначен не просто юрист с высшим образованием, являющийся гражданином Российской Федерации, но специалист, выдержавший экзамен, прошедший годичную стажировку в одной из нотариальных контор области, подтвердивший на экзамене свою квалификацию. Только после этого соискатель может рассчитывать на получение лицензии, дающей право заниматься нотариальной деятельностью.

Обладатель такой лицензии имеет право участвовать в конкурсе на занятие вакантной должности нотариуса, получить именную гербовую печать и возложить на себя огромную ответственность: действовать от имени государства и во благо государства.

Роднит современных нотариусов с их предшественниками из XIX века и то, что частнопрактикующие нотариусы не могут выполнять нотариальные действия, не застраховавав свою ответственность. Только наличие страхового полиса на довольно крупную сумму позволяет в полной мере гарантировать защиту имущественных интересов граждан и юридических лиц, обращающихся за помощью в

Первый состав Правления Нотариальной палаты Ульяновской области

нотариальные конторы. Большую роль в этом играет нотариальная палата, которая ежегодно дополнительно страхует ответственность своих нотариусов.

По уставу высшим органом Нотариальной палаты Ульяновской области является Собрание членов палаты, которое раз в три года избирает президента и Правление НПУО, состоящее из семи нотариусов. Собрание дважды в месяц устраивает заседания, на которых решаются наиболее важные правовые, организационные и экономические вопросы деятельности палаты.

Текущее руководство и представление палаты во взаимоотношение с внешними организациями осуществляет президент, который избирается тайным голосованием всех членов нотариальной палаты.

С февраля 1997 года и по настоящее время эту должность исполняет нотариус **Венера Ахатовна Браташова**.

Она родилась на Урале, в городе Миассе. В 1974 году окончила среднюю школу, какое-то время работала в Миасском народном суде, а в 1977 году поступила в Свердловский юридический институт на специальность «Правоведение». После окончания института в 1981 году попала по распределению в Карсунскую государственную нотариальную контору Ульяновской области, в которой проработала десять лет. В 1991 году переехала в Ульяновск, получив должность старшего нотариуса Первой Ульяновской ГНК. В начале 1995 года

В.А. Браташова, президент Нотариальной палаты Ульяновской области

занялась частной практикой. Чтобы научиться работать по-новому, идти в ногу с эпохой, Венера Ахатовна не жалела сил и времени на повышение своей квалификации. Помогало ей в этом знакомство с постановкой нотариального дела в разных странах мира. В составе делегаций нотариусов она побывала для обмена опытом в Израиле и Аргентине. В 2006 году прошла курсы повышения квалификации в Санкт-Петербургском государственном университете по программе «Нотариальная практика».

Не удивительно, что проверяющие её нотариальную деятельность в своих отчётах отмечают *«грамотность нотариуса при совершении нотариальных сделок, аккуратность при оформлении документов, а также большое количество и разнообразие видов нотариальных действий, совершённых нотариусом»*.

Став президентом нотариальной палаты, Венера Ахатовна старается всегда идти на шаг впереди своей команды, передавать наработанный годами опыт коллегам по цеху. С 2001 года она является председателем Комиссии Федеральной нотариальной палаты по контролю за деятельностью нотариальных палат субъектов РФ. Частые командировки по разным, зачастую очень отдалённым регионам страны не мешают ей заниматься нотариальной деятельностью в Ульяновске. Нотариальная контора Венеры Ахатовны Браташовой, расположенная в центральной части города, на улице Гончарова, является одной из самых известных и посещаемых в городе. У неё мечтают пройти практику многие начинающие нотариусы области.

Свидетельство и нагрудный знак «За заслуги перед нотариатом»

Свидетельство Почетного знака «Общественное признание перед нотариатом»

За большой вклад в развитие отечественного нотариата как важного института гражданского общества В.А. Браташова награждена нагрудным знаком ФНП «За заслуги перед нотариатом», медалью Анатолия Кони «За усердие», золотым Почётным знаком «Общественное признание».

В настоящее время в руководимой ею Нотариальной палате Ульяновской области проводится большая работа по различным направлениям. При палате созданы три комиссии (по этике, повышению квалификации и работе со стажёрами, взаимодействию со СМИ) и Совет по методической работе. Основной и главной задачей палаты является оказание правовой, методической и любой другой помощи нотариусам. В этих целях регулярно проводятся тематические семинары, «круглые столы», разрабатываются методические рекомендации как по отдельным видам нотариальных действий, так и по конкретным вопросам нотариальной практики. На палату возложена обязанность по контролю за профессиональной деятельностью нотариусов области путём проведения систематических проверок их контор.

Годовое отчётное собрание членов Нотариальной палаты Ульяновской области. Февраль 2010 г.

Делегация нотариусов Нотариальной палаты Республики Мордовия на семинаре нотариусов Ульяновской области

*Семинар нотариусов Ульяновской области, гостиничный комплекс «Лесная
быль», июнь 2008 г.*

*Семинар нотариусов Ульяновской области, гостиничный комплекс «Лесная
быль», июнь 2008 г.*

Шестое заседание Координационно-методического совета нотариальных палат Приволжского федерального округа в г. Ульяновске, март 2009 г.

Торжественное мероприятие, посвященное 15-летию Нотариальной палаты Ульяновской области, май 2009 г.

Награда за победу в областном конкурсе индустрии туризма «Фрегат “Паллада”» в номинации «Золотое сердце». 2007 г.

На протяжении многих лет нотариальная палата и нотариусы Ульяновской области принимают участие в общероссийских и местных благотворительных акциях. Ульяновские нотариусы оказались среди тех, кто первым откликнулся на трагедии в Беслане, Махачкале и Хасавьюрте. Они регулярно оказывают материальную помощь детскому саду, где воспитываются дети, инфицированные туберкулезом, другим детским и социальным учреждениям. Особые отношения сложились у палаты с Детским домом «Гнёздышко» — она давно шефствует над детьми, лишенными счастья воспитываться в семье. А в 2007 году нотариусами по собственной инициативе была профинансирована экскурсионная поездка 10 воспитанников этого детского дома в Санкт-Петербург. Именно за эту акцию в рамках областного конкурса индустрии туризма «Фрегат Паллада» нотариальной палате была вручена награда в номинации «Золотое сердце». Но ещё большей наградой послужили счастливые глаза детей, для которых поездка

стала едва ли не самым запоминающимся событием в жизни.

Не менее важной задачей нотариальной палаты является донесение до общества сути профессии нотариуса — специалиста, стоящего на страже права собственности и защищающего интересы каждого, кто к нему обратился, в своём поведении руководствующийся принципами гуманности и уважения к человеку.

Прошло 16 лет со дня образования Нотариальной палаты Ульяновской области. Время показало, что правы оказались те, кто не побоялся отправиться в «свободное плавание». Ряды частнопрактикующих нотариусов растут. На сегодняшний день членами Ульяновской Нотариальной палаты являются уже 69 нотариусов, 41 помощник нотариуса и два стажёра.

Приложение № 5 Список нотариусов Ульяновской области на начало 2010 года

Алимбекова Раиса Гайсыновна
Апраксина Наталья Аполлоновна
Асланова Инна Петровна
Асланова Людмила Васильевна
Баканова Раиса Михайловна
Балакирева Александра Александровна
Баракшаева Валентина Викторовна
Бимеев Илдар Ирфанович
Богомолова Алла Сергеевна
Болдинова Елена Анатольевна
Браташова Венера Ахатовна
Брехова Ольга Викторовна
Василькина Ольга Евгеньевна
Горенкова Тамара Васильевна
Гришина Елена Геннадьевна
Гудовских Любовь Геннадьевна
Дручинина Елена Борисовна
Железнова Ирина Александровна
Журавихина Вера Григорьевна
Журавихина Зинаида Сергеевна
Жучкова Динара Джаферовна
Забродина Татьяна Александровна
Золотарёва Милана Александровна
Инжутова Светлана Владимировна
Калашникова Вера Алексеевна
Карпова Татьяна Михайловна
Князькина Татьяна Александровна
Козырева Галина Ивановна
Кувшинова Наталия Борисовна
Куликова Тамара Николаевна
Кутузова Елена Викторовна
Мавлютова Райсима Хайдаровна
Мажарцева Наталья Петровна
Макарова Лариса Чингизовна
Малыхина Марина Сергеевна
Маслова Людмила Сергеевна
Маслюкова Ольга Юрьевна
Моисеева Татьяна Васильевна
Нестерова Нина Александровна

Нигматуллина Аделя Айдаровна
 Осипова Ирина Михайловна
 Панова Ольга Владимировна
 Покрова Римма Максудовна
 Прокопьева Тамара Ивановна
 Радзвильюк Любовь Михайловна
 Севастьянова Евгения Григорьевна
 Семёнова Наталия Владимировна
 Скасырская Елена Ивановна
 Смирнов Дмитрий Юрьевич
 Смирнова Лариса Владимировна
 Ступнева Наталья Васильевна
 Съёмщикова Наталья Фёдоровна
 Табакова Наталья Владимировна
 Тимофеева Елена Евгеньевна
 Трусова Светлана Александровна
 Фарафонтова Наталья Николаевна
 Фуражкина Надежда Николаевна
 Хабарова Вера Ивановна
 Хайбуллов Альберт Ренатович
 Хайбуллова Равия Исламовна
 Хуртина Тальна Анатольевна
 Чекалина Галина Николаевна
 Чернова Татьяна Леонидовна
 Чумнова Елена Николаевна
 Шаренкова Ольга Олеговна
 Шикина Ольга Васильевна
 Шульга Любовь Васильевна
 Шумилова Евгения Николаевна
 Ягуртова Наталья Васильевна

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь приведённый в данной книге фактический и документальный материал является «пробным камнем» в рассмотрении главных этапов становления нотариальной службы Ульяновской области, корни которой уходят в средневековый Симбирск.

Началом её служит деятельность площадных подьячих, появившихся в Симбирской крепости вскоре после окончания её строительства, когда начались массовая колонизация края и распространение на его территории действующих в те годы законов и правовых норм, регулирующих взаимоотношения государства, общества и каждой отдельной личности.

Благодаря дошедшим до нас документам XVII–XVIII веков исторического и юридического характера удалось не только проследить бытующий в те годы характер нотариальных отношений, но и по-иному взглянуть на деятельность лиц, осуществляющих оформление нотариальных актов — подьячих Симбирской площади.

Представляя собой свободную артель грамотных людей, «кормившихся пером» на городских площадях, площадные подьячие, тем не менее, находились с одной стороны в подчинении у воевод и приказных дьяков, с другой — у городского сообщества, членами которого они являлись. Поэтому исполнение нотариальных действий было не единственной, а лишь одной из многих функций, возложенных на них городским «миром».

Но именно осмысление этого начального этапа становления в Российском государстве нотариальной службы является важным, так как в нём просматриваются истоки нынешнего независимого института нотариата.

В дальнейшей российской истории произошли изменения не только самих нотариальных органов, но и требований к ним государственной власти.

Со времени правления Петра I нотариальная служба полностью попадает под контроль правительства. В провинциальных городах появляются крепостные конторы, нотариальные функции в них закрепляются за крепостными писцами и надсмотрщиками, назначаемыми на должность вышестоящими чиновниками от приказов и коллегий. Теперь обязанности крепостных писцов ограничиваются

только нотариальной деятельностью, то есть написанием крепостных актов.

Но положение служащих крепостных контор в системе государственных учреждений долгое время остаётся не определённым, особенно в части подчинённости. На протяжении всей первой четверти XVIII века крепостное письмо в России переходит от судов к приказам и коллегиям и обратно к судам. Закрепление за крепостными конторами оформления первичных нотариальных документов с последующей обязательной регистрацией их в губернских канцеляриях, постоянный контроль со стороны канцелярских чиновников и судебных органов за работой крепостных контор лишали последних самостоятельности. Тем не менее реформированная Петром I система крепостного письма в России с небольшими изменениями и дополнениями держалась около полутора веков, полностью соответствуя общественному строю, для которого она и создавалась.

К сожалению, проследить в полной мере деятельность Симбирской крепостной конторы с петровских времён и до середины XIX века не представляется возможным, так как в сильном пожаре 1864 года сгорели все дела крепостного архива вместе с личными делами его служащих.

Пожар отодвинул на несколько лет и начало проведения в Симбирской губернии судебной реформы, предпринятой правительством Александра II. Симбирский окружной суд с открывшимся при нём нотариальным отделом был учреждён только в 1870 году.

В новой судебной системе нотариальным органам по-прежнему отводилась роль пасынка, но даже и в этом случае они не стали вспомогательными судебными учреждениями, а выделились в самостоятельную службу со своими конкретными задачами и закреплёнными за ними правовыми функциями в сфере гражданской юрисдикции.

Октябрьская революция и последующие за ней 70 лет Советской власти перечеркнули всё то, что годами наработывалось в российском буржуазном праве. В Советском государстве с господством общественной и отсутствием частной собственности не могло быть и речи о таком правовом институте, как свободный нотариат.

С 1922 по 1993 год нотариальная служба находилась в системе учреждений исполнительной власти, затем органов юстиции и была сведена к некоему техническому органу, свидетельствующему отдельные правовые акты. Она, прежде всего, отстаивала государственные интересы, мало уделяя внимания защите прав отдельной личности. Разумеется, что такое положение нотариата не придавало ему популярности в обществе.

Проведение в России в последние десятилетия глобальных по масштабу и содержанию экономических, правовых и социальных реформ, развитие гуманистических начал во взаимоотношениях государства с личностью позволили нотариату подняться на такую высоту, на которой он никогда не стоял прежде. Нотариусы одними

из первых в нашей стране бросили вызов времени, перейдя к новым формам работы.

С началом перестроечных процессов 1990-х годов в России утвердилась латинская модель нотариата, для которой присущи независимость и самоуправляемость.

Принятые в 1993 году Основы законодательства о нотариате способствовали созданию в Российской Федерации института частнопрактикующих нотариусов, свободных и независимых, объединённых в общероссийском масштабе через федеральные и местные нотариальные палаты в единую систему. Наконец-то нотариат обрёл свою настоящую природу, а общество получило эффективный правозащитный институт.

Нотариальная палата Ульяновской области днём своего рождения считает 20 мая 1994 года, когда Управлением юстиции администрации Ульяновской области был утверждён её устав. С этого времени внебюджетный нотариат занял достойное место в правовой системе Ульяновской области. Такие его характеристики, как независимость, беспристрастность, конфиденциальность и ответственность, а также наделение нотариусов правом совершать нотариальные действия от имени государства, придание нотариальным актам исполнительной силы, свидетельствуют об оказанном институту нотариата особом доверии как со стороны общества, так и государства.

Остаётся надеяться, что приведённый в книге временной и фактический материал из истории нотариата Симбирской губернии и Ульяновской области послужат платформой для дальнейших исследований в этой области.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
БУНТАШНЫЙ ВЕК	7
1648 год	7
Далеко от Москвы	10
Площадные подьячие Симбирска	26
Во времена великой смуты	31
Возрождение из пепла	34
Суд да дело	46
Площадной подьячий Петрушка Муромцев	54
Приложение 1	58
НА ЗАРЕ АБСОЛЮТИЗМА	60
Чем государство богатеет	60
«Не в духе русского народа»	68
Реформа управления Петра 1	79
Нотариус Иван Киндяков	80
Симбирск купеческий	89
У ВЕКА ЖЕНСКОЕ ЛИЦО	93
«Сии люди богом избалованы»	93
Губернская реформа Екатерины II	97
Григорий Отрепьев, он же Мальтийский	105
Чичиков поневоле, или Дело о «мёртвых душах»	108
По страницам шнурованных книг	110
Приложение 2	122

ПРАВДА И МИЛОСТЬ ДА ЦАРСТВУЮТ В СУДАХ	124
От Александра I до Александра II	124
Открытие Симбирского окружного суда	135
Старшие нотариусы Симбирска	138
«Положение о нотариальной части»	157
Доверяй, но проверяй	163
Такие разные судьбы	172
Уездные нотариусы	196
Династии	204
Война и революция	214
Приложение 3	225
70 ЛЕТ СОВЕТСКОГО НОТАРИАТА	227
Становление советского нотариата	227
Первая Ульяновская государственная нотариальная контора	233
Вторая Ульяновская государственная нотариальная контора	248
Третья Ульяновская государственная нотариальная контора	251
Четвёртая Ульяновская государственная нотариальная контора	256
Димитровградская государственная нотариальная контора	260
Приложение 4	264
ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ	266
Приложение 5	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	281

Золотые страницы российского нотариата

Татьяна Алексеевна Громова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА НОТАРИАТА
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ –
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Главный редактор К.А. Катанян

Шеф-редактор А.В. Владимиров

Корректор Л.А. Лебедева

Компьютерная верстка Д.А. Зотов

Подписано в печать 30.05.2010 г. Формат 70×100/16

Гарнитура Times. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 18. Тираж 500. Заказ

Фонд развития правовой культуры

105064 г. Москва, ул. Воронцово Поле, д. 12, стр. 3

Тел.: (495) 916-04-42, 916-04-72, e-mail: notarius79@bk.ru

Отпечатано ООО “Бизнес-Групп”,

603116, г. Нижний Новгород, ул. Гордеевская, дом 1

Тел.: (831) 437-68-15 (многоканальный)

Моб.: 8-920-258-01-66, 8-910-898-75-11

E-mail: kommerc@inbox.ru

